Федеральное агентство научных организаций России

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Российской академии наук

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Периодический сборник научных статей

Электронное научное издание

Выпуск 11

Москва 2019

Редакционная коллегия

В. З. Демьянков

П. С. Дронов

А. В. Дыбо

Е. Р. Иоанесян (отв. редактор)

Д. Б. Никуличева

Н. М. Разинкина

Н. К. Рябцева

К. Я. Сигал

И. И. Челышева

K. Hengst (Universität Leipzig)

R. Libertini (Katolícka univerzita v Ružomberku)

Проблемы описания языка

Problems of Linguistic Description

Н. М. Абакарова (ИЯз РАН)

N. M. Abakarova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

О сюжетной реализации смысловой вариативности в художественном тексте

On the Plot-based Realization of Sense Variability in Literary Texts

Аннотация

В статье рассматриваются примеры сюжетной реализации семантических трансформаций в английских художественных текстах. Отмечается необходимость интертекстуального подхода к интерпретации смысловой вариативности.

The paper deals with the plot-based realization of semantic transformations in English literary texts. Special attention is paid to the intertextual aspect of sense variability.

Ключевые слова:

Сюжетная реализация семантических трансформаций, смысловая вариативность, интертекстуальность

Plot-based realization of semantic transformations, sense variability, intertextuality

Неослабевающий интерес лингвистов к изучению природы художественного текста и всех его элементов определяет необходимость пристального внимания к его семантической составляющей, вариативности смыслов и трансформации значений. Известно, что смысловая перспектива художественного текста раскрывается постепенно, в процессе чтения произведения, а то и после прочтения. Некоторые виды семантических трансформаций, к примеру, трансформация образности и двусмысленности, могут использоваться для предвосхищения сюжетных поворотов, создания атмосферы загадочности и нараста-

ющего драматического напряжения. Рассмотрим несколько примеров сюжетной реализации семантических трансформаций в английской литературе.

В произведениях Шекспира нарочитая неясность предсказаний находит своё разрешение лишь по мере развития сценического действия, нередко — в финале пьесы. Так, в хронике «Генрих VI(II)» Дух предсказывает Сеффолку кончину от воды, а Соммерсету советует избегать замков:

Boling. What fates await the Duke of Suffolk?

Spir. By water shall he die and take his end.

Boling. What shall befall the Duke of Somerset?

Spir. Let him shun castles: Safer shall he be upon the sandy plains. Than where castles mounted stand (I, 4.32-37)

Предсказание сбывается в заключительных актах пьесы, когда Сеффолка убивает человек по имени Уолтер Уитмор (трансформация *Walter — water*):

Whit….my name is Walter Whitmore…Why start'st you? What, doth death affright?

Suf. Thy name affright me, in whose sound is death. A cunning man did calculate my birth and told me by water I should die…Yet let not this make thee be bloody minded; Thy name is Gualtier, being rightly sounded.

Whit. Gualtier or Walter, which it is I care not (6, IV, 1, 31—38).

Что касается Сомерсета, то он находит смерть рядом с трактиром «Замок Сент-Олбенс»:

Rich. So, lie thou there; For underneath an alehouse' paltry sign, The Castle in Saint Albans, Somerset hath made the wizard famous in his death (V, 2.66—69).

В данном случае происходит трансформация апеллятива с предметным значением 'castle' в топоним "The castle in Saint Albans".

Зловещий намёк на дальнейшую судьбу Кларенса, тело которого подосланные Глостером убийцы бросят в бочку с мальвазией (своего рода антипода купели), содержатся в словах Глостера, обращённых к Кларенсу:

Clo. Alack, my lord, the fault is none of yours; he should for that, commit your godfathers. O. Belike Majesty hath some intent that you should be new-christ'ned in the Tower (Rich 3, I, 1, 48—50).

Кларенс будет убит в четвёртой сцене первого акта. Но и сам Ричард боится предсказания: имя Richmond, которое его страшит, трансформируется в название местности Rugemont (IV, 2, 99—101,106,107—111):

K. Rich. Richmond! When last I was at Exeter,

The mayor in courtesy show'd me the castle

And call'd it Rugemont, at which name I started,

Because a bard of Ireland told me once

I should not live long after I saw Richmond.

В трагедии «Тит Андроник» переосмысление образности не только предвосхищает события, но и свидетельствует о душевном смятении персонажа. Тит Андроник сначала упрекает своего брата Марка за убийство мухи, а затем благодарит его. Внимание Тита к столь незначительному событию объясняется отождествлением мухи с невинной жертвой, а перемена в отношении Тита к поступку брата вызвана тем, что Марк Андроник уподобляетмуху ненавистному им мавру Аарону. Тит Андроник считает убийство мавра благородным делом и тем самым предвосхищает вынесение смертного приговора Аарону в финале пьесы:

Tit. What dost thou strice at Marcus, with thy knife?

Marc. At that I have kill'd, my lord,-a fly.

Tit. Out on thee, murderer! thou kill'st my heart; Mine eyes are cloy'd with view of tyranny: A deed of death done on the innocent, Becomes not Titus' brother: get thee gone; I see thou art not for my company.

Marc. Alas, my lord, I have but kill'd a fly.

Tit. But? How if that fly had a father a mother? Poor harmless fly!

Marc. Pardon me, sir; it was a black ill-favour'd fly. Like to the empress' Moor; therefore I killed him.

Tit. O,o,o! Then pardon me for reprehending thee, For thou hast done a charitable deed.Yet, I think we are brought so low, But that, between us, we can kill s fly, That comes in likeness, of a coal-black Moor (III,2,46—72).

Основный конфликт пьесы может передаваться через столкновение омонимов, сопровождающееся столкновением фреймов. Так, в трагедии «Отелло» фрейм измены активируется главным героем в тот момент, когда он выбирает между омонимами *lie* ('лгать') и *lie* ('спать') последний из них. При этом фрейм лжи (Дездемону оклеветали) активируется в тексте позднее.

Oth. What hath he said?

Iago. Faith that he did, I know not what he did.

Oth. What? What?

Iago. Lie —

Oth. With her?

Iago. With her; — on her; — what tou will.

Oth. Lie with her! lie on her! — We say lie on her, when they belie her. Lie with her! that's fulsome (IV, 1, 38—43).

Таким образом, вариативность смыслов предопределяет сюжетные повороты той или иной пьесы, а загадочные предсказания получают разгадку в результате семантических трансформаций, реализующихся в линейных последовательностях текста.

Сюжетную реализацию в произведениях елизаветинских драматургов нередко получают личные имена персонажей. В комедии Бена Джонсона «Эписин, или молчаливая женщина» молодой человек играет роль женщины по имени Эписин и даже «выходит замуж» за брюзгливого старика Мороуза. Лишь в финале пьесы выясняется, что имя *Epicine* является семантически мотивированным: его значение — 'не то мужчина, не то

женщина’ — и есть ключ к расшифровке хитроумного плана Дофина относительно женитьбы своего дядюшки Мороуза.

Алхимик из одноимённой комедии Джонсона носит имя *Subtle* (Сатл), омонимичное многозначному слову *subtle*.Реализация одного из лексико-семантических вариантов этого слова — ‘хитрый’ — происходит по мере раскрытия этого персонажа, являющегося мошенником, с успехом обманывающим доверчивых клиентов.

Традиция сюжетной реализации личных имён нашла продолжение в английской литературе последующих времён. Так, в детективном романе Агаты Кристи «Сверкающий цианид» (“Sparkling Cyanide”) имя героини, в самоубийство которой верят все окружающие, Розмари (Rosemary), омонимично названию цветка. Одним из лейтмотивов текста становятся слова шекспировской Офелии: *Rosemary, that’s for remembrance* (‘Розмарин — это для воспоминания’). Так как текст трагедии «Гамлет» является универсально прецедентным, использование имени погибшей героини в подобном контексте становится для читателя ключом (возможной стратегией) интерпретации. Известно, что Офелия произнесла эти слова незадолго перед тем, как её нашли утонувшей (предполагаемое самоубийство). Но, как это часто бывает у Кристи, стратегия оказывается ложной: героиня не покончила жизнь самоубийством. Личное имя, таким образом, получает двойственную сюжетную реализацию — сначала подтверждая догадку читателя, а затем опровергая её.

Выявление кодирующих и декодирующих структур текста обусловлено не только развитием сюжета конкретного произведения, но и привлечением контекста всей мировой культуры.

Например, библейские тексты, также являющиеся прецедентными универсалиями, становятся ключом к декодированию скрытых смыслов уже на уровне паратекстовых элементов, в частности, названия. Название стихотворения Джеймса Джойса, посвящённого рождению его внука “Ecce puer” («Се дитя»), представляет собой аллюзию на слова Понтия Пилата, обращённые к толпе, к которой он вывел Иисуса: «Ecce homo!» (‘Се Человек!’). Радость, вызванная появлением в мире нового человека, неотделима от чувства грусти и осознания хрупкости человеческого существования:

Of the dark past

A child is born;

With joy and grief

My heart is torn.

Yong life is breathed

On the glass;

The world that was not

Comes to pass.

Архетипические символы и образы классических мифов получают развитие и сюжетное переосмысление в творчестве У. Б. Йейтса. Любимый романтиками мотив плавания как путешествия в поисках мечты реализуется в стихотворении “Sailing to Byzantium” («Плавание в Византию»):

That is no country for old men. The young

In one another’s arms, birds in the trees

— Those dying generations — at their song,

The salmon-falls, the mackerel-crowded seas,

Fish, flesh, or fowl, commend all summer long

Whatever is begotten, born, and dies.

And therefore I have sailed the seas and come

To the holy city of Byzantium.

Византия представляется поэту идеальным местом для занятий искусством, символом бессмертия. Однако уже в стихотворении ”Byzantium” («Византия») предполагаемый идеал оборачивается царством забвения и смерти, враждебным художнику:

Before me floats an image, man or shade,

Shade more than man, more image than a shade;

For Hades’bobbin bound in mummy-cloth

May unwind the winding path;

A mouth that has no moisture and no breath

Breathless mouths may summon;

I hail the superhuman;

I call it death-in-life and life-in-death.

Заведомая амбивалентность образов моря и морских созданий позволяет наделять архетипический мотив плавания (как путешествия к мечте) противоположными, хотя и не взаимоисключающими смыслами. Примеры травестирования символов можно найти, в частности, у Э.Лира и Т. Элиота [1]. У Иейтса в заключительной строфе возникает образ дельфинов, которых оседлали духи:

Astraddle on the dolphins mire and blood,

Spirit after spirit! The smithies break the flood,

The golden smithies of the Emperor!

Здесь можно вспомнить, что в погребальном искусстве этрусков дельфины часто несут души умерших к Островам Обетованным (Блаженных) [2, 189].

Интертекстуальной перекличкой с поэмой Т. Элиота “The Hollow Men” («Полые люди») нам представляется и образ танца, похожий на агонию:

…flames begotten of flame,

Where blood-begotten spirits come

And all complexities of fury leave,

Dying into a dance,

An agony of trance,

An agony of flame that cannot singe a sleeve.

Таким образом, интерпретация меняющихся смысловых планов в пространстве художественного произведения невозможна без учёта текстовой открытости и интертекстуального диалога.

Источники

Christie A. Sparkling Cyanide. M., 2013

Eliot T. S. Selected verse (на англ.и русск.яз.). M., 2000.

Johnson B. The Alchemist and Other Plays (Ed. with an Introd.and Glossary by G.Compbell). Oxford, New York, 1995.

Joyce J. Poems (на англ. и русск. яз.). М.,2003.

Shakespeare W. The Complete Works.A new.ed. (Ed.with an Introd.and Glossary by Peter Alexander), London and Glasgow, 1968.

Yeats W. B. Selected poems (на англ.и русск.яз.). М., 2001.

Литература

1. Абакарова Н. М. Об универсальных символах, их значении и интерпретации в художественных текстах // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков, Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание, Выпуск 7, М., 2015.

2. Энциклопедический словарь символов. М., 2003.

А. Н. Барулин (Институт языкознания РАН)

A. N. Barulin (Institute of linguistics,

Russian Academy of Sciences)

Проект создания толково-комбинаторного словаря морфем

Explanatory combinatorial morpheme dictionary (project).

Аннотация

Работа посвящена изложению базовых принципов описания грамматического слова как синтагматической единицы, построенной из морфем, связанных между собой морфолого-синтаксическими отношениями. Подобное описание должно опираться на морфологический словарь, в котором должна быть отражена вся информация, необходимая для синтеза грамматического слова по семантическому заданию. Работа выполнена в рамках общей интегральной теории типа «Смысл ↔ Текст», а именно в том ее варианте, который развивается автором настоящей работы с 1977 г.

The paper deals with the basic principles of description of syntactic relations between morphemes. A word is viewed as a syntagmatic unit constructed out of morphemes within the rules of inner syntax of the word. This kind of explanation should be based on morphological dictionary, wherein all the information needed for grammatical word synthesis in line with a semantic task should be given. This kind of dictionary was coined as explanatory combinatorial dictionary by I. A. Melčuk and A. K. Zholkovski. This kind of dictionary is far from being completed even for lexical syntax, not to mention syntax of morphemes. This paper sticks to a version of Meaning-text theory, which has been developed by the author of this paper since 1977.

Ключевые слова

Морфология, грамматическое слово, словоформа, морфологический синтаксис (морфолого-синтаксические отношения между морфемами), морфологическая грамматика зависимостей, толково-комбинаторный словарь морфем, правило Базелла, типология морфолого-синтаксических отношений, русский язык, русская словообразовательная

морфология, деривативные нулевые морфемы, нексус и юнкция в морфологических отношениях, типы морфологических конструкций, композиты, структура композитов

Morphology, grammatical word, word form, morphological syntax (syntactic relations between morphs of a word), morphological dependency grammar, explanatory combinatorial morpheme dictionary, Bazell's syntactic rule, typology of morphological syntactic relations, Russian language, Russian derivative morphology, zero derivative morphemes, nexus and junction in morphological syntactic relations, morphological constructions, compound words, structure of compounds

1. Постановка задачи.

Задачей настоящей работы является описание принципов построения главного компонента модели словообразовательной морфологии – толково-комбинаторного словаря морфем. Работа выполнена в рамках общего направления теории «Смысл ↔ Текст» ([1; 33; 42; 43; 44; 45; 46; 47]), а именно в рамках того ее ответвления, которое разрабатывается автором настоящей статьи. Основные результаты исследований в этой области отражены в работах [2— 24; 56].

2. Теоретические положения, необходимые для понимания статьи.

2. 1. Морфологический компонент интегральной модели языка.

Согласно идеям И. А. Бодуэна де Куртене ([28]) и Н. И. Жинкина ([32]) усложнение языковых единиц идет в двух координированных направлениях, соответствующих двум центрам управления синтезом речи и двум ритмическим структурам – дыхательной и мыслительной. Эти направления будут далее называться метрическим и сигнификативным. Синтез метрических единиц (слога, фонетического слова и т. д.) основывается на ритмах дыхания и управляется из ствола мозга ([32, 82; 59]). Синтез сигнификативных единиц (морфов, словоформ и т. д.) основывается на ритмах мыслительных операций, подобных вычислительным и управляется из коры. Как выяснили нейрофизиологи, координацию при построении этих двух типов единиц обеспечивают нейронные связи коры и

ствола мозга. При этом сигнификативные единицы обеспечивают членораздельность речи, а метрические – ее непрерывность, континуальность. В результате образуются пары сопряженных, но не совпадающих друг с другом единиц: морфы и слоги, словоформы и фонетические слова, словосочетания и такты, предложения и периоды.

Одна из важнейших теоретических идей Г. П. Павского, которую я также принимаю на вооружение, была им высказана в следующем виде: «Въ человѣческомъ словѣ два властителя: смыслъ н выговоръ, Смыслъ требуетъ, чтобъ каждая значительная буква (т. е. фонема, отвечающая за отличение значения данной единицы от значений других – А. Б.) оставалась на своемъ мѣстѣ. Иначе съ потерею ея потеряется зиаченіе слова. По этому требованію смысла глазъ везде хочетъ находить значительныя буквы въ надлежащем ихъ мѣстѣ и видѣ. Но выговоръ, другой властитель слова, во многихъ случаяхъ не терпитъ сближенія буквъ, требуемыхъ смысломъ. Съ выговоромъ соглашается и ухо. Для примиренія смысла съ выговоромъ и глаза съ ухомъ мы употребляемъ обыкновенно тѣ средства, которыя исчислены въ предшествующей главѣ, то есть, вносимъ въ слоги гласныя буквы, по отношенію къ смыслу ничего не значащія, но способствующія къ облегченію выговора; также выпускаемъ буквы, перестанавливает ихъ и пр.» [49, 115 – 116]. Из этой идеи напрямую следует, что единицы, появление которых обусловлено требованиями выговора, т. е. механизмом, обеспечивающим правильное строение метрических единиц (эпентезы), не следует включать в сегментное означающее языковых знаков, и, наоборот, единицы, устраненные механизмом, обеспечивающим правильное строение метрических единиц, следует восстанавливать уже на фонологическом уровне.

Конституирующими (по Э. Бенвенисту (см. [26, 136])) единицами морфологического яруса признается морфема и слог. Интегрантами – грамматическое и фонетическое слово. Задачей морфологического яруса в интегральной модели языка признается синтез основы, т. е. преобразование поверхностно-семантического представления предложения в морфолого-синтаксическое, вначале древесное, а затем линейное. При этом в этом ярусе различаются три уровня: глубинный морфолого-синтаксический, на котором глубинные морфемы выступают как имена узлов синтаксического дерева предложения и задаются в

виде абстрактных символов, поверхностный, на котором дерево перестраивается, приближаясь в определенном отношении к линейной структуре, и линейный, на котором глубинные морфемы преобразуются в поверхностные, заданные вначале в виде имен поверхностных морфем, заключенных в фигурные скобки, а затем в терминах морфонологической транскрипции, которая затем преобразуется в архифонемную (см. [25]), а потом в фонологическую. Совершенно очевидно, что процедура синтеза основы невозможна без словаря морфем, причем не такого, где они просто перечисляются, а толково-комбинаторного словаря морфем, где будут даны все необходимые и достаточные сведения об их значениях, грамматически существенных классах, в которые они входят, сочетаемости и идиоматических конструкциях, в которых они могут участвовать. Структура словарной статьи словаря с такими характеристиками была разработана в [23]. Здесь она приводится с некоторыми уточнениями и дополнениями.

2. 2. Морфема и словоформа. Структура словоформы

Морфема рассматривается как самостоятельный лингвистический знак, имеющий тот же принцип обозначения, ту же знаковую структуру, что и слово. Она имеет свое означающее, свой интенсиональный компонент, свою референтную соотнесенность, а также синтактику. Сложные морфологические конструкции (т. е. конструкции, в которые входит более одного морфа) строятся из морфов приблизительно по тем же правилам, что и сложные лексические конструкции, т. е. на основе морфолого-синтаксических отношений между морфами в словоформе по правилам отображения этих отношений в линейной структуре, хотя в построении морфологических конструкций есть и свои особенности[1]. Так, упорядочение морфов в словоформе первоначально, не зависимо от морфолого-синтаксической иерархии, должно быть ориентировано на их принадлежность к конструктивному классу (корень – клитика – аффикс). Корень в простых интегрантах (не композитных) образует и в словоформе, и в фонетическом слове порядковый центр. Морфы, относящиеся к прочим конструктивным классам, должны упорядочиваться в ин-

[1] Речь ниже пойдет только о русском языке, хотя аналогичные принципы типологически распространены очень широко. О принципах упорядочения морфов в словоформе, отличающихся от тех, которые приняты в русском языке, см., например, [58].

тегрантах сначала относительно корневого морфа и только в цепочке однородных с точки зрения принадлежности к определенному конструктивному классу морфов – по принципу морфолого-синтаксической иерархии. В простых клитических грамматических словах (см. [22]) порядковый центр образуют клитики, грамматические аффиксы должны плотно примыкать к ним и не могут от них отделяться другими клитиками или корневыми морфами. В корневом грамматическом слове есть еще две обязательные иерархии, не зависящие от морфолого-синтаксической иерархии: аффиксы делятся на деривативные и грамматические, и деривативные должны располагаться ближе к корню, чем грамматические. Таким образом, только цепочки деривативных аффиксов подчиняются синтактико-семантической иерархии. Из этого следует, что порядок расположения морфем в языках, типологически близких к русскому, может указывать на морфолого-синтаксические связи между морфами лишь в очень ограниченном объеме. Главным средством указания на эти связи являются валентности морфем, которые могут заполняться морфами как в пределах словоформы, так и вне этих пределов. У каждого валентного места есть своя семантика, которая ограничивает выбор морфемы, способной его заполнять. Именно этот механизм и позволяет понять, как устроены внутренние связи морфов в пределах словоформы.

2. 3. Структура словарной статьи толково-комбинаторного морфологического словаря

Морфолого-синтаксическое описание словоформы должно опираться на толково-комбинаторный словарь морфем, словарная статья которого состоит из нескольких зон.

2. 3. 1. Имя глубинной или поверхностной морфемы. Зона 1

Имя морфемы является самым абстрактным способом ее представления, охватывающим все компоненты знака. Оно интерпретируется всеми ее более конкретными способами представления. Большая часть имен морфем представляет поверхностные морфемы, которые в нашем метаязыке обозначаются взятым в фигурные скобки именем в виде последовательности заглавных кириллических букв, например: {ТЕЛЕГ}, {Я}, {БЕГ} и т. д. Кроме поверхностных в метаязыке морфологического яруса встречаются имена так называемых глубинных морфем. Постулировать глубинные морфемы, исчезающие в ли-

нейной структуре словоформы, следует, в основном, в следующих случаях: а) когда означающим морфемы является оператор, который в тексте виден только как результат действия над фонемными, акцентными, морфологическими или лексическими единицами (см. ниже); б) когда в одной поверхностной морфеме кумулятивно объединены два семантических компонента, не имеющих с синтаксической точки зрения друг к другу никакого отношения, как, например, падеж и число в грамматическом показателе русского существительного, падеж, число и род в грамматическом показателе русского прилагательного; в) когда несколько грамматических и, иногда, лексических значений, в общем случае имеющих в данном языке свое собственное означающее, обозначается неделимым на означающие других морфов означающим (случай мегаморфа). Так, например, названия чисел, кратных десяти в русском языке, регулярно выражается конструкцией n+Case$_1$#десят+Case$_2$, где 1 < n < 9 и, если n – паукальное, то Case$_1$ = Nom независимо от того, чему равен Case$_2$, например, *dv⊕á#cət⊕'Ø$_{nom}$, tr'ê#cət'⊕í*. Но при n = 4 базовая конструкция сворачивается до простой основы – *сорок* без возможности заменить этот способ выражения на неупотребительное **čêt'ir'⊕ê#cət⊕'Ø$_{nom}$*. Таким образом, при регулярной представимости семантики основы СОРОК через интенсиональные компоненты морфем {ЧЕТЫР}, {ИМ.П}, {ДЕСЯТЬ} мы имеем не разделяющееся на означающие соответствующих морфов означающее *сорок.* По определению И. А. Мельчука это и есть случай мегаморфии (см. об этом подробно в [42, 141 – 143; 46, 401 – 418]).

2. 3. 2. Сведения об означающем морфемы. Зона 2

В этой зоне словаря должны располагаться сведения о глубинных алломорфах морфемы, о морфонологической форме означающего морфемы, о ее супплетивных алломорфах (зона 2. 1.), о способах поверхностной морфологизации глубинных морфем (зона 2. 2.), о просодических характеристиках морфем (зона 2. 3.), важных для определения места ударения в фонетическом слове (см. [35]). Подробнее см. [25].

2. 3. 3. Сведения об означаемом. Зона 3

Сведения об означаемом должны содержать: толкования морфемы (3. 1.), распределенность в их выборе (3. 2.), данные о типах референтов (3. 3.), с которыми может соотноситься данное толкование, и распределенности в их выборе (3. 4.).

2. 3. 4. Сведения о синтактике. Зона 4.

Сведения о синтактике содержат несколько подзон:

2. 3. 4. 1. Сведения о конструктивном классе морфемы. Зона 4. 1

Мы будем различать не два (корни и аффиксы), а три конструктивных класса морфем: корни, клитики и аффиксы (см. подробнее [22]). Этот тип таксономии относится к так называемым эмерджентным (или, по К. Лоренцу ([40]), фульгурационным) характеристикам морфем, т. е. к характеристикам, не выводимым ни из свойств означающего морфов, ни из свойств их означаемых. Он связан с особенностями конструирования линейных интегрирующих единиц морфологического яруса, а именно, с построением грамматических и фонетических слов, отсюда и название классификации – конструктивная. И в том, и в другом классе интегрантов требуется задание строгого порядка следования морфем, который, как это было показано в двух моих предшествующих статьях, способствует еще и определению границ интегрантов в непрерывной цепочке морфем (см. об этом [21; 22]). Отличаются эти три класса наделением их способностью служить порядковым центром простых (не композитов) грамматических и фонетических слов: корни своей позицией определяют порядковый центр как грамматических, так и фонетических слов. Клитики способны сформировать порядковый центр только грамматических слов, а аффиксы не способны быть центром ни грамматического, ни фонетического слова (подробнее см. [22]). Внутри этих классов выделяются подклассы. Так, корни могут быть свободными и связанными, (например, {АВИА}, {АЭР} и т.д.), грамматическими (как, например, корень глагола БЫТЬ) и номинативными, исконными и заимствованными; клитики могут по своей позиции относительно корня быть проклитиками (как, например, предлоги {В}, {НА}, {ПОД} и пр.) и энклитиками (как, например, рус. частицы {БЫ}, {ЖЕ}, {КА} и пр.); они могут быть грамматическими (как, например, рус. {БЫ}) и деривативными (как, например, рус. {ЖЕ}, {КА}); аффиксы по своей способности разрывать

другие морфы и разрываться самим могут быть конфиксами (все русские аффиксы), инфиксами, циркумфиксами и трансфиксами (см. об этом [46, 167]), конфиксы могут быть префиксами и суффиксами. Все аффиксы могут быть грамматическими и деривативными.

2. 3. 4. 2. Сведения о грамматическом разряде морфемы. Зона 4. 2

Если в лексическом синтаксисе грамматический разряд лексемы можно определить по набору флексий, синтактике и структурной организации интенсионально-референциального компонента лексемы (см. об этом [14]), то грамматический разряд, или частеречную принадлежность морфемы можно определить только по ее сочетаемости с другими классами морфем и семантической организации, т. е. приблизительно так же, как можно определить, например, отнесенность лексемы к предлогам, союзам или наречиям, где морфология тоже бессильна. Мы здесь будем в рабочем порядке различать следующие грамматически существенные разряды морфем: субстантивный (например, {ТЕЛЕГ}, {РУК}, {ТЕЛЬ}, {СТВ}), глагольный (например, {БЕГ}, {СМОТР}, {ГРЕ}, {И} (*бел⊕и⊕ть, кле⊕и⊕ть*), адъективный (например, {БЕЛ}, {ЖЕЛТ}, {Н} (*вод⊗н⊕ый*), {Щ} (*бег⊗у⊗щ⊕ий*)), нумеративный (например, {ПЯТ}, {ДЕСЯТ}), аморфный (класс не присоединяющий к себе флексий, например, {ЕЩЕ}, {УЖЕ}, {В}, {БЕЗ}, {А}, {НО}), коннекторный (например, {О} (*пар⊕**о⊕**ход⊕Ø*$_{им.ед.}$, *неб⊕**о⊕**жи⊗тель⊕Ø*$_{им.ед.}$) {Ø$_{conn}$} (*капитан⊕Ø*$_{conn}$*⊕лейтенант⊕Ø*$_{им.ед.}$, *блиц⊕Ø*$_{conn}$*⊕турнир⊕Ø*$_{им.ед.}$)), тематический (например, {ЕС} (*неб⊗ес⊕а, чуд⊗ес⊕а*), {ЕР} (*мат⊗ер⊕и, доч⊗ер⊕и*), {INDIR} (показатель косвенной основы в паукальных числительных, например, *дв⊗у⊕х, тр⊗'о⊕х*). По мере обработки материала этот список может быть дополнен.

Частеречные характеристики основы в подавляющем большинстве случаев определяются классом морфа, находящегося в вершине ее морфолого-синтаксической конструкции. Вершина конструкции определяется, как и в лексическом синтаксисе, по правилу Базелла: в синтаксически связанной паре морфем та является главной, чьи пассивные валентности совпадают с пассивными валентностями всей пары ([53, 82], см. об этом

ниже). Понятно, что синтактика именно вершинного морфа основы определяют и тип флексий словоформы. Наборы соответствующих флексий, таким образом, могут служить классификационным принципом определения частеречной принадлежности морфемы. Этот принцип, разумеется, требует большого количества уточнений, но мы их здесь обсуждать не можем.

2. 3. 4. 3. Сведения о словоизменительной и словообразовательной синтактике. Зона 4. 3

В этой зоне содержатся сведения о морфологических параметрах типа лексических функций толково-комбинаторного словаря лексем (см. [1; 44; 48]).

В первой подзоне (4. 3. 1.) содержится информация о типе флексий, которые должны присоединяться к основе словоформы в том случае, если данная морфема оказывается вершинным элементом синтаксической структуры основы. Тип флексий дается по словарю А. А. Зализняка ([34]) и совпадает с типом склонения или спряжения, указанным в словаре. Эта подзона заполняется не у всех морфем, а только у тех, которые способны находиться в вершинной позиции морфолого-синтаксической конструкции основы. Например, у коннекторов, тематических морфем, префиксов и суффиксов, всегда находящихся в позиции зависимых, эта подзона остается пустой. У некоторых подчиненных суффиксов выбор набора флексий выводится по определенным правилам, основанным на свойствах не одного только вершинного морфа, а на свойствах вершинного и подчиненного морфов. Таковы, например, правила выбора флексий у сочетаний именной базы и аугментативного суффикса {ИЩ}, образующего в терминах лексических функций Мельчука и Жолковского функцию Magn от словообразовательной базы. В им. ед. после него возможны лишь два типа флексий [$E_{им.ед}$] и [$A_{им.ед.}$] с простым распределением: если словообразовательная база, к которой присоединяется {ИЩ}, относится к мужскому или среднему согласовательному классу, то выбирается первый вариант флексии, если – к женскому, то – второй. В косвенной парадигме выбирается тот же набор флексий, что и у вершинного морфа конструкции базы: *дом⊕*$Ø_{им.ед.}$ – *дом⊗ищ⊕е, дом⊕а – дом⊗ищ⊕а,*

вин⊕о – вин⊗ищ⊕е, вин⊕а – вин⊗ищ⊕а, но *баб⊕а – баб⊗ищ⊕а, вонь⊕Ø*$_{им.ед.}$ – *вон⊗ищ⊕а* и т. д. Если база относится к согласовательному классу pluralia tantum, флексии наследуются всей словоформой от вершинного морфа базы: *деньг⊕и – деньж⊗ищ⊕и.* Таким образом, даже если брать форму им. ед., словоформа наследует сочетаемостные свойства вершинного суффикса, хотя выбор флексии определяется по характеристикам не одного, а двух морфов.

Во второй подзоне (4. 3. 2.) содержатся параметрические сведения об особенностях оформления стандартных деривативных значений, конструктивно связанных с данным морфом. Так, например, обозначения субъекта, объекта, инструмента, локуса, субъектов женского пола при глагольных корнях, носителя свойства при адъективных и субстантивных корнях выражаются достаточно разнообразно, ср., например, *бег⊗ун⊕Ø*$_{им.ед.}$, *бег⊗л⊗ец⊕Ø*$_{им.ед.}$, *спас⊗а⊗тель⊕Ø*$_{им.ед.}$, *у⊗би⊗й⊗ц⊕а, бор⊗ец⊕Ø*$_{им.ед.}$, *груб⊗и⊗ян⊕Ø*$_{им.ед.}$, *гон⊗щик⊕Ø*$_{им.ед.}$, *об⊗ход⊗чик⊕Ø*$_{им.ед.}$, *ход⊗ок⊕Ø*$_{им.ед.}$, *книг⊕о⊕нош⊗'Ø*$_{агент}$*⊕а, одн⊕о⊕люб⊗Ø*$_{эксп}$*⊕Ø*$_{им.ед.}$ и т. д.

2. 3. 4. 4. Сведения о модели управления морфемы (МУМ). Зона 4. 4

«Интересные для теоретической семантики и лексикографии синтаксические свойства слова, – писал в «Лексической семантике» Ю. Д. Апресян, – это, в первую очередь, его активные семантические валентности, т. е. те валентности слова, которые присоединяют к нему синтаксически зависимые слова и **каждой из которых соответствует переменная в толковании его значения**» ([1, 119 – 120], полужирный шрифт – мой, А. Б.). Есть ли активные валентности у морфем? Словообразовательная теория, которая считает, что слово образуется от слова, ведет себя по отношению к этому вопросу двойственно: с одной стороны, даже в словообразовательных теориях этого типа считается, что у морфемы есть значение, с другой стороны, считается, что морфологически более сложное слово образуется не сочетанием морфем, составляющим морфолого-синтаксическую конструкцию, а от другого слова чисто парадигматической операцией, пределом которой является не синтагматическая единица, а словообразовательное гнездо.

Эта позиция подавляющего большинства специалистов по русскому словообразованию противоречива. В самом деле, если у морфемы есть значение, то, по Ю. Д. Апресяну, оно должно отображаться в ее толковании. Если же у нее есть толкование, то в нем, наряду с предикативными компонентами, должны быть переменные, а переменные толкования значащей единицы языка и есть ее валентности. Если у морфемы есть валентности, у нее есть и синтаксические связи с другими морфемами. Более того, в словоформе все морфемы, значение которых не является пустым (как это имеет место, например, в случае с тематическими морфемами), должны быть непрерывно связаны синтаксическими отношениями, а вся она представляет собой морфолого-синтаксическую конструкцию.

Проанализируем в качестве примера морфологические конструкции с корнем {СТРО}. Значение этого глагольного корня можно представить следующим образом: X, определенным способом упорядочивая и скрепляя элементы материала Y, создает Z. Время глагола в толковании условное, на самом деле оно при этом корне может быть любым: просто без показателя этой грамматической категории нельзя построить словоформу. Из толкования следует, что корень этот семантически трехвалентный. Но в поверхностном синтаксисе у него только две обязательных валентности – субъектная и объектная. В активном залоге финитный глагол с этим корнем требует при себе существительное в именительном падеже для оформления субъекта и существительное в винительном падеже для оформления объекта, из чего следует, что глагол переходный. Эту характеристику мы сохраним и для корневой морфемы: именно она определяет модель управления всей лексемы. В самом деле, например, в словоформе *строит* четыре морфемы: {СТРО}, {$PRAES_{fin}$}, выражаемая нулевым показателем, {$И_{тем}$} – тематическая морфема флексии – и {Р3} – показатель третьего лица ед. ч. Показатель времени семантически связан в этой словоформе с корнем и является в паре синтаксически связанных морфов ее подчиненным членом, а {СТРО} – главным. Это можно проверить на диагностическом примере, например, *Пусть он строит дом.* В этом предложении *Пусть* валентно на глагол, а глагол, т. е. морфологическая конструкция, состоящая из трех непустых морфем, заполняет валентность ПУСТЬ, или, что то же самое, пассивно валентно на ПУСТЬ. ПУСТЬ,

кроме того активно валентно еще и на морфему, которая обозначает главную ситуацию морфосочетания. Такой морфемой является именно {СТРО}, а не показатель времени и не показатель третьего лица. Из этого следует, что пассивные валентности {СТРО} совпадают с пассивными валентностями всей синтаксически связанной пары {СТРО} —> {PRAES}, из чего, в свою очередь по правилу Базелла (см. [53, 82]) следует, что в этой паре главным членом пары является корневая морфема. Именно ее модель управления наследует далее вся морфологическая конструкция словоформы. Она двухвалентна, как и корневая морфема. Валентность показателя времени заполняется корнем {СТРО} и перестает быть свободной (у показателя 3-го лица свободных валентностей нет). И именно ее синтактике соответствует частеречная характеристика всей словоформы: {СТРО} – глагольный корень, поэтому он присоединяет к себе грамматические показатели глагола, а не имени. В толково-комбинаторном словаре морфем в зоне 4. 2. (Словоизменительная информация) будет указано, что набор флексий по классификации А. А. Зализняка ([34]) у морфемы {СТРО} – 4а, что означает, что в глагольных словоформах соответствующей лексемы ударение падает на основу, что в инфинитиве, формах прошедшего времени, втором, третьем лице ед. ч. и первом и втором лице мн. ч. между корнем и флексией должна быть вставлена тематическая морфема {$И_{тем}$}, в первом лице ед. ч. – {$У_{1л.ед.тем}$}, а в третьем мн. ч. – {’$А_{тем}$} и т. д.

Теперь рассмотрим другую морфологическую конструкцию с корнем {СТРО}: *стро⊗и⊗тель⊕Ø*$_{nom.sg}$. В этой конструкции имеются две непустые морфемы – {СТРО} и {ТЕЛЬ}. Пустая морфема {$И_{тем}$} отсутствует в синтаксической структуре словоформы. Она добавляется уже в линейную структуру автоматически специальными морфемными правилами. При этом суффикс {ТЕЛЬ}, имеющий здесь значение ‘тот, кто Р’, валентен на предикат, обозначаемый морфемой, входящей в данную словоформу, в нашем случае корневой морфемой[2]. Корень {СТРО} валентен на субъект строительства, а {ТЕЛЬ} заполняет его первую, субъектную валентность. Из этого следует, что они синтаксически

[2] Эта информация должна содержаться в модели управления суффикса в зоне 4. 1. словарной статьи толково-комбинаторного словаря морфем (см. [23]).

связаны. В лексическом синтаксисе этой валентности {СТРО} уже нет именно из-за того, что она заполнена в конструкции основы, ср. невозможность словосочетания **строитель дома компанией ПИК* при возможности заполнения объектной валентности, которая у корня остается незаполненной и наследуется валентной схемой всей лексемы: *строители дома*.

Теперь надо понять, какая из этих морфем главная, какая – зависимая. Привлекаем для этого диагностический контекст: *Строители ведут отделочные работы.* Глагол ВЕСТИ в этом предложении валентен на всю морфолого-синтаксическую конструкцию подлежащего. В синтаксически связанной паре {СТРО} —— {ТЕЛЬ} глагол валентен также на суффикс, поскольку именно он обозначает ‘того, кто строит’. {ТЕЛЬ}, таким образом, пассивно валентен на глагол, и той же характеристикой обладает вся синтаксически связанная пара. Из этого следует, что суффикс является главным в паре, а корень – зависимым. По установленному выше правилу вершинный элемент конструкции определяет тип основы (она субстантивная) и набор грамматических категорий и флексий. В зоне 4. 3. 1. (словоизменительная информация) в словарной статье суффикса будет указано, что набор флексий у него по классификации А. А. Зализняка ([34]) – 2а, что означает, что ударение остается на основе. При этом в акцентных характеристиках тематического суффикса {И$_{тем}$} будет указано, что он относится к классу доминантных морфем, принимающих на себя ударение, в характеристиках морфемы {СТРО}, что она относится к классу морфем, принимающих на себя ударение, а в акцентных характеристиках суффикса {ТЕЛЬ} будет указано, что он относится к классу морфем, сдвигающих ударение влево, что обеспечит нам вывод места ударения в словоформе по правилам, сформулированным в [35].

Теперь обратимся к композитам и покажем, что и в словоформах этого типа линейное представление также строится на базе морфолого-синтаксических связей между морфемами. Более того, в аккузативном по своему строю русском языке в именном словоизменении и в морфолого-синтаксической грамматике композитов действует эргативный, а не аккузативный строй.

Композиты строятся в два этапа: вначале конструируются основы композитной конструкции, затем с помощью оператора конкатенации, выражаемого коннектором, устраняется лексическая граница между основами (см. подробнее [21]) и композиция основ оформляется как единое грамматическое слово с одной флексией. Заметим при этом, что построение основ для участия их в композитных конструкциях в довольно большом случае осложняются специальными правилами выбора для конструкции базы, единственно правильного способа выражения заданного интенсионального компонента из-за ограничений на употребление в этих конструкциях тех или иных корневых морфем в композитных конструкциях. Так, для того, чтобы выразить одним грамматическим словом сложную идею, образованную из компонентов ‘приятный’ ‘запах’, нельзя использовать наиболее частотные основы, мы получим неправильные конструкции **приятнозапах,* или **приятнозапашие*, надо выбрать именно тот способ выражения мысли, который обеспечит нам правильно построенные конструкции: ‘приятный’ ➔ *благ,* ‘запах’ ➔ *вон’-* ∨ *ух-* с обязательным добавлением субстантивного суффикса типа {И}, или сочетание пустого морфа {АН}+{И} чтобы получить нормативное *благовоние* или *благоухание*. В русском корнесложении имеются строгие ограничения на сочетаемость адъективных основ с субстантивными. Так, нельзя образовать не только конструкцию *благовонь*, но и вообще конструкцию R_{adj}+R_{subst}+F. Ср. невозможные в русском языке **длиннобородa*, **длинноволос*, **чернокнига*, **беловолос*, **узколицо*, **белокамень*, **воднолыжа* при возможных *длиннобородый*, *длинноволосый*, *чернокнижный*, *чернокнижник*, *беловолосый*, *узколицый*, *белокаменный*, *воднолыжный*, *воднолыжник* (примеры исключения – *чернотал*, *белотал*). Есть масса других ограничений на построение композитов, которые мы не имеем возможности здесь обсуждать.

Рассмотрим теперь конкретный композит, например, *судостроитель*. Для обозначения идеи плавучего сооружения нам подходят и корень {СУД} и корень {КОРАБЛЬ} (*кораблестроитель*). При склонении корневой морфемы {СУД} в основе сингуляриса появляется пустой тематический морф, маркирующий подпарадигму единственного числа (*суд⊕н⊕о*, но *суд⊕а*). В подпарадигме мн. ч. /н/ исчезает. В словарной статье {СУД}

ТКСМ будет указано, что в композитах может использоваться только корень без присоединения к нему тематических морфов (*судоверфь*, *судоводитель*, *судовладелец* и т. д.). Основа *строитель* была проанализирована выше. Как уже было сказано у корня {СТРО} две активных валентности (кто строит и что строит). Первая валентность, как было отмечено выше, заполняется суффиксом {ТЕЛЬ}, который, заметим, сам валентен на глагольный корень и на всю синтаксически связанную пару {СУД} ——{СТРО}, вторая валентность заполняется корнем {СУД}. В лексическом синтаксисе эти валентности заполнены быть не могут **судостроитель корветов* запрещенное сочетание, правильное – *строитель корветов*, *строитель подводных лодок*, *строитель сухогрузов*. Определим теперь, какой из членов упомянутой пары является главным, какой – зависимым. Как было сказано выше, {ТЕЛЬ} валентно на всю пару, а конкретно – на глагольный корень, из чего следует, что именно у глагольного корня пассивные валентности совпадают с пассивными валентностями всей пары, а значит именно он является главным в паре. Таким образом, основа представляет собой простую морфолого-синтаксическую конструкцию {СУД} <—— {СТРО} <——— {ТЕЛЬ}. Это одна из самых распространенных композитных конструкций в русском языке, ср., например, *работодатель*, *бумагомаратель*, *шпагоглотатель*, *стихоплет*, *радиослушатель*, *женолюб*, *правдоискатель*, *сталеплавильщик*, *рогоносец*, *стихотворец*, *псалмопевец*, *иконописец*, *цареубийца*, *книгоноша*, *стеклодел*, *трубочист*, *молокосос*, *мыловар*, *брадобрей*, *листожор*, *конокрад*, *людоед*, *каменотес*, *рыболов* и т. д. Все приведенные здесь композиты образованы с помощью «переходных» глагольных корней, у всех этих корней первый компонент – субстантивный корень, который заполняет вторую валентность глагольного корня.

Отметим две особенности приведенных конструкций: подчиненный глагольному субстантивный корень занимает в линейной структуре левую позицию, а доминантный член пары – правую (исключения непродуктивны и крайне редки, например, *щелкопер*, *вертопрах*[3], *трясогузка*, *пучеглазый*, *лупоглазый*, *лежебока*, *скалозуб*, *любомудрие*, *лизо-*

[3] См. по поводу этих двух слов [30, 77— 78], по поводу конструкций типа V + S также [52, 395].

блюд, *лизожоп*, *вертожопый* ([54]) при возможных *мудролюбие*, *блюдолиз*, *жополиз*, *зубоскал*, *лоботряс*, в фамилиях встречаются также *ломонос* и *лизогуб*). Порядок следования членов синтаксически связанной пары основ в композитах существен. Изменение порядка следования основ приводит, как правило, к запрещенным конструкциям.

Вторая особенность состоит в том, что при «переходных» глагольных корнях правая основа не может состоять с левой в субъектном отношении. Заполнение первой валентности глагольного корня для конструкции $\{S\} + \{V_{trans}\}$ невозможно, т. е. невозможно понимание подобной конструкции как субъектной; скажем, конструкцию типа *человеколюбие* нельзя понять так, что она обозначает свойство, такое, что человек любит носителя свойства, – только, как свойство, такое, что носитель свойства любит человека (как вид) или людей. Возможное исключение из правила – *бурелом*. Напротив, при «непереходных», одновалентных базах, первый актант свободно может занимать ту же самую левую субстантивную позицию, ср., например, *снегопад*, *снеготаяние*, *ледоход*, *ледостав*, *кровотечение*, *солнцестояние*, *судоходство*. Этот факт позволяет нам сделать вывод об эргативном характере морфолого-синтаксического строя русского корнесложения. Как известно, основным признаком эргативного строя синтаксической системы является один и тот же способ оформления второго актанта переходной глагольной основы и первого актанта непереходной глагольной основы. Напротив, при аккузативном строе одинаково оформляются первый актант непереходной глагольной основы и первый же актант переходной глагольной основы. Ср. *На больших стволах каштанов ярко вспыхнул бледный лист* (М. Волошин) и *Мир стряхнул покров туманов* (М. Волошин). Тот факт, что оформление зависимых членов субстантивных групп при отглагольных существительных носит эргативный характер, отметил еще А. Чикобава ([55]). Ср. *выпадение снега* (первый актант непереходной глагольной словообразовательной базы оформлен родительным падежом) и *исполнение песен хором Турецкого* (второй актант переходной глагольной базы оформлен родительным падежом, а первый – творительным).

Тот факт, что семантические валентности лексем выводятся из семантических валентностей составляющих их морфем на основе правил взаимодействия их моделей

управления, легко увидеть, скажем, на примере композитов. Возьмем для примера морфологическую конструкцию с идиоматическим морфосочетанием {У}⊗{БИ} со значением ‘X совершает действие P, которое становится причиной того, что Y становится мертвым’. Действие P при этом остается неопределенным, поэтому в итоговой модели управления переменная P не превращается в валентное место. В толковании этой словообразовательной базы остается две переменных и, соответственно, две валентности (кто убивает и кого). Усложним конструкцию суффиксом {СТВ} с толкованием ‘действие, такое, что P’. У суффикса одна переменная и, соответственно, одна валентность (какое действие). Валентность эта заполняется во внутренней структуре основы глагольной базой, в данном случае – {У}⊗{БИ}. Из этого следует, что {СТВ} не добавляет к модели управления новой базы {У}⊗{БИ}⊗{СТВ} ни одной новой валентности. Основа {У}⊗{БИ}⊗{Й}⊗{СТВ} ({Й} – пустой морф, преобразующий корневую базу из слоговой структуры VCV в VCVC) наследует модель управления идиомы {У}⊗{БИ}. У нее те же две валентности: кто и кого, которые могут быть заполнены в лексической синтаксической структуре (ср. *убийство Павла Скарятиным*), или, частично, в рамках композитной конструкции (ср. ЦАРЕУБИЙСТВО, где вторую валентность словообразовательной базы {У}⊗{БИ}⊗{Й}⊗{СТВ} заполняет корень {ЦАРЬ} или ОТЦЕУБИЙСТВО, где ее заполняет корень {ОТЕЦ}, и в лексическом синтаксисе эта валентность заполнена быть уже не может, однако субъектная валентность у приведенных выше основ остается свободной (ср., например, *цареубийство Скарятина*, где субъект поднимается до позиции первого актанта одновалентного предиката и оформляется родительным падежом)). Другим способом заполнения одной из двух валентностей словообразовательной базы {У}⊗{БИ}⊗{Й} является присоединение к конструкции агентивного суффикса {Ц}. В основе {У}⊗{БИ}⊗{Й}⊗{Ц}, в которой вершинную позицию занимает суффикс, превращая ее в именную, этот последний заполняет первую валентность упомянутой выше базы. Вторая, объектная валентность остается при этом свободной и может быть заполнена в лексическом синтаксисе (ср. *убийца императора Павла*), или в рамках композит-

ной конструкции (ср. ЦАРЕУБИЙЦА, у этой лексемы свободных валентностей не остается). МУМ представляет собой таблицу соответствий между семантическими валентностями морфемы, ее поверхностно-синтаксическими валентностями и способами их выражения. Структура таблицы была разработана для построения толково-комбинаторного словаря лексем (см. [1; 44; 48]). Под таблицей содержится также информация об ограничениях на тип и класс единиц, способных заполнять те или иные валентности морфем.

2. 4. Интегранты морфологического яруса

В качестве высших (интегрирующих) единиц морфологии признаются грамматическое и акцентное (фонетическое) слово. Эти два типа единиц синтезируются по принципиально различным правилам: первая – на основе семантико-синтаксического представления словоформы, вторая – на основе морфолого-синтаксического представления предложения (то есть такого дерева, в узлах которого стоят морфемы) и правил линейного синтеза. Правильная грамматическая словоформа должна удовлетворять следующим основным требованиям: а) в ней должен быть представлен минимальный состав конструктивных классов морфем (скажем, для русской именной словоформы – корень и флексия); б) она должна быть морфолого-синтаксически непрерывно связана (то есть каждая морфема в ней должна быть связана хотя бы с одной другой морфемой, принадлежащей данной словоформе, МС-отношением); это требование необязательно для фонетического слова, ср. рус. *я бы* (*пришел*); в) она должна иметь правильную МС-структуру.

2. 5. Список поверхностных морфолого-синтаксических отношений

2. 5. 0. Предварительное замечание

Описание морфологического синтаксиса (далее м-синтаксис) должно опираться на фиксированный набор поверхностных морфолого-синтаксических отношений (далее ПМСО), релевантный для данного языка. На всей структуре словоформы, кроме отношений зависимости, задаются также иерархические отношения порядка формирования морфосочетаний (непосредственно составляющие (далее – НС)). Еще раз повторим, что в синтаксически связанную пару могут входить только полнозначные морфемы. Морфемы типа тематических (в тех случаях, когда их интенсиональный компонент пуст) или кон-

некторов типа {О} в *домостроитель* или $Ø_{conn}$ в *капитан-лейтенант* вставляются в линейную структуру словоформы по специальным морфемным правилам, использующим информацию ТКСМ. В грамматике зависимостей всякое синтаксическое отношение между двумя сигнификативными единицами состоит из трех компонентов, которые отображаются в его обозначении: 1) из самого факта синтаксической связанности, обозначаемого линией, 2) из информации об антисимметричности ПМСО (aRb ≠ bRa), в нашем случае о том, что один из членов является доминантным, другой – зависимым, что обозначается стрелкой на том конце линии, который ближе к зависимому члену пары, и 3) информацией о классе синтаксического отношения, что отображается именем стрелки. Ниже перечисляются и определяются основные классы ПМСО.

2. 5. 1. Нексусно-актантные ПМСО

Нексусно-актантными называются такие морфолого-синтаксически связанные пары полнозначных морфем, в которых один из членов пары валентен на другой и является главным в паре, например, {КАМЕН} <—2н.-а— {ТЕС} в $камен \oplus о \oplus тес \otimes Ø_{ag} \oplus Ø_{nom.sg}$. {ТЕС} двухвалентный, «переходный» корень (кто (интенсионал валентного места сужается до ‘мужчина-профессионал’) обтесывает, что (интенсионал валентного места сужается до ‘материал, дерево или камень’) обтесывает). {КАМЕН} заполняет вторую валентность глагольного корня. Нулевой агентивный суффикс, заполняющий первую валентность корня, валентен на глагольный корень и на всю пару, из чего следует, что глагольный корень является главным в паре. Таким образом, {ТЕС} валентен на {КАМЕН} и является главным в паре, что соответствует определению нексусно-актантной морфолого-синтаксической связи. Цифра 2 перед сокращенным наименованием «нексусно-актантная» — н.-а. — обозначает, что подчиненный актант заполняет вторую валентность предиката. Еще один пример. Проанализируем глагол СОЛИТЬ. Лексема СОЛЬ, образованная с помощью корня {СОЛ} и флексии (в именительном падеже — ’Ø (смягчающий ноль)), толкуется в словарях как «белое кристаллическое вещество с острым характерным вкусом, употребляемое как приправа к пище». В общем-то, если пойти логическим путем и задаться вопросом, какая же из двух морфем произвольной словоформы

данной лексемы привносит в ее значение приведенное выше толкование, то методом исключения мы должны прийти к выводу, что привносит его основа, которая в данном случае равна корню. Лексема СОЛИТЬ, по поводу которой мы тоже можем провести точно такое же рассуждение, кроме значения ‘посыпать солью, добавлять соль как приправу’, обладает еще значением ‘консервировать с помощью специального соляного раствора’. Если говорить о традиционном словообразовательном анализе, то, строго говоря, по крайней мере, в этом значении глагол СОЛИТЬ не может быть мотивирован лексемой СОЛЬ, поскольку у этой лексемы нет значения ‘соляной раствор для консервирования <овощей>’. Зато такое значение должно быть у корня {СОЛ}, иначе невозможно объяснить, откуда это значение берется у глагола СОЛИТЬ (его не содержат ни суффикс {И}, ни показатель инфинитива). Это значение корня проявляется и в основах лексем СОЛЕНЬЕ (процесс засолки), СОЛЕНЬЯ (результат засолки), СОЛЕНЫЙ (огурец), ЗАСОЛКА и др., появление в которых указанного значения также не объясняется присутствием в них деривативных суффиксов, из чего следует, что и эти лексемы также нельзя считать (опосредованными) производными от лексемы СОЛЬ.

Обратимся теперь к модели управления глагола СОЛИТЬ. Он двухактантный (кто и что солит). Между тем, непонятно, откуда у него появились эти два актанта: корень{СОЛ} обозначает свой единственный актант, из чего следует, что свободных валентностей у него нет (см. по поводу правил номинации [14; 16]). Если теперь считать, что {И} — пустой тематический морф, у которого тоже нет валентностей, то ситуация становится необъяснимой. Сопоставив соответствующие значения существительного СОЛЬ и глагола СОЛИТЬ в его первом значении, можно выявить интенсиональный компонент, отличающий толкования первой и второй лексемы: ‘<человек/автоматическое устройство> X добавляет Y (соль) в <продукт питания> Z’. Компонент интенсионала, взятый в угловые скобки, представляет собой интенсионал валентного места, ограничивающий возможности заполнения валентности Y. Из сравнения видно, что в толкование глагольной лексемы добавляется трехвалентный предикат. Одна из его валентностей заполняется корнем, а две остаются свободными и заполняются в лексико-синтаксической

структуре. Заметим также, что по эксплицированному выше правилу именной корень не может быть вершинным в глагольной основе. Сравним теперь морфолого-синтаксическую структуру лексемы СОЛИТЬ с такими отыменными глаголами, как БОМБИТЬ, БУРАВИТЬ, ШВАРТОВИТЬ, МЫЛИТЬ, ПОМАДИТЬ, КЛЕИТЬ, УТЮЖИТЬ, МОТЫЖИТЬ, КРАХМАЛИТЬ, МЕЛИТЬ, ПИЛИТЬ, КАНИФОЛИТЬ, СВЕРЛИТЬ, МАСЛИТЬ, КЛЕЙМИТЬ, СУРЬМИТЬ, АРКАНИТЬ, ОДЕКОЛОНИТЬ, БОРОНИТЬ, СЛЮНИТЬ, ПАРИТЬ, САХАРИТЬ, ПУДРИТЬ, СЕРЕБРИТЬ, СУРЬМИТЬ, ШПОРИТЬ, БУРИТЬ, ШКУРИТЬ, ШТУКАТУРИТЬ, КРАСИТЬ, ВАКСИТЬ, КОСИТЬ, ЗОЛОТИТЬ, СЛАСТИТЬ, КРЕСТИТЬ, ОЛИФИТЬ, ПЕРЧИТЬ, ВОЩИТЬ, КОГТИТЬ, УНАВОЗИТЬ. Основу всех этих лексем образуют субстантивные корни, не имеющие свободных валентностей. Все эти корни обозначают либо инструмент (БУРАВ, ШВАРТОВ, УТЮГ, ПИЛА, СВЕРЛО, КЛЕЙМО, АРКАН, БОРОНА, ШПОРА, БУР, ШКУРКА, КОСА, КРЕСТ, КОГОТЬ), либо материал или средство (все остальные). У всех этих лексем при присоединении глагольных показателей добавляется чем-то похожий смысловой компонент, и для всех остается не очень понятным, есть ли у этого компонента свое означающее и надо ли его постулировать.

Анализ морфологического контента этих лексем позволяет генерализировать добавляемый предикат и отобразить его в следующей формулировке: ‘X обрабатывает Y с помощью <инструмента, материала или средства> Z характерным для Z способом’ (сокращенно это значение будет обозначаться как ‘X treat Y with Z’). Теперь толкование предиката позволяет охватить и то значение корня {СОЛ}, которое проявляется в глаголе СОЛИТЬ — ‘соляной раствор для консервирования’ — ‘X обрабатывает Y с помощью соляного раствора для консервирования Z характерным для Z способом’.

Попробуем теперь понять, откуда берется выявленный в результате семантического анализа компонент интенсионала. Его появление в сложном морфологическом знаке может быть обусловлено двумя причинами: это — либо следствие восстановления так называемого семантического эллипсиса, либо вводится в контекст сложного означаемого означающим отдельного языкового знака. Примером первой причины может быть ряд

лексических сочетаний типа *выпить бутылку пива*, *израсходовать две канистры бензина*, *выкушать две рюмки водки*, *съесть пять тарелок каши*, где вычисляется недостающий интенсиональный компонент ‘содержимое (бутылки/канистры/рюмки/тарелки)’. В такого рода случаях, в принципе, можно восстановить знаковый эллипсис и выразить соответствующий компонент смысла эксплицитно: *выпить содержимое бутылки пива*, *израсходовать содержимое двух канистр бензина* и т. д. У нас получатся правильные, хотя и несколько плеонастичные словосочетания: от добавления соответствующего знака смысл этих сочетаний не меняется. Напротив, если элиминировать соответствующий компонент интенсионала целого, получится неправильное семантическое представление: выпить, выкушать, съесть контейнер нельзя. Именно этот факт, видимо, и обусловливает возможность эллипсиса.

Наш интенсиональный компонент не допускает возможности его эксплицитного выражения в данном морфологическом окружении, из чего следует, что семантический эллипсис не наш случай. Остается один вариант трактовки — знаковый. При этом подозревать, что рассматриваемый интенсиональный компонент является означаемым тематического морфа *И*, было бы неверно, поскольку этот морф в *сол⊕и⊕ть* не базовая, а флективная тема: он (в отличие, например, от морфа *А* в *кар⊗к⊗а⊕ть (кар⊗к⊗а⊕ю, кар⊗к⊗а⊕ю⊕т)*) исчезает в формах настоящего времени (*сол⊕ю, сол⊕я⊕т*).

Не проходит и гипотеза, по которой выявленный интенсиональный компонент может обозначаться чередованием по мягкости — твердости последнего согласного корня, хотя чередование твердого и мягкого /l/ в корне нельзя объяснить фонетическими причинами: любая из следующих за /l/ фонем сочетается как с мягкими, так и с твердыми согласными, ср. *сол⊗ён⊕ый, но сол⊗он⊕Ø*$_{им.ед.м.\ р.}$ *(Тает, не сладок, не солон* — Л. Мартынов), *сол⊗он⊕а* (*Сахар был сладок и соль солона* — Л. Мартынов), *сол⊗он⊕о* (*не солоно хлебавши*), *сол⊗он⊗ин⊕а*, *сол⊗он⊗ов⊗ат⊕ый*, *сол⊗он⊗к⊕а, рас⊗сол⊕Ø*$_{им.ед.}$, *за⊗сол⊗к⊕а*, где конечный /l/ корня твердый. Выбор ступени чередования в данном случае зависит от морфологического контекста, из чего следует, что чередование это морфо-

нологическое. Оно не зависит ни от частеречного статуса корневого морфа, ни от значения (во всей парадигме склонения лексемы СОЛЬ /l/ мягкое, мягкое оно и в композитах (ср. *солевар*, *соледобыча*, *солеломня*, *солерод*, *солерос*), однако в лексеме СОЛОНКА, обозначающей ‘столовый прибор-контейнер для соли’, /l/ твердое, в основах полных прилагательных, где база обозначает не действие, а объект, /l’/ мягкое (*соленый*), в основах кратких прилагательных, в которых база *сол* также обозначает объект, а не действие или отношение, /l’/ твердое (*солон*, *солона*, *солоно*), при этом в композитах с первой адъективной основой выбирается всегда корень с мягким согласным (*солено-кислый*, *солено-маринованный*)).

Из всего этого следует, что мягкость — твердость ауслаута корня зависит только от типа морфологической конструкции и от конкретного морфологического окружения, из чего в свою очередь следует, что мы имеем дело с чисто морфонологическим, а не апофонемным (по Мельчуку) чередованием. Это рассуждение лишает нас возможности постулировать в качестве означающего выявленного компонента значения и смягчающий ноль, который при частеречном распределении можно было бы трактовать как тематический морф, маркирующий субстантивную парадигму словоизменения и словообразования, тогда отсутствие его маркировало бы глагольную парадигму.

Остается два наиболее вероятных способа трактовки: исследуемый компонент является означаемым базового нулевого суффикса $\{Ø_{treat.with}\}$, никак не воздействующего на фонологическое окружение, или мы имеем дело с оператором конверсии, меняющим синтактику корня {СОЛ} с субстантивной на глагольную. Рассмотрим вначале эту последнюю трактовку.

Если ее принять, морфемный состав словоформы СОЛИТЬ в глубинно-синтаксической записи можно постулировать следующим образом: {СОЛ}<—инстр.н.-а.–<<$Conv_{S\rightarrow V}$>>——>{ТЬ}. Оператор конверсии, преобразующий субстантивную корневую морфему в глагольную, кроме этой функции, в данном случае выполняет еще и функцию означающего для выявленного нами интенсионального компонента ‘X обрабатывает Y с помощью Z характерным для Z способом’, который в поверхностной структу-

ре автоматически становится новым компонентом семантики корневой морфемы. Конвертированная база далее может либо стать основой для глагольных словоформ, либо с вновь обретенным «глагольным» компонентом смысла принять участие в образовании более сложных морфологических основ (*под⊗сол⊕и⊕ть*, *за⊗сол⊗к⊕а*, *рас⊗сол⊗Ø*$_{рез}$ *⊕Ø*$_{им.ед}$, *сол⊗ен⊗j⊕а*$_{\perp}$ *разн⊕о⊕сол⊗Ø*$_{рез.}$*⊕ы*).

В глубинной структуре, таким образом, оператор конверсии выступает как отдельная глубинная морфема, валентная по роли инструмента на субстантивную морфему {СОЛ}. Морфема {ТЬ} валентна на всю пару {СОЛ}——<<$Conv_{S\rightarrow V}$>>, конкретно же она может быть валентна только на глагольную морфему, следовательно, в указанной паре <<$Conv_{S\rightarrow V}$>> является главной, а {СОЛ} – зависимой, в итоге все сочетание и <<$Conv_{S\rightarrow V}$>> пассивно валентны на {ТЬ}, из чего следует, что <<$Conv_{S\rightarrow V}$>> является главной в синтаксически связанной паре (по определению это (инструментальная) нексусно-актантная связь). Конверсив как вершинный элемент конструкции определяет частеречную принадлежность всей основы. В поверхностной структуре корневая морфема поглощает интенсиональный компонент, обозначаемый конверсивом, и вся синтактика конверсива переходят к этой конструкции.

Теперь рассмотрим первую трактовку: в глагольной базе присутствут суффикс {$Ø_{treat.with}$}, нулевая фонема которого и служит означающим нового компонента значения. В качестве аргументов для введения в этой морфолого-синтаксической конструкции нулевого деривативного суффикса могут служить следующие: 1) указанный компонент значения не может быть приписан ни одному эксплицитно выраженному морфу словоформы; 2) он не является результатом семантического эллипсиса (см. выше); 3) в русском языке имеется морф с тем же значением, но сегментным означающим, имеется в виду суффикс {ОВ}, также сочетающийся с корневыми морфами, обозначающими инструменты и средства или материалы: ДРОЖЖЕВАТЬ, БИЧЕВАТЬ, ПЕМЗОВАТЬ, ЦИНКОВАТЬ, КИСЛОВАТЬ, БОРОНОВАТЬ, ФРЕЗЕРОВАТЬ, ТРИЕРОВАТЬ, БУККЕРОВАТЬ, ЗЕНКЕРОВАТЬ, ЖИРОВАТЬ (обрабатывать жиром), ФЛЮСОВАТЬ, ФИЛЬТРОВАТЬ, ГЛАЗУРОВАТЬ, ШНУРОВАТЬ, БИНТОВАТЬ, ГРУНТОВАТЬ, ШТРИХОВАТЬ, СПИР-

ТОВАТЬ; более того в некоторых случаях один и тот же корень может сочетаться как с {ОВ}, так и с {$Ø_{treat\text{-}with}$}: *бороновать* — *боронить*, *пемзовать* — *пемзить*, *кисловать* — *кислотить*; следует отметить при этом, что {ОВ} может выполнять и функцию тематической морфемы; 4) морфема {$Ø_{treat\text{-}with}$} обладает стабильной синтактикой и достаточно продуктивна; 5) как и другие морфемы {$Ø_{treat\text{-}with}$} многозначна; так, например, в сочетании с именными корнями она может обозначать ‘X использует <инструмент> Y характерным для Y способом’ (ТРУБИТЬ, ШПАРГАЛИТЬ, ТОРМОЗИТЬ, СИГНАЛИТЬ), ‘X каузирует Y стать Z’ (УСЫНОВИТЬ, УДОЧЕРИТЬ, ЗАБОЛОТИТЬ), ‘X источает Y’ (КРОВИТЬ, ЧАДИТЬ) ‘X каузирует Y иметь Z’ (ЗАРЫБИТЬ, ОБЕССЛАВИТЬ, ОБЕЗРЫБИТЬ, ОБЕЗЛОШАДИТЬ, ЖЕНИТЬ, ср. КОЛЬЦЕВАТЬ), ‘X каузирует Y иметь Z <как интегральную часть> Y’ (ГОРБИТЬ, ПАЛУБИТЬ, ЗЫБИТЬ, ЯЗВИТЬ, БОРОЗДИТЬ, ПАЗИТЬ, ОБЕЗВОДИТЬ, ОБЕССИЛИТЬ, ОБЕСКРОВИТЬ, КЛЕЙМИТЬ, РАНИТЬ, ПЕНИТЬ, КАЙМИТЬ, ПУШИТЬ, ср. ТОРЦЕВАТЬ, МЕЖЕВАТЬ, ШТЕМПЕЛЕВАТЬ, ЧЕРЕНКОВАТЬ, НОМЕРОВАТЬ с {ОВ}), ‘X каузирует Y перестать иметь Z <как интегральную часть Y>’ (ПОТРОШИТЬ, ШЕЛУШИТЬ), ‘X (воз/взаимо)действует (на/с/в пользу/во вред Y) как Z’ (ХАМИТЬ, ХУЛИГАНИТЬ, МАТРОСИТЬ, ЦЫГАНИТЬ, ГРУБИЯНИТЬ, ШПИОНИТЬ, ЮЛИТЬ, ГРУБИЯНИТЬ, ФИГЛЯРИТЬ, ТРУСИТЬ, ФРАНТИТЬ, ИШАЧИТЬ), ‘X (действием Y) производит Z’ (ПЛОДИТЬ, ПЫЛИТЬ, СОРИТЬ, МУСОРИТЬ, ПЛОТИТЬ), ‘X каузирует Y испытывать <чувство> Z’ (ЗЛОБИТЬ, ЖАЛОБИТЬ, ГНЕВИТЬ, КОНФУЗИТЬ, СРАМИТЬ, ВИНИТЬ, СТЫДИТЬ, ПОЗОРИТЬ, ХОЛОДИТЬ), ‘X исполняет функции/ведет себя как/является Y-ом’ (ДНЕВАЛИТЬ, СЛЕСАРИТЬ, МАЛЯРИТЬ, ЧАБАНИТЬ, СОСЕДИТЬ, ХАНЖИТЬ, ДРУЖИТЬ, КНЯЖИТЬ, БРОДЯЖИТЬ, СУТЯЖИТЬ, СУМАСБРОДИТЬ, ПАРТИЗАНИТЬ, МАЛЯРИТЬ, СТОЛЯРИТЬ, ГОСТИТЬ, РЫБАЧИТЬ, МАКЛАЧИТЬ, БУРЛАЧИТЬ, ТОЛМАЧИТЬ, БАТРАЧИТЬ, МАСТАЧИТЬ, КУЗНЕЧИТЬ (ср. ГОСТЕВАТЬ, КАЗАКОВАТЬ, ЧУМАКОВАТЬ, САЧКОВАТЬ) с суффиксом {ОВ}, ‘<атмосферное явление> X имеет место’ (ДОЖДИТЬ, СНЕЖИТЬ, ВЬЮЖИТЬ, ПУРЖИТЬ), ‘X создает Y из Z’ (СГРУДИТЬ, СТОЖИТЬ, ср. СТОГОВАТЬ, СКИРДОВАТЬ с суф. {ОВ}); 6) постулирование нулевой глагольной мор-

фемы, являющейся вершинным элементом морфолого-синтаксической конструкции основы является единственным способом объяснения не только того, откуда появляется в семантике целостной основы компонент ‘X обрабатывает Y с помощью Z характерным для Z способом’, но и того факта, что СОЛИТЬ глагольная, а не именная лексема, при том что корень ее является субстантивным[4].

Приведенные выше знаковые трактовки способа выражения интенсионального компонента ‘X обрабатывает Y с помощью Z характерным для Z способом’, в общем-то, равноправны, однако, с системной точки зрения вторая предпочтительней, поскольку у большинства синонимичных нулевых морфем, присоединяемых к субстантивным корням, обнаруживается смягчающее воздействие на предыдущие согласные, что для простой конверсии было бы невозможно.

Приведенные выше примеры показывают, что аддитивный компонент смысла основы, задаваемый семантикой морфем, лишь схематически задает ситуацию. В частности, остается непонятным, как «характерным способом» обрабатывается объект бомбами,

---

[4] И. А. Мельчук в своей пятитомной монографии «Курс общей морфологии», ссылаясь на работу Уильяма Хааса ([57]) приводит правила введения нулевого морфа только для грамматических аффиксов ([46, с. 25 и далее]). Такого же мнения придерживается, например, В. А. Плунгян ([50]). Мы считаем это ограничение довольно странным, поскольку в словообразовательной морфологии нулевые морфемы встречаются не реже, чем в словоизменительной. Кроме того, И. А. Мельчук считает, что нулевой знак — это знак с пустой цепочкой фонем. Мы считаем, что гораздо более продуктивным способом описания нулевых знаков является введение нулевой фонемы. Дело в том, что типология нулевых знаков показывает, что наряду с нулевыми знаками, не оставляющими никаких следов своего присутствия в словоформе, имеется довольно много случаев, при которых нулевой компонент означающего оказывает воздействие на соседние фонемы. Так, в русском языке целесообразно ввести понятие смягчающего нуля (и депалатализующего нуля) для случаев типа *голь,* где мягкость /l’/ не является исконной характеристикой ауслаута корня (ср. *голый*), а добавляется именно деривативным нулевым суффиксом, обозначающим носителя свойства, обозначенного корнем. В лексеме ДИЧЬ нулевой суффикс обусловливает палатализующую трансформацию аслаута корня ({ДИК}). В турецком языке так называемый yumuşak ğ (мягкий g) представляет собой разновидность нуля, воздействующего на левую гласную таким образом, что у нее появляется долгота. Реальность присутствия этого согласного выявляется и в правилах присоединения суффиксов, начинающихся на гласный. Так, словоформа *dağ* ‘гора’ произносится /da:/. При присоединении суффикса принадлежности /ı/ корень {DAĞ} ведет себя так, как будто он заканчивается на согласный: между гласным ауслаутом корня и следующим за ним гласным суффикса принадлежности не вставляется эпентетический /s/, как это бывает в случаях с корнями с гласным ауслаутом (/bina:/ ‘здание’ – /bina:-|s|-ı/) Другой нулевой знак в турецком языке, встречающийся в заимствованиях из арабского языка /’/, не увеличивает долготу соседнего гласного, но при присоединении показателя принадлежности ведет себя так же, как и /ğ/ (*mevzu* ‘тема’ — mevzu⊕u). Кроме того, гортанная смычка проявляет свое присутствие в качестве отдельного согласного при слогоделении (ср. san-(’)at, если не учитывать непроизносимую /’/, эта словоформа должна была бы делиться на слоги так: sa-nat). Имеются и другие типы нулевых фонем, на которых мы не можем здесь останавливаться. Как это видно из наших требований к введению нулевого морфа, мы дополняем правила Хааса еще и синтактическими параметрами.

мылом, помадой, клеем и т. д. Если носитель языка никогда не сталкивался с соответствующей ситуацией, он не сможет конкретизировать этот характерный способ.

Теперь поговорим о правилах выведения модели управления целого из моделей управления морфов. Структура толкования задает только отношения, которые связывают предикат с его актантами. Способ выражения этих отношений задается моделью управления морфемы. Одно и то же семантическое отношение между предикатом и актантом может задаваться по-разному. Подробно можно ознакомиться с этой темой в классической работе [1]. Моя задача здесь состоит в том, чтобы показать, как правила выражения актантных отношений с предикатом работают в морфологии. Как совершенно справедливо указывал Ю. Д. Апресян, эти правила индивидуальны для каждой языковой единицы, а это значит, что информация о них должна содержаться в словаре, в нашем случае — словаре морфем. Так, в словарной статье морфемы {’$Ø_{treat\text{-}with}$} должно быть указано, что его инструментальная валентность должна заполняться корнем словоформы, включающей и сам этот суффикс. Корень при этом в морфолого-синтаксической структуре словоформы должен быть подчинен морфу ’$\underline{Ø_{treat\text{-}with}}$. Само это морфосочетание может оказаться подчиненным какому-то другому морфу той же словоформы, как это, например, имеет место в основах лексем СОЛЕНЬЯ (‘<овощи> Y, которые были засолен(ы) <человеком/людьми> X-ом (-ами)>’, СОЛЕНИЕ (<процесс> Y, такой, что <человек/люди> X солит/солят <кушанье> Z). Но отношения между предикатом, обозначаемым морфом $\underline{’Ø_{treat\text{-}with}}$ и корнем, остаются неизменными.

В той же словарной статье должно быть указано, что прочие две валентности заполняются в лексическом синтаксисе, и агентивная валентность должна оформляться в заданной объемлющей синтаксической конструкции, как обычно оформляется первый актант, а объектная валентность — как обычно оформляется второй актант. В *сол*$\boxed{+}$$’Ø_{treat\text{-}with}$*⊕и⊕т’ сол’* заполняет инструментальную валентность главного предиката, который обозначается нулем. В аккузативном синтаксисе агентивная валентность двухвалентного предиката должна быть первой и, следовательно, в предложении с финитным глаголом СОЛИТЬ кодироваться номинативом, объектная валентность кодируется в этой кон-

струкции аккузативом. Валентность предиката, заполненная во внутренней структуре основы, не конкурирует с «внешними» валентностями, но заполнять ее еще раз в лексическом синтаксисе запрещается: **посолить суп солью*, **солить огурцы рассолом* воспринимаются как тавтология. Запрет снимается, если у этого актанта появится определение: *красную рыбу надо солить крупной солью*.

2. 5. 2. Юнктивно-актантные ПМСО

Юнктивно-актантными (определительными), поверхностными морфолого-синтаксическими отношениями называются такие, в которых один из членов пары валентен на другой и является в ней зависимым. Например, *брос⊗ок⊕Ø*$_{им.ед}$, *желт⊗ок⊕Ø*$_{им.ед.}$, *холост⊗'як⊕Ø*$_{им.ед.}$, *стро⊗и⊗тель*, *бел⊕о⊕билет⊗ник⊕Ø*$_{им.ед.}$, *бел⊕о⊕тал⊕Ø*$_{им.ед.}$, *бел⊕о⊕волос⊗Ø*$_{adj}$*⊕ый*, *рабоч⊕е⊕дел⊗ец⊕Ø*$_{им.ед.}$, *огн⊕е⊕земел⊗ец⊕Ø*$_{им.ед.}$, *долг⊕о⊕стро┤й┘Ø*$_{act}$*⊕Ø*$_{им.ед}$, *нов⊕о⊕сел⊗Ø*$_{agent}$*⊕Ø*$_{им.ед}$.

Рассмотрим эти примеры. В первом примере суффикс {ОК} обозначает 'однократное действие, такое, что P(X_1, …X_n)' (ср. также *глот⊗ок⊕Ø*$_{им.ед.}$, *гуд⊗ок⊕Ø*$_{им.ед.}$, *кив⊗ок⊕Ø*$_{им.ед.}$, *клев ок⊕Ø*$_{им.ед.}$, *ныр⊗ок⊕Ø*$_{им.ед.}$, *пин⊗ок⊕Ø*$_{им.ед.}$, *плев⊗ок⊕Ø*$_{им.ед.}$, *скач⊗ок⊕Ø*$_{им.ед.}$, *тыч⊗ок, хлоп⊗ок⊕Ø*$_{им.ед.}$, *шлеп⊗ок⊕Ø*$_{им.ед.}$, *щелч⊗ок⊕Ø*$_{им.ед.}$), в данном случае 'однократное действие X, такое, что N бросает Y в/по <цели> Z'. В синтаксически связанной паре {БРОС} ——— {ОК} морфема {БРОС} валентна на {ОК}. Для того, чтобы определить, какой из членов пары главный, выберем внешний предикат, валентный на всю пару, например, *точный бросок*, где прилагательное валентно на всю пару {БРОС} –—— {ОК} и одновременно на субстантивный суффикс {ОК}. И, наоборот, вся пара пассивно валентна на прилагательное *точный*, и суффикс {ОК} пассивно валентен на это прилагательное, из чего следует, что {ОК} является главным в паре {БРОС} <——j.-a— {ОК} и определяет частеречный статус всей основы. Рассмотренная синтаксически связанная пара подпадает под определение юнктивно-актантной связи: {БРОС} валентна на {ОК} и является зависимой в паре.

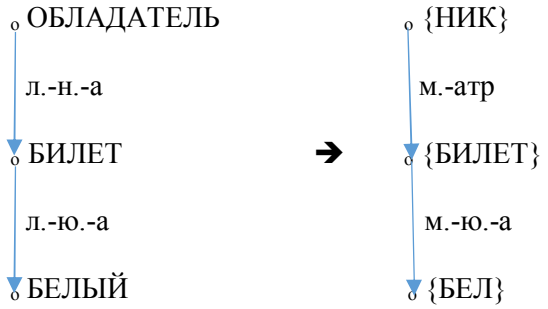
В словоформе *желток* суффикс {ОК} обозначает ‘объект X’, все морфо-сочетание буквально обозначает ‘желтый объект X’. В узусе интенсионал словоформы идиоматически сужен до ‘желтое + вещество в птичьем яйце’. Здесь, как и в предыдущем примере, морфема {ЖЕЛТ} валентна на деривативный суффикс и является зависимой в паре, из чего следует, что связь между ними юнктивно-актантная.

Синтаксическая структура словоформы *строитель* была описана в п. **2. 3. 4. 4.** В представленном там описании было показано, что корень там валентен на деривативный суффикс и является зависимым в паре, из чего следует, что морфолого-синтаксическое отношение между ними юнктивно-актантное.

В словоформе *белобилетник* корень {БЕЛ} валентен на субстантивную морфему. Их в словоформе две, таким образом эту морфологическую конструкцию можно истолковать двумя способами: ‘белый X, обладающий билетом Y’ и ‘X, такой, что X <обладает>[5] белым билетом Y’. Однако первый способ построения синтаксической структуры остается неиспользованным. Исследование показывает, что в конструкциях типа R_{Adj}+Conn+R_{subst}+Suf_{subst}+F скобки НС практически всегда расставляются следующим образом [[R_{Adj}+Conn+R_{subst}]+Suf_{subst}]+F. Ср. *чернокнижник*, *железнодорожник*, *чужеплеменник*, *иноплеменник*, *золотопогонник*, *старшекурсник*, *первокурсник*, *второклассник*, *скрытнохоботник*, *благовестник*, *мелколепестник*, *остроконечник*, *чернорубашечник*, *белоподкладочник*, *дальневосточник*, *злоязычник*, *ежедневник*, *белокрыльник* и др. Таким образом в указанной конструкции валентность адъективного корня практически всегда заполняет субстантивный корень композита. Суффикс {НИК} в этой конструкции заполняет валентность вычисляемого предиката, в нашем случае – <обладает>. Его можно выбрать в качестве внешнего предиката, валентного на всю пару {БЕЛ}———{БИЛЕТ}, валентность предиката <обладает> должны заполнять субстантивные морфемы, следовательно, в этой паре – {БИЛЕТ}, значит, в паре этот последний главный, а {БЕЛ} – зависимый член. {БЕЛ}, таким образом, валентен на {БИЛЕТ} и является зависимым членом пары, из чего следует, что связь в этой паре юнктивно-актантная. Рассмотренная морфо-

[5] В данном случае угловыми скобками выделен «вычисляемый» компонент смысла.

логическая конструкция интересна еще и тем, что ассоциативно связана с идиомой *белый билет* и является результатом морфологической операции свертки, синонимического преобразования словосочетания *обладатель белого билета*, производимого по довольно простым правилам:



Правила свертки/ синонимического преобразования в данном случае состоят в том, что словообразовательная база {ОБ}⊗{ВЛАД} преобразуется в вычисляемый предикат ‘<обладать>’, не имеющий собственного означающего, {ТЕЛЬ}, сочетающийся с глагольными словообразовательными базами, заменяется на {НИК}, сочетающийся с субстантивными базами. Лексемы БИЛЕТ и БЕЛЫЙ заменяются на соответствующие морфемы {БИЛЕТ} и {БЕЛ}. Лексико-синтаксическая конструкция меняется на морфолого-синтаксическую конструкцию с заменой лексического нексусно-актантного отношения между ОБЛАДАТЕЛЬ и БИЛЕТ, в котором первая лексема валентна на вторую и является главной в паре, на морфолого-синтаксическое атрибутивное отношение, в котором ни один из членов пары не валентен на другой, но оба они заполняют валентности предиката, составляющего содержание синтаксической связи (‘<обладать>’).

Интенсионал словоформы *белотал* образуется аддитивным сложением интенсиональных компонентов корневых морфем – ‘белый’ + ‘тал’. Это – самый простой для синтаксического анализа случай. Вставляем соответствующую лексему в предложение, в котором присутствует предикат, валентный на всю пару *Плетень был сделан из белотала.* Предлог в этом предложении валентен на именной корень {ТАЛ} и на всю пару морфем, связанных МСО. Из этого следует, что вся пара пассивно валентна на предлог, и {ТАЛ} пассивно валентен на предлог, его пассивные валентности совпадают с пассивными валентностями всей пары, что свидетельствует о доминантности этого корня в морфосоче-

тании. {БЕЛ}, таким образом, валентен на {ТАЛ} и является зависимым в паре, из чего следует, что эти морфемы связаны юнктивно-актантным МСО. Напомню, что возможности построения такой конструкции в русском языке строго ограничены.

Словоформа *рабочеделец* интересна тем, что построена как трансформ-свертка/синонимическое преобразование словосочетания *сотрудник «Рабочего Дела»*. Преобразование в этом случае строится по тем же правилам, что и в случае с *белобилетником*. Точно так же устроены основы лексем типа СМЕНОВЕХОВЕЦ – ‘сотрудник «Смены вех»’, и ОГНЕЗЕМЕЛЕЦ – ‘житель Огненной Земли’. В последней лексеме наблюдается узаконенный правилами морфологический эллипсис адъективного суффикса {ЕНН}, который можно восполнить: *огненноземелец* имеет то же значение – ‘житель Огненной Земли’. В данном случае эллипсис очевиден, поскольку этот композит содержит скрытую ссылку на знание о существовании архипелага и острова с таким названием. Если эллипсис не учитывать, следует рассматривать сочетание корневых морфем как конструкцию, состоящую из двух субстантивных корней, второй из которых доминантный. В этом случае это морфосочетание должно быть синонимично словосочетанию *земля огня* или *земля огней*, которое может толковаться иначе, чем *Огненная Земля*, например, как синоним словосочетания *земля, принадлежащая огню* (как *дом Ивана*) или *земля, охваченная огнем* или *земля на которой горят огни* (*костры*).

Теперь рассмотрим сочетания адъективно-адвербиальных корней с глагольными – *долгострой* и *новосел.* Толкование лексемы *долгострой* – ‘ситуация X, такая, что Y долго строит Z’. Компонент интенсионала словоформы ‘ситуация X’ не имеет собственного эксплицитно выраженного означающего. {Й} – пустой тематический морф, функция которого – закрыть слог корня, заканчивающегося на гласный. Постулируем для указанного выше интенсионального компонента в качестве означающего нулевую фонему. Основания для введения нуля те же, что и указанные в п. 2. 5. 1.: 1) как уже было сказано, компонент смысла ‘ситуация X’ не относится ни к одному из эксплицитно выраженных означающих словоформы; 2) этот интенсиональный компонент не является следствием

семантического эллипсиса; 3) этот компонент смысла в русском языке регулярно выражается ненулевыми морфами, даже с тем же самым глагольным корнем (*стро⊗и⊗тель⊗ств⊕о*); 4) нулевая морфема {$Ø_{act}$} обладает стабильной синтактикой и семантикой: она сочетается с глагольными корнями (ср. *лесоповал*, *водораздел*, *сенокос* и т. д.); 5) если не постулировать в этой лексеме нулевого морфа, будет непонятно, почему вершинным компонентом конструкции является глагольный корень ({СТРО}), при том, что вся словоформа – существительное. Акциональный нулевой суффикс валентен на синтаксически связанную пару корневых морфем {ДОЛГ} ———{СТРО}, ситуацию в этой паре обозначает {СТРО}, следовательно, {$Ø_{act}$} валентен на {СТРО}, из чего следует, что этот последний является главным в паре. {ДОЛГ} валентен на {СТРО} и является зависимым в паре, следовательно, по определению мы имеем здесь дело с юнктивно-актантной связью. Нулевой суффикс является вершиной всей морфосинтаксической конструкции. Он синтаксически связан с морфемой {СТРО}. Введем внешний по отношению к паре предикат *Хотелось бы избежать долгостроя*. Лексема *избежать* валентна на всю морфосинтаксическую конструкцию основы и требует, чтобы ее вторую валентность заполнила не глагольная, а именная морфема, т. е. {$Ø_{act}$}, из чего следует, что эта морфема является доминантной в паре. Как это ни покажется странным, отношение между морфемами в этой паре нексусно-актантные ({$Ø_{act}$} валентна на {СТРО} и является главной в паре).

Лексема НОВОСЕЛ интересна прежде всего тем, что корень {НОВ} в этой морфологической конструкции обозначает смысл, который у него не встречается в однокорневых базах – ‘недавно’. Толкование всей лексемы – ‘<человек > X, такой, что X недавно начал жить в <месте> Y’. Как и в предыдущем случае, у интенсионального компонента ‘<человек> X’ нет эксплицитно выраженного означающего. И, как и в предыдущем случае, мы постулируем в качестве его означающего нулевую фонему, {$Ø_{agent}$}. Аргументы для введения нулевого морфа те же, что и в предыдущем случае. {$Ø_{agent}$} заполняет первую валентность глагольного корня и является главным в паре. Между ним и глагольным корнем в противоположность предыдущему случаю юнктивно-актантное отноше-

ние. В морфологосинтаксической паре корневых основ {НОВ}———{СЕЛ}, {НОВ} валентен на {СЕЛ}, о главном и зависимом членах можно судить по порядку их расположения в словоформе: первый из них зависимый, второй – доминантный, из чего следует, что перед нами юнктивно-актантное отношение.

2. 5. 3. Атрибутивные МСО

Атрибутивными называются такие МСО, в которых ни один из членов пары не валентен на другой, оба они заполняют валентности предиката, составляющего содержание МСО, и оба принадлежат к классу субстантивов, например, *гитар⊗ист⊕Ø*$_{им.ед.}$, *авиа⊕Ø*$_{сопп}$*⊕школ⊕а*, *кон⊕е⊕ферм⊕а*, *аэр⊕о⊕дром⊕Ø*$_{им.ед.}$, *кофей⊗н⊕я*.

Рассмотрим первый пример – *гитарист*. В этой словоформе три морфемы {ГИТАР}, {ИСТ} и {Ø$_{им.ед.}$}. Корневая морфема здесь субстантив, деривативный суффикс – также субстантивный морф, который толкуется так: ‘<человек> X, такой, что P(X, Y)’. Суффикс, таким образом, валентен на предикат, который внешне не выражен. Его необходимо вычислить для того, чтобы морфосочетание стало связным[6]. А связным оно становится тогда, когда оба субстантивных морфа заполняют валентности этого предиката. Обычно такой предикат «извлекается» из типового фрейма, главным «героем» которого является предмет, обозначаемый корневой морфемой. Обычным использованием гитары является игра на ней человека, который этому обучен. В лексическом синтаксисе в сочетаниях двух существительных обозначение предиката ложится на показатель синтаксической связи, например, в словосочетании *машина Петрова* родительный падеж обозначает ‘X, такой, что X принадлежит Y’, где X и Y – переменные, заполняющие валентности предиката. В данном случае первую валентность заполняет лексема МАШИНА, вторую – ПЕТРОВ. При отсутствии показателя синтаксической связи его функцию выполняют другие механизмы связывания и понимания текстовых единиц. В модели управления суффикса {ИСТ} должно быть указано, что он заполняет первую валентность вычисляе-

[6] Связывание наблюдаемых объектов определенными гипотетичесими отношениями при анализе ситуации — обязательная процедура и конечная цель ее изучения. Так делает человек и при анализе фотографии, картины, фильма и других семиотических текстов.

мого предиката, вторую же валентность должна заполнять словообразовательная база, к которой он присоединяется. Доминантный и зависимый члены конструкции вычисляются по обычной процедуре: вводим внешний по отношению к паре предикат, например, *Гитарист исполнял «Вариации на тему Моцарта» Фердинандо Сора*. *Исполнял* валентно на *гитарист*, т. е. на всю морфолого-синтаксически связанную пару {ГИТАР} ——— {ИСТ}. Семантика первой валентности глагола сужена до ‘человек’, человека, исполняющего «Вариации», обозначает не корень, а деривативный суффикс, значит, он и заполняет первую валентность глагола, из чего следует, что он и является главным в паре. {ИСТ} не валентен на корень, а корень не валентен на {ИСТ}, оба они заполняют валентности, предиката, составляющего содержание синтаксической связи, следовательно класс МСО здесь атрибутивный.

Теперь рассмотрим словоформу *конеферма*. В ней четыре морфемы. {ФЕРМ} толкуется следующим образом: ‘сельскохозяйственное предприятие, предназначенное для разведения <домашних животных> X и/или для выращивания <культурных растений> Y’. У лексемы с этим корнем валентности на X/Y факультативные, поскольку на крупных фермах довольно часто разводят несколько разных животных и выращивают различные культуры. Дифференцируются фермы по виду разводимых животных (*коневодческая, овцеводческая, свиноводческая, лосиная ферма*, *рыбоводческая/рыбоводная/рыбная ферма*, *ферма по разведению коз*), выращиваемых культур (*овощеводческая ферма*, *свекловодческая ферма*, *табачная ферма*) или по продукту, добываемому на ферме (*молочная ферма*, *мясо-молочная ферма*, *зерновая ферма* и т. д.). Таким образом, типовое действие, которое связано с фермой, можно обозначить либо как ‘разводить’, либо как ‘выращивать’ в зависимости от того, растения или животные являются целью обслуживания. Для конефермы подходит предикат ‘разводить’. Толкуется вся словоформа с интенсиональным компонентом, относящимся к значению синтаксической связи, так: ‘сельскохозяйственное предприятие X, <<такое, что на X Y разводит>> коней Z’. Угловыми скобками отмечена семантика синтаксической связи. Как обычно, главный член МСО стоит справа.

Рассмотрим теперь еще конструкции со связанным корнем: {АЭР}, предварительно снабдив его толкованиями.

I. {АЭР}.

II. 1. Морфонологическая запись *[*A_1E_1P*]*. Тот факт, что корень состоит из трех фонем доказывается квадратом Бодуэна – Гринберга: /âêrácəæ/ – /âêrírəvət’/, /âêrírəvət’/ – /fəkə̈$_o$s’írəvət’/.

II. 2. Сведения об акцентуации: А) в простых грамматических словах безударна; Б) в композитах допускает побочное ударение.

III. Толкования.

1. ‘(сжатый) воздух Х (как газ, химическое соединение)’. [Синонимы: морфологическая идиома {ВОЗ⊗ДУХ}, {ПНЕВМ}, {АТМ}]. Примеры *аэр⊗ар⊗ий⊕Ø*$_{им.ед.}$, *аэр⊗аци-|й|-а*, *аэр⊕о⊕б⊕Ø*$_{им.ед.}$, *аэр⊕о⊕би⊗оз⊕Ø*$_{им.ед.}$, *ан⊗аэр⊕о⊕б⊕Ø*$_{им.ед.}$, *аэр⊕о⊕граф⊕Ø*$_{им.ед.}$, *аэр⊕о⊕золь⊕Ø*$_{им.ед,}$, . *аэр⊕о⊕лифт⊕Ø*$_{им.ед.}$.

2. ‘пространство Х, заполненное воздухом, свойства которого используются для передвижения в нем’. [Синонимы: {ВОЗ⊗ДУХ}, {АТМ}]. Примеры: *аэр⊕о⊕нав⊗иг⊗аци--|й|-а*, *аэр⊕о⊕бус⊕Ø*$_{им.ед.}$, *аэр⊕о⊕механ⊗ик⊕а*, *аэр⊕о⊕динам⊗ик⊕а*, *аэр⊕о⊕стат⊗ик⊕а*.

3. ‘воздушная оболочка Земли Х’. [Синонимы: {ВОЗ⊗ДУХ}, {АТМ}]. Примеры: *аэр⊕о⊕лог⊗и-|й|-а*, *аэр⊕о⊕лог⊗Ø*$_{агент}$*⊕Ø*$_{им.ед.}$.

4. ‘транспортное средство, несущей средой которого является воздух’. [Синонимы: {АВИА}, {САМ⊕О⊕ЛЕТ}]. Примеры: *аэр⊕о⊕вокзал⊕Ø*$_{им.ед.}$, *аэр⊕о⊕бомб⊕а*, *аэр⊕о⊕дром⊕Ø*$_{им.ед.}$

IV. Синтактика.

IV. 1. КК = СК (конструктивный класс – связанный корень). Принадлежность морфемы к классу корневых доказывается тем, что в простых грамматических словах она является их порядковым центром. Связанность корня вытекает из того, что он не может быть единственным морфом основы словоформы.

IV. 2. ГР = Субстантив (грамматический разряд – субстантив). Определить ГР связанного корня, занимающего в словоформах только первую позицию, можно только по синтактике. Причем учитываться тестируемые аффиксы должны только в контексте, где находящиеся с ними в морфолого-синтаксических отношениях корни не являются связанными.

В сочетаниях с суффиксом {АРИЙ} со значением ‘специально оборудованное сооружение X, <<в котором P>> (R)’, где выражение в скобках вычисляется и где R (корень) заполняет валентность P, в упомянутых контекстах R всегда субстантивный, ср., например, *дельфин⊗арий⊕Ø*$_{им.ед.}$, *роз⊗арий⊕Ø*$_{им.ед.}$, *океан⊗арий⊕Ø*$_{им.ед.}$. С этим суффиксом сочетается и {АЭР}: *аэр⊗арий⊕Ø*$_{им.ед.}$. В сочетаниях с суффиксом {АЦИ} (*аэр⊗аци-|й|-а*) имеется, видимо, одно исключение: *нов⊗аци-|й|-а*, где присутствует адъективный корень. В прочих случаях с ним сочетаются только субстантивные корни: *мотив⊗аци-|й|-а*, *нерв⊗аци-|й|-а*, *фильтр⊗аци-|й|-а*, *профан⊗аци-|й|-а*, *индекс⊗аци-|й|-а*, *суффикс⊗аци-|й|-а*, *пульс⊗аци-|й|-а*, *цемент⊗аци-|й|-а*, *фермент⊗аци-|й|-а*, *документ⊗аци-|й|-а*, *йот⊗аци-|й|-а*.

Примеры типа *аэровокзал*, имеющие сходные по семантике параллельные словосочетания типа *морской вокзал*, *речной вокзал*, *железнодорожный вокзал*, могли бы навести на мысль о том, что *аэр* в них – адъектив. Но против такого решения свидетельствует тот факт, что морфолого-синтаксические конструкции Adj+Subst с коннектором {O}, о чем говорилось выше, запрещены в русском языке (ср. **бел⊕о⊕бород⊕а*, **вод⊗н⊕о⊕лыж⊕а* и т.д.), возможны образования только с нулевым коннектором Ø$_{конн}$, ср. *кон⊕Ø*$_{конн}$*⊕арми-|й|-а, дет⊕Ø*$_{конн}$*⊕сад⊕Ø*$_{им.ед.}$, *спорт⊕Ø*$_{конн}$*⊕клуб⊕Ø*$_{им.ед.}$, или морфолого-синтаксические конструкции типа B_{adj}+{O}+B_{subst} (ср. *вод⊗н⊕о⊕лыж⊗ник⊕Ø*$_{им.ед.}$, *бел⊕о⊕гвард⊗е⊗ец⊕Ø*$_{им.ед.}$ и т.п.). А {АЭР} может присоединяться ко второму компоненту композита только с коннектором {O}. «Адъективная» семантика нас здесь не должна вводить в заблуждение. Дело в том, что интенсиональный компонент ‘такой, что P(X)’ в словоформах *морской*, *речной*, *железнодорожный* эксплицитно обозначаются

суффиксами {СК} и {Н}, тогда как в морфолого-синтаксической конструкции этот компонент значения «вычисляется» по двум субстантивным словообразовательным базам и прототипическому фрейму, в котором оба они могут выступать в качестве центральных персонажей. Теперь нам не составит труда описать синтаксические отношения между морфемами {АЭР} и {ВОКЗАЛ} в словоформе *аэровокзал*. Значение основы здесь – ‘здание или комплекс зданий X, предназначенное для обслуживания пассажиров Y, <<таких, что Y перемещаются с помощью>> транспортных средств, несущей средой которых является воздух’. В двойные угловые скобки поставлены вычисляемые компоненты смысла. Все, что идет в толковании до них, обозначается корнем {ВОКЗАЛ}, все, что после них, обозначается корнем {АЭР}. В этой конструкции {АЭР} не валентен на {ВОКЗАЛ}, и {ВОКЗАЛ} не валентен на {АЭР}, оба они заполняют валентности предиката, составляющего содержание морфолого-синтаксической связи между ними. Из чего следует, что перед нами атрибутивное МСО.

2. 5. 4. Нексусно-сирконстантные МСО

Нексусно-сирконстантными МСО называются такие, в которых ни один из членов пары не валентен на другой, оба они заполняют валентности предиката, составляющего содержание синтаксической связи (локативной, инструментальной и т.д.), и при этом один из членов пары глагольный морф, а другой – субстантивный, и зависимым членом пары является субстантивный. Примеры: *мор⊕е⊕плав⊗а⊗ни⊕е*, *стен⊕о⊕пис⊗’Ø*$_{объект}$*⊕Ø*$_{им.ед.}$, *гряз⊕е⊕леч⊗е⊗ни⊕е*.

Рассмотрим последний пример. Его толкование – ‘процесс P, такой, что X лечит <человека> Y от <болезни> Z <<с помощью средства/процедуры>>) грязи M’. У глагольного корня {ЛЕЧ} три валентности: кто лечит, кого лечит и от чего. Средство, которым лечат болезнь, в число обязательных его валентностей (вопреки [48]) не входит. У корня {ГРЯЗ} свободных валентностей нет. Следовательно, эти два корня связываются предикатом, составляющим содержание синтаксической связи. Ему соответствует компонент толкования, взятый в двойные угловые скобки, он вычисляется по интенсионалам корне-

вых морфем композита и по типовому фрейму, в котором обозначаемые ими объекты выступают в роли центральных персонажей.

2. 5. 5. Юнктивно-сирконстантные МСО

Юнктивно-сирконстантными называются такие, в которых ни один из членов пары не валентен на другой, оба они заполняют валентности предиката, составляющего содержание синтаксической связи (локативной, инструментальной и т.д.), при этом один из членов пары глагольный морф, а другой — субстантивный, и зависимым членом пары является глагольный морф. Напр., *пи⊗в⊕о⊕**вар⊗н**⊕я*, *мы⊗л⊕о⊕**вар⊗н**⊕я*, *точ+и+л+о* и т. д.

Рассмотрим словоформу *мыловарня*. В первой корневой основе имеется глагольный корень {МЫ}. Он толкуется следующим образом: ‘X очищает Y от загрязнения Z водой W’. В поверхностном синтаксисе у глагола с этим корнем две валентности: кто моет и кого или что моет (*мама мыла раму*). Буквальным толкованием суффикса {Л} в этом контексте является ‘средство X’. Свою единственную валентность суффикс обозначает, из чего следует, что свободных валентностей у него нет. Предикат, соединяющий семантику суффикса и семантику корня — ‘X, такое, что P с помощью X’, вычисляется по семантике двух морфем, объединенных в конструкцию. Вторую валентность морфолого-синтаксического предиката в указанной конструкции заполняет глагольный корень {МЫ}, первую — суффикс {Л}. Общее толкование конструкции — ‘средство X, такое, что Y моет Z с помощью X’. Все морфосочетание {МЫ}————{Л} заполняет вторую валентность корня {ВАР}, который толкуется так: ‘X изготавливает Y с помощью воды, или другой жидкости посредством кипячения’. {Л} и вся конструкция пассивно валентна на {ВАР}, из чего по правилу Базелла следует, что в этом МСО {Л} — главный член, а {МЫ} — зависимый. Характеристики МСО совпадают с теми, которые указаны в определении юнктивно-сирконстанттного типа. Теперь можно поставить стрелку и название МСО: {МЫ}<——ю.-с.——{Л}. В конструкции всей базы скобки НС расставляются следующим образом:

[{МЫ}<——ю.-с.——{Л}<——н.-а.2——{ВАР}]———{Н’}

{Н’} толкуется как ‘место или сооружение X’. Толкование предиката, который связывает семантику {Н’} с семантикой предиката, обозначающего ситуацию, происходящую в месте X, выглядит следующим образом: ‘X, такое что P происходит в X’. {Н’} не валентно на {ВАР}, {ВАР} не валентно на {Н’}, оба они заполняют валентности предиката, составляющего содержание МСО. {ВАР} — глагольный корень, {Н’} — субстантивный. Тот факт, что {Н’} в конструкции вершинный элемент, можно подтвердить стандартной процедурой определения главного и зависимого в паре: находим словосочетание, в котором бы вся конструкция была пассивно валентна на внешний по отношению к паре предикат, например: *В мыловарне случился пожар*. В этом предложении предлог валентен на всю конструкцию. Его валентность заполняет референт, обозначаемый суффиксом {Н’} и всей конструкцией в целом, следовательно, {Н’} является главным членом конструкции. Теперь ясно, что характеристики рассматриваемого МСО совпадают с определением юнктивно-сирконстантного МСО. Морфолого-синтаксическую конструкцию словообразовательной базы теперь можно представить так:

[[{МЫ}<——ю.-с.——{Л}<——н.-а.2——{ВАР}] <—ю.-с.——{Н’}].

2. 5. 6. Однородные МСО

Однородными называются такие МСО, в которых либо оба члена пары заполняют одну и ту же валентность внешнего по отношению к паре предиката, либо оба валентны на одну и ту же морфему, например: *плод⊕о⊕овощ⊕е⊕хран⊗и⊗л⊗ищ⊕е*, *вод⊗н⊕о⊕гряз⊗ев⊕о⊕щебен⊗чат⊕ые* (*потоки*).

Рассмотрим первый из этих примеров. Многозначный суффикс {ИЩ} в данном контексте является синонимом суффикса {Н’} и обозначает ‘место или сооружение X’. Он является вершинным элементом всей морфолого-синтаксической конструкции композита и связан с корнем {ХРАН} юнктивно-сирконстантным МСО. {И} и {Л} здесь пустые тематические морфы, которые вводятся специальными морфологическими правилами, подобными тем, которые вводят эпентезы. Корень {ХРАН} обозначает ‘X длительное время содержит <неодушевленный объект> Y и принимает меры для того, чтобы Y не пропал и не потерял изначальных свойств’. И корень {ПЛОД}, и корень {ОВОЩ} за-

полняют одну и ту же, вторую валентность корня {ХРАН}, и этот последний является вершиной конструкции в этом МСО, что в данном случае определяется по месту его расположения по отношению к первым двум корневым морфам. При этом в нексусно-актантном МСО с корнем {ХРАН} состоит только один из членов пары, связанной однородным МСО. Особенностью однородного МСО является то, что оно симметрично, т. е. aRb = bRa. В грамматике зависимостей в связи с этим принимается соглашение, по которому стрелки в этом МСО все равно маркируются так, как будто оно антисимметрично, но при этом X <—одн—Y ≈ Y <—одн— X. Таким образом, морфолого-синтаксическая структура композита выглядит следующим образом:

{ПЛОД}<—одн——{ОВОЩ}<—н.-а2—{ХРАН}<—ю.-с.—{ИЩ}.

И формально эта структура эквивалентна другой:

{ОВОЩ}<—одн——{ПЛОД}<—н.-а2—{ХРАН}<—ю.-с.—{ИЩ}.

Еще одной особенностью однородных конструкций является то, что они допускают тмезис: *плодо- и овощехранилища*, *авто-*, *мото- и велогонки*. Способам описания такого рода структур будет посвящена отдельная статья.

Во втором из приведенных выше примеров, наоборот, каждая из адъективных словообразовательных баз конструкции валентна на одну и ту же лексему словосочетания (*потоки*). Структура сложной словоформы выглядит следующим образом:

[[{ВОД}<—ю.-а.——{Н}]<—одн.——[{ГРЯЗ}<—ю.-а.—{ОВ}]<—одн.—
[{ЩЕБЕН}<—ю.-а—{ЧАТ}]].

2. 5. 7. Параметрические МСО

Параметрическими называются такие МСО, в которых ни один из членов морфолого-синтаксической пары не валентен на другой, и оба они обозначают компоненты или параметры одной ситуации, при этом ни один из них не обозначает ее в целом, например: *север⊕о⊕западØ*$_{им.ед.}$, *квадрат⊗н⊕о⊕гнезд⊗ов⊕ой* (*посев*), *желез⊕о⊕бетонØ*$_{им.ед.}$, *капитан⊕Ø*$_{конн}$*⊕ лейтенантØ*$_{им.ед.}$, *инд⊕о⊕европ⊗е⊗ецØ*$_{им.ед.}$, *англ⊕о⊕рус⊗ск⊕ий* (*словарь*)).

Рассмотрим первый пример. Направление на компасе, которое обозначается данной словоформой, не соответствует ни западу, ни северу, оно вычисляется проведением биссектрисы, делящей пополам угол, образуемый направлением на север и направлением на запад, т. е. то, что обозначают морфема {СЕВЕР} и морфема {ЗАПАД}, являются двумя параметрами, по которым с помощью семантической операции вычисляется нужное значение всей словоформы. При этом ни {СЕВЕР} не валентен на {ЗАПАД}, ни {ЗАПАД} не валентен на север. Отношения между компонентами композита вычисляются по двум заданным параметрам на основании фрейма, связывающего семантику первого и второго члена МСО, в этой операции может быть задействован еще и внешний компонент, состоящий в синтаксической связи с данным морфосочетанием. Скажем, если у нас имеется сочетание *французско-русский словарь*, то мы понимаем, что речь идет о том, что в этом словаре французским словам сопоставляются переводные эквиваленты русского языка (‘словарь X, такой, что в X французским <лексемам и идиомам сопоставляются толкования и переводы на> русском языке’). А если нам дано словосочетание *французско-русские отношения*, то мы вычисляем по этим трем словообразовательным базам, что речь идет о дипломатических отношениях между Россией и Францией.

Важной особенностью этого МСО является формальная непредсказуемость свойств его симметричности или антисимметричности, она обозначается структурой обозначаемого объекта, например, *русско-французский словарь* предполагает антисимметричность в отношениях между компонентами композита, поскольку порядок следования словообразовательных баз в нем моделирует упорядоченность языков данного процесса перевода – с французского на русский, а не наоборот. Напротив, франко-российские отношения симметричны российско-французским. Именно поэтому главным членом МСО является в нем формально последний член пары. Стрелки в этом типе отношений по тем же причинам всегда направлены от последнего члена пары к предыдущему.

Этими МСО пока исчерпывается весь их список. Работа по описанию морфологического синтаксиса находится в ее начальной стадии, и пока я делаю ее один, поэтому вполне возможно откроются новые претенденты на отдельный класс МСО.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры. 1995.

2. Барулин А. Н. Некоторые теоретические проблемы, возникающие при описании турецкого именного словоизменения // Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему: «Теоретические проблемы восточного языкознания». М., 1977. С. 23—27.

3. Барулин А. Н. Модель склонения личных местоимений алюторского языка //Институт русского языка АН СССР. Предварительные публикации. Вып. 107. М., 1978. С. 3—8.

4. Барулин А. Н. Некоторые проблемы описания турецкого существительного // Проблемы языков Азии и Африки. М., 1979. С. 16—69.

5. Барулин А. Н. О синтаксисе словоформы (на материале турецкого языка) // Тезисы рабочего совещания по морфеме. М., 1980а. С. 15—19.

6. Барулин А. Н. Место модели словообразования в общей модели языка // Тезисы рабочего совещания по морфеме. М., 1980б. С. 9—15.

7. Барулин А. Н. К проблеме описания синтаксиса словоформы (на материале турецкого языка) //Теоретические проблемы восточного языкознания. Т. 5. М., 1982. С. 23—54.

8. Барулин А. Н. К проблеме построения семантического представления числительных в языках разных систем // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Тезисы докладов и сообщений школы-семинара Телави, 1983. С. 172—173.

9. Барулин А. Н. Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы. Дисс. канд. филол. наук. М., 1984.

10. Барулин А. Н. Морфосинтаксические этюды // Тезисы докладов школы-семинара «Семиотические проблемы формализации интеллектуальной деятельности». Кутаиси, 1985. С. 278—282.

11. Барулин А. Н. Морфология форм сказуемого с клитической связкой в турецком языке // Историко-культурные контакты народов алтайской общности. XXIX сессия PIAC. М., 1986. С. 137—141.

12. Барулин А. Н. К построению интегральной модели языка // Тезисы докладов VIII Международного конгресса «Логика, методология и философия науки». Тезисы, 1987[7].

13. Барулин А. Н. К проблеме классификации русских композитов // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар «Боржоми-88». Тезисы докладов и сообщений. М., 1988. С. 279—282.

14. Барулин А. Н. Типы семантико-синтаксической организации словоформы и распределение их по частям речи // Части речи. Теория и типология. М., 1990. С. 51—76.

15. Барулин А. Н. О структуре языкового знака // Знак. М. 1994. С. 245—251.

16. Барулин А. Н. К построению модели синтеза русских нумеративов (глубинное и поверхностно-семантическое представление) // Московский лингвистический журнал, 1996, № 2. С. 27—53.

17. Барулин А. Н. Сверхъестественная морфология // Материалы международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону». М., 1996. С. 107—108.

18. Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки. Знаковые системы, коммуникация. Ч. 1. Базовые понятия. Эволюционная теория происхождения языка. Послесловие Ю. С. Степанова. М.: Спорт и культура—2000, 2002а.

[7] См. также «Logic, Methodology and Philosophy of Science VIII». Proceedings of the eighth International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science, Moscow, 1987. North-Holland-Amsterdam-New York-Oxford-Tokyo, 1989. P. 687.

19. Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки. Знаковые системы, коммуникация. Ч. 2. Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра). М.: Спорт и культура—2000, 2002б.

20. Барулин А. Н. К аргументации полигенеза // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 41—58.

21. Барулин А. Н. О статусе и семантике так называемого «интерфикса» о/е в русских композитах // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 9, 2017. С. 79—93.

22. Барулин А. Н. Русское именное словоизменение А. А. Зализняка и дальнейшие пути развития его идей. Часть 1. // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 10, 2018. С. 19—76.

23. Барулин А. Н., Айхенвальд А. Ю. К грамматике синтеза форм слова //Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. М., 1988. С. 36—44.

24. Барулин А. Н., Кононов А. Н. Теоретические проблемы турецкой грамматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. М., 1987. С. 5—36.

25. Барулин А. Н., Шведова А. А. О корне глагола ИДТИ // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 11. 2019. (см. настоящий сб.).

26. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

27. Бидер И. Г., Большаков И. А., Еськова Н. А. Формальная модель русской морфологии // Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 111. М., 1978.

28. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. 1963.

29. Борщев В. Б., Хомяков М. В. Клубные системы // Научно-техническая информация. Серия 2, № 8, 1976. С. 3—6.

30. Виноградов В. В. История слов. М.: Институт русского языка РАН, 1999.

31. Еськова Н. А. Избранные работы по русистике. Фонология. Морфонология. Морфология. Лексикология. Орфография. М.: Языки славянских культур, 2011.

32. Жинкин Н. И. Язык — речь — творчество (Избранные труды). М.: Лабиринт, 1998.

33. Жолковский А. К. Мельчук И. А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. Т. 19. М., 1967. С. 177—238.

34. Зализняк А. А. «Грамматический словарь русского языка». М.: Русский язык, 1980.

35. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

36. Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.

37. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

38. Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018.

39. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986.

40. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М.: Республика, 1998.

41. Мельчук И. А. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) // Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: изд-во ВИНИТИ, 1975. С. 5—50.

42. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 1. Москва—Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, B. 38/1, Издательская группа «Прогресс», 1997.

43. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва—Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, B. 38/2. 1998.

44. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл <=> Текст». М.: Языки русской культуры, 1999. I—XXII.

45. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 3. Москва—Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, B. 38/3, 2000.

46. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 4. Москва—Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, B. 38/4, 2001.

47. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 5. Москва—Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, B. 38/5, 2006.

48. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена: Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14, 1984.

49. Павский Г. П. Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка. Первое разсужденіе. С.-Пб., 1841.

50. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

51. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.

52. Соболевский А. И. Рец. на работу И. Л. Лося «Сложные слова в польском языке» // Журнал Министерства народного просвещения, 1902, № 8. С. 395.

53. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001.

54. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи. С.-Пб.: Норинт, 2004.

55. Чикобава А. С. Несколько замечаний об эргативной конструкции // «Эргативная конструкция предложения». М.: Изд-во Иностранной литературы, 1950.

56. Aikhenvald A. Yu, Barulin A. N. A Model of Synthesis of Modern Hebrew Noun //Teias. № 1/2. Florianopolis. Brasilia. 1989. Pp. 29—34.

57. Haas W. Zero in linguistic description // W. Haas. Studies in Linguistic Analysis. Oxford: Basil Blackwell, 1957. P. 33—53.

58. Kasak R. M. Affix ordering and templatic morphology in Mandan. University Dissertation. Yale, 2019 // https://www.academia.edu/38710127/Affix_ordering_and_templatic_morphology_in_Mandan.

59. Lieberman P. On the Nature and Evolution of the Neural Bases of Human Language / Yearbook of Physical Anthropology 45, 2002. P. 36—62.

А. Н. Барулин, А. А. Шведова

(Институт языкознания РАН)

A. N. Barulin, A. A. Shvedova (Institute of Linguistics,

Russian Academy of Sciences)

О корне глагола ИДТИ

On the root of the Russian verb IDTI 'TO GO'

Аннотация

В статье обсуждаются и формулируются правила формирования морфологических конструкций с корнем глагола ИДТИ.

In this paper, the root of the verb 'IDTI' is identified, and word building rules with the root are discussed and formulated.

Ключевые слова

Морфология, словообразование, морфонология, сигнификативные единицы языка, метрические единицы языка, фонология, ресиллабация, запрет на ресиллабацию, корень, база, основа, морфема, алломорфы, фонема, морфонема, тематическая морфема, эпентеза, консонантизатор.

Morphology, word formation, morphophonology, meaningful language units, metrical language units, phonology, resyllabification, limitations on resyllabification, root, base, stem, morpheme, allomorphs, phoneme, morphophoneme, thematic morpheme, epenthesis.

0. Введение

В более ранних статьях одного из соавторов была предложена схема интегральной модели языка (см. [24; 17]), в которую был встроен словообразовательный компонент, отвечающий за синтез основы на базе толково-комбинаторного словаря морфем (ТКСМ)[1]. В первой из упомянутых работ была предложена принципиальная схема построения словарной статьи ТКСМ. В данной статье делается попытка описания структуры и сочетаемости, морфонологии и архифонемики (см. ниже) корневой морфемы и базовых морфо-

[1] Экспериментальный толково-комбинаторный словарь создавался в Советском Союзе в 1970-е годы группой лингвистов под руководством И. А. Мельчука (см. его итоговое издание [48]).

логических конструкций, которые могут послужить основой для построения словоформ с корнем {И}.

Для описания интересующей нас морфемы в работе будут использованы следующие виды ее представления: имя морфемы по традиции, основанной И. А. Мельчуком, дается заглавными кириллическими буквами в фигурных скобках (например, {ПРЕД}, {И}), имя лексемы — заглавными кириллическими буквами (например, ИДТИ). Имя группы супплетивных алломорфов морфемы дается заглавными буквами латинского алфавита в двойных угловых скобках (например, <<I>>, <<ŠED>>). Имя класса морфем дается латинскими буквами, как собственные имена (например, $Pref_C$ — префиксы с консонантным ауслаутом, $Pref_V$ — префиксы с вокалическим ауслаутом; так же обозначаются переменные, определенные на данном классе). Фонологическая транскрипция дается в косых скобках строчными латинскими буквами (например, /dâj⊕ú/, /n'ês⊕ú/, где плюс в кружочке — знак флективной границы).

Однако понимание фонемы и фонологии в целом в нашей концепции отличается от классического. Одним из важнейших критериев постулирования фонем признается способность сегментной единицы занимать в морфе позицию, в которой замена этой единицы на другую приводит к изменению интенсионального компонента морфа. В качестве примеров фонологи обычно приводят минимальные пары с заменой сегмента в начальной консонантной позиции /kot/ — /got/ — /bot/ — /rot/ — /vot/ — /pot/ — /sot/ — /mot/ — /l'ot/ и т. д. В таких случаях смыслоразличение представляет собой простую процедуру. Все сегменты кроме тех, которые находятся в начальной позиции, у этих слов совпадают, из чего следует, что именно замена начального сегмента ведет к различению интенсиональных компонентов знака. Более сложным случаем, является тот, при котором различение смысла ведется в два этапа: на первом этапе, например, сегменты конечной позиции совпадают, следовательно, никакого противопоставления в сегментной структуре нет: /got##/ — 'представитель группы древнегерманских племен' vs. /got##/ — 'временной промежуток, равный 12 месяцам'. Различить указанные морфы позволяет процедура проверки с помощью так называемой сильной позиции, когда мы меняем контекст инте-

ресующей нас позиции на такой, в котором исследуемые морфемы не меняются, меняется лишь их морфологический контекст, причем меняется так, чтобы можно было привести более сложную процедуру идентификации к простой: /gót⊕ə/ — /gód⊕ə/. Проще говоря, мы выясняем, что в этой позиции возможно чередование глухого сегмента с соответствующим звонким в одном случае и отсутствие такого чередования в интервокальной позиции. Таким образом, в данном случае мы привлекаем к процедуре различения и идентификации морфов наши знания о наборе ступеней чередования и их дистрибуции, в частности, знание о том, что в конце словоформы перед паузой набор возможных сегментов меняется, и звонкому сегменту в этой позиции соответствует парный глухой. Это другой способ идентификации и различения, чем тот, что был представлен в первой серии примеров. Мало кому приходит в голову, что в слабой позиции по-прежнему работает первая процедура идентификации и противопоставления, и в ней вполне различаются /got/ — /gor/ — /gon/ — /gop/ — /gol'/ — /gol/. Причем по первой процедуре различать смыслы в других случаях способны и редуцированные гласные: /pəl'êvóî/ — /pəl'êvóî/ — /pə̥l'êvóî/, /pâstóî/ — /pə̥stóî/, /mâzúrkə/ — /mâzúrkə̥/, /škúrkə/ — /škúrkə̥/. Исходя из этих наблюдений, мы предлагаем постулировать фонемы как смыслоразличительные единицы, выделяемые только по первой процедуре, и только в определенном классе позиций. Согласно этому условию, например, в первом предударном слоге после твердых согласных у нас будет выделен один набор гласных и одна система различения, во втором предударном слоге — другой их набор, и система различения получается другая. На втором, более абстрактном уровне различения и отождествления интенсиональных компонентов морфа, который мы будем называть архифонемным, мы подключаем второй способ идентификации, учитывающий наши знания о чередованиях на стыках морфем, в которых ступень чередования определяется фонологическим контекстом, в подобных позициях постулируются более абстрактные единицы — архифонемы.

Хотелось бы при этом обратить внимание на то, что сегментные единицы различают интенсиональные компоненты языковых знаков не только своими экспонентами (звучанием), и не только набором ступеней чередования в данной позиции, но и синтак-

тикой, т. е. способом взаимодействия со своим сегментным окружением. Приведем пример. Персонаж «Войны и мира» Л. Н. Толстого Васька Денисов не выговаривал /r/, подставляя на место этой фонемы /g/. Невозможно понять как именно по замыслу автора произносил Денисов этот звук, однако, судя по записи *Гг'ишка, чёг'т, тг'убку!,* произнесение его ничем не отличалось от произнесения /g/. Я неоднократно встречал такого рода картавость у русскоговорящих, и буду в анализе этого примера ориентироваться на опыт аудирования речи с таким дефектом. Так вот, при полной неразличимости экспонент нормального и картавого /g/, фонемы эти разительно отличались друг от друга по своему взаимодействию с окружением. В первой словоформе приведенного примера два аллофона одной и той же фонемы /g_1/ должны были бы слиться в одно долгое /g_1:/ (ср. произнесение словоформы *агглютинация* /âg:l'ə$_o$t'ênácəæ/). Точно так же сливаются в геминату и два аллофона одной и той же фонемы /g_2/ (в картавом произнесении словоформы *Варрава /vâg:ávə/*). Но два аллофона разных фонем /g_1/ и /g_2/ в долгое /g:/ не сливаются, у каждого из них остаются своя экскурсия, своя выдержка и своя рекурсия. Во второй словоформе сочетание «нормального» /g_1/ и последующего глухого взрывного должно было бы преобразовать его в глухой взрывной /k/ — /č'ókt/ (ср. *ногти* /nókt'ê/). Картавое /g_2/, имитируя поведение /r/, не оглушается, *чёг'т* произносится как /č'ógt/. И, наконец, в последней словоформе перед «нормальным» звонким /g_1/ /t/ должно было преобразоваться в /d/ /dgúpkə$_o$/ (ср. *отговорил* /âdgəvâr'íl/), однако, поскольку перед /r/ /t/ не озвончается, не озвончается оно и перед картавым /g_2/. Таким образом, в идиолекте людей с такого рода картавостью смыслоразличение двумя этими фонемами осуществляется исключительно за счет синтактики фонемы, что говорит о том, что описывать смыслоразличительные единицы без учета их синтактики — значит, описывать их неверно. Совершенно то же можно сказать и о двух /l/ в русской речи: перед /l/ в суффиксах прошедшего времени /d/ и /t/ выпадают (*плет*⊕у — *пле⊕л⊕и, крад⊕у — кра⊕л⊕и*), а вот перед /l/ в суффиксе {ЛИВ} (*при[+]веред[+]лив⊕Ø$_{m.sg}$, бод[+]лив⊕Ø$_{m.sg}$, шкод[+]лив⊕Ø$_{m.sg}$*) не выпадает, хотя экспоненты их совершенно идентичны. То же можно сказать и о гласных. Смягчающие

архифонемы [A_2][2] и не смягчающие [A_1] (*мяч, мять* vs. *матч, мать*), как и пара [E_2] и [E_1] (*метр, сема* vs. *мэтр, Сэма*) различают смысл соответствующих словоформ не за счет нефонологичного продвижения вперед /а/ и нефонологичного же продвижения назад /е/, а за счет различия синтактик /A_1/ и /A_2/ и /E_1/ и /E_2/. В принятом здесь метаязыке синтактика сегментной единицы обозначается индексом. Как можно было заметить из предыдущего изложения, мы не используем понятие исходной и производной ступени чередования. Позиция чередования и влияние архифонемы на окружающие сегменты обозначаются абстрактным нетерминальным символом, который при переходе на более конкретный, фонологический уровень заменяется на более конкретный символ. Кроме указанного, следует отметить, что уровень абстрактности сегментной единицы зависит еще и от типа контекста, который определяет выбор ступени чередования. Выбор ступени чередования фонем зависит от фонологического контекста, выбор ступени чередования архифонем — от морфологического контекста.

1. Группа алломорфов <<I>>

1. 1. Из истории вопроса (Востоков, Павский, Буслаев, Исаченко)

Супплетивная корневая морфема лексемы ИДТИ привлекала внимание грамматистов на самых ранних этапах исследования русской грамматики. Так, в «Русской грамматике» А. Х. Востокова ([30, 137 — 138]) ИДТИ относится к неправильным глаголам, при этом тщательно перечисляются все изменения, которые претерпевает в спряжении основа глагола. Однако попытки выяснить, какова структура этой основы, объяснить все эти изменения, там отсутствуют. Впервые подробно проблемы морфологического и морфонологического анализа основы ИДТИ обсуждаются в замечательном труде Герасима Петровича Павского ([51; 52]). В первом томе его «Филологических наблюдений над составом русского языка» он писал: «Есть у насъ, одно не важное слово *итти*, которое приводитъ въ замѣшательство писателей и писцевъ; такъ что одни предлагаютъ писать: *итти*, другіе *идти*. И сверхъ того, оно же готово опровергнуть правила предложенныя мною въ пред-

[2] Архифонемная транскрипция дается индексированными заглавными латинскими буквами в прямых квадратных скобках. Морфонемная транскрипция дается индексированными заглавными латинскими буквами в курсивных квадратных скобках, например, *[*L_3*]*.

шествующихъ §§[3]. Естьли корень его есть *ид*, то почему буква *д* передъ *т* не превратилась въ *с*, и почему *идти* не преобразовалось въ *исть* или *исти*, какъ въ *весть* или *вести*? Естьли же буква *д* не превратилась въ *с*, а выпала и послужила только къ удвоенію *т*, то значитъ, что у насъ кромѣ *сть, чь*, есть еще другой способъ замѣнять потерю буквъ, и именно удвоеніе буквы следующей сряду за потерянною. Чтобъ устранить этѣ несообразности, я утверждаю, что корень слову *итти* не есть *ид*, а *и*, и следовательно надлежало бы писать: *ити*, какъ и действительно пишется въ Библейскихъ и Церковныхъ книгахъ. Остатки стариннаго вернаго правописанія есть у насъ и теперь въ словахъ *найти, зайти, пойти* и пр. Правда, некоторые изъ нынѣшнихъ мудрецовъ-правописателей налагаютъ руки и на этѣ немногіе остатки и пишутъ и печатаютъ: *найдти* и пр. Но большая и лучшая часть писателей стоитъ еще на верной дороге. Кроме доказательства, почерпаемаго мною изъ церковныхъ книгъ, я нахожу еще не менѣе твердое доказательство въ другихъ однородныхь языкахъ, где существуетъ корень *и*. На пр. въ Санскритскомъ *и-тум*, *ја-тум* и-ти отъ корня *и*, въ Греч. ἰ-εναι въ Лат. i-re, i-vi, i-tum, повел. i. Ошибка, укоренившаяся въ нынѣшнемъ нашемъ правописаніи, безъ сомнѣнія произошла отъ недальновиднаго соображенія.

Поелику глаголъ *и* употребляется у насъ в одномъ только неопредѣленномъ наклоненіи, а въ другихъ наклонениях виденъ глаголь *ид*, то и представилось, что *и* есть сокращенный *ид*. Нѣтъ, это суть два глагола совершенно различные, и только тѣмъ они сходны между собою, что имеютъ одно значеніе, и въ спряженіи служатъ дополненіемъ другъ другу. Одинъ изъ нихъ (*и*) у насъ не пошелъ далее неопредѣленнаго наклонешя, а другой (*ид*) взялъ на себя должность изображать настоящее время. Власть изображать прошедшее время оба они предоставили третьему *шед* (=Лат. cedo). Отъ того и вышло составное спряженіе; *ити, иду, шелъ*. Никому изъ знающихъ Латинскій языкъ не пришло въ голову считать за одинъ глаголъ: eo, vado, cedo; и намъ не надлежало бы мѣшать *и* съ *ид* (=va-do), и *ид* съ *шед*. Такое смѣшеніе видеть можно въ Грамматике Г. Востокова § 82.

[3] В предыдущих параграфах речь шла о чередовании *т/с* (*плету — плести*), *д/с* (*веду — вести*, *ведаю — весть*), *б/с* (*гребу — грести*) (Примечание наше – А. Б., А. Ш.).

Что въ спряженіи, равно какъ и въ склоненіяхъ, однѣ слова дополняются другими однозначущими, на это примѣровъ много. На пр. въ спряженіи глагола быть входять и *ес* и *буд*, въ спряженіе глагола *брать* входитъ предложный глаголъ *взять* отъ корня *им*. Въ Польскомъ корень *ид* взялъ на себя обязанность изображать и неопределенное наклоненіе, предоставленное у насъ корню *и*; за то онъ и преобразовался тамъ въ iść (=исть), подобно какъ *вед, сед* преобразуются; въ, *весть, сесть*. Изъ этого соображенія видно, что пишущіе идти поступаютъ вовсе противъ аналогіи. Другое правописаніе *итти* нѣсколько сноснѣе потому, что нынѣешній языкъ и въ другихъ случаяхъ решился удвоить буквы вопреки древнему правописанію. Гдѣ прежде говорили и писали: *сребреный, оловяный, читаный, граматика* съ одними *н* и *м*, тамъ нынѣ говоримъ, и пишемъ: *серебрянный, оловянный, читанный, грамматика*; гдѣ прежде писали: *Русь, Рускій, Руса, искуство*, тамъ нынѣ стали писать: *Руссы* или *Россы, Русскій* и даже *старая Русса!!*, *искусство*. Судя по этим примѣрамъ, позволительно писать *идти*, но считать *т* замѣною *д* невозможно.

Слѣдовательно наше положеніе, что замѣною согласныхъ служитъ одна только буква *с* предъ *т, л*, не опровержено глаголомъ *итти*. ([51, 112 — 113]).

Мы привели здесь столь длинную цитату по нескольким причинам. Во-первых, потому, что идеи Г. П. Павского встречаются в современных сочинениях по морфонологии без каких бы то ни было ссылок на него[4], во-вторых, идеи, высказанные почтенным автором в 1841 г., когда еще не существовало ни морфологии, ни морфонологии и не бы-

[4] Ср. в учебнике О. В. Кукушкиной: «У глагола *идти* изменилось написание инфинитива: в результате орфографического выравнивания *и|ти* превратилось в *ид|ти* (ср.: *ид|ти* — *ид|у* — *д* исходно консонизатор). Благодаря такому написанию этот глагол выглядит как корневой закрытый с аномальным сочетанием *д|т*. На самом деле исходно это глагол с открытой корневой основой инфинитива» ([43, 97 — 98]). Ср. у Павского: «я утверждаю, что корень слову *итти* не есть *ид*, а *и*, и следовательно надлежало бы писать: *ити*, какъ и действительно пишется въ Библейскихъ и Церковныхъ книгахъ. Остатки стариннаго вернаго правописанія есть у насъ и теперь въ словахъ *найти, зайти, пойти* и пр. Правда, некоторые изъ нынѣшнихъ мудрецовъ-правописателей налагаютъ руки и на этѣ немногіе остатки и пишутъ и печатаютъ: *найдти* и пр. Но большая и лучшая часть писателей стоитъ еще на верной дороге. Кроме доказательства, почерпаемаго мною изъ церковныхъ книгъ, я нахожу еще не менѣе твердое доказательство въ другихъ однородныхъ языкахъ, где существуетъ корень *и*. На пр. въ Санскритскомъ *и-тум*, *ја-тум* и-ти отъ корня *и*, въ Греч. ἰ-ναι въ Лат. i-re, i-vi, i-tum, повел. i. Ошибка, укоренившаяся въ нынѣшнемъ нашемъ правописаніи, безъ сомнѣнія произошла отъ недальновиднаго соображенія» ([51, 112 — 113]). Сочинения Павского в библиографии О. В. Кукушкиной отсутствует.

ло еще ни термина морфема, ни термина морфонема, приписываются более поздним авторам, как первым, кто их сформулировал[5], что несправедливо по отношению к этому талантливому исследователю, и, наконец, в-третьих, потому что замечательные идеи Герасима Петровича, высказанные достаточно своеобразным способом требуют некоторого комментария.

В первых своих утверждениях Павский выдвигает две трактовки появления оглушенного /d/ в основе инфинитива: 1) оно там выпало и его выпадение вызвало компенсаторное удвоение инициали инфинитива; 2) /d/ не выпадало, и в этом случае его позиция перед показателем инфинитива нарушает общее правило, по которому перед /t'/ инфинитива, корни глаголов, имеющие в ауслауте /d/, меняют его на /s/. В глагольных корнях, которые он приводит в качестве примеров («*вед, сѣд, плет, греб*») это так и происходит, при этом чередуется там с /s/ фонема, представляющая интегральную часть корня. Из этого факта он делает совершенно справедливый вывод о том, что /d/ в *идти* не подчиняется общему правилу, очевидно, из-за того, что /d/ не является интегральной частью корня, что, по его мнению, подтверждается сравнительно-историческими данными[6] и тем, что в древнерусских текстах инфинитив выступает в форме *ити* (см., например, [54]). Далее автор «Филологических наблюдений» объясняет появление /d/ в инфинитиве аналогией с формами презенса, в которых основа глагола выглядит как «*ид*». В качестве

---

[5] Ср. в монографии И. Б. Иткина: «Поскольку инфинитивы такого типа имеют глаголы с исходом основы не только на *с* (типа *нес-*, *пас-*) и *з* (типа *лез-*, *полз-*), но также на *т* (типа *плет-*, *обрет-*), *д* (типа *вед-*, *крад-*), *б* (*греб-*, *скреб-*) и *н* (*клян-*), теоретически мыслимы два принципиально различных способа их описания: с выделением флексии *-ти*/*-ть*, вызывающей чередование С ~ *с*, и с выделением флексии *-сти*/*-сть*, вызывающей чередование С ~ Λ.
Каждая из этих двух точек зрения (обе они, вообще говоря, допускают некоторые модификации) имела и имеет множество сторонников и противников. Постулирование чередования С ~ *с* восходит к Н. С. Трубецкому, предположившему, что *т*, *д* и *б* переходят в *с* перед окончаниями, начинающимися на *т* [57, 86, 130], и было поддержано, в частности, М. В. Пановым, В. Г. Чургановой, Т. В. Булыгиной, Н. А. Янко-Триницкой, В. В. Лопатиным. Выделение флексии *-сти*/*-сть* восходит, по-видимому, к А. А. Шахматову и представлено в том или ином виде в работах многих авторитетных русистов — В. В. Виноградова, В. Н. Сидорова, П. С. Кузнецова, Л. А. Булаховского, С. В. Бромлей, – а также в "Грамматике-70" и, наконец, у Н. Е. Ильиной, работа которой содержит превосходный обзор мнений по этой проблеме (см. [Ильина 1980: 100 – 107] с дальнейшим указанием литературы)» ([40, 88]). У Павского рассмотрены как равноправные обе трактовки (см. цитату выше).

[6] Ср. у А. Мейе: «Кроме того мы имеем еще две основы настоящего времени с суффиксом –de, замещающие старые нетематические основы:

Русск.	Сербск.	Болг.
´идет	ѐидē	´иде

éдет» ([45, 170 — 171]).

синхронного подтверждения[7] своей гипотезы о составе корня Павский приводит формы инфинитивов, в которых перед корнем имеется префикс, оканчивающийся на гласную: *зайти*, *уйти*, *найти* и т. д. В этих формах /d/ не только не чередуется с /s/, но просто отсутствует. Добавим к этой аргументации, что сочетания /jttV/ в русском языке принципиально возможны (*брандспойт-то*, *сайт-то*, *килобайт-то*, *сайт твой*).

По поводу соотношения форм корня, выступающих в инфинитиве (*i*), настоящем (*id*) и прошедшем времени (*шед*) Павский высказывается совершенно однозначно, он считает их разными глаголами, дополняющими друг друга. Так же он рассматривает и другие случаи супплетивизма.

Ф. И. Буслаев в своем «Учебнике русской грамматики» ([29, 39]) без ссылок на Павского подтверждает, что корнем глагола в инфинитиве и настоящем времени является гласный /i/, /d/ который появляется в инфинитиве и формах настоящего времени — вставной, при этом статус этого /d/ не уточняется, как, например, и в современном исследовании О. В. Кукушкиной, где этот сегмент называется консонизатором. По поводу инфинитива, Буслаев принимает одно из решений Павского (вновь без ссылки на него), по которому /t/ в *итти* — результат удвоения инициали показателя инфинитива, написание *идти* — неверно, поскольку в этом случае невозможно объяснить, почему это /d/ не переходит в /s/, как это имеет место в *вести*[8].

В XX в. мнение Павского о структуре глагольной основы ИДТИ (без ссылок) было поддержано А. В. Исаченко, который объясняет свое синхроническое решение данными диахронического характера: «Корень глагола, обозначающего «идти», представлен в индоевропейских языках дифтонгом **ei* (ср. гр. εἰμί «иду»), давшим в общеславянском долгое *ī*. В старославянском языке инфинитив этого глагола звучит *и-ти*, причем *и-* является корнем, а *-ти* окончанием инфинитива. <…> Основа настоящего времени *iti* содер-

[7] Конечно, в 1841 году ни о каком противопоставлении синхронии и диахронии речи быть не могло. В лингвистике того времени преобладали исторические объяснения языковых фактов. Однако Павский в аргументации не ограничивает себя историческими аргументами. Напротив, они используются в его монографии в качестве дополнительных к аргументам синхронным.

[8] Как будто удвоение /t/ морфа инфинитива объяснить можно. Объяснения Павского, апеллировавшего к тому, что, например, в древнерусских текстах писалось *руский*, а теперь — *русский,* в этом случае также были несостоятельны.

жит **инфикс** (выделено нами — А. Б., А. Ш.) -d-: стсл. *идѫ*, русск. *ид-ʹу*, слвц. *id-ет*. В современной русской форме инфинитива *идти* это *д* перенесено по аналогии из форм настоящего времени» [39, 118]. Синхронной аргументации не дается. Далее отдельно отмечается, что с префиксами с вокалическим ауслаутом «*войти*, *взойти, выйти*, *дойти*, *найти*, *пойти*, *отойти*, *подойти*, *превзойти*, *сойти*, *уйти*, *перейти* и т. п. <...> начальное *и-* переходит в *-й-*, причем вместо написания *-дт-* сохраняет старое написание с одним *-т-*. Приставки появляются в «вокализированной» форме *во-, взо-, подо-, ото-, со-*» [39, 119]. Из эклектичных замечаний А. В. Исаченко, смешивающего в цитированном пассаже синхронию и диахронию и фонетику с орфографией, нам, тем не менее, важны три его наблюдения: выделение в качестве единственной фонемы означающего корневого морфа – /i/, наделение сегмента /d/ функцией означающего отдельного морфа, а именно аффикса, и последнее замечание, которое обращает внимание на факт, никем из морфологов и морфонологов ранее не замечавшийся: если /o/ предлогов действительно появляется перед инициальными консонантными кластерами корневых морфем (ср. *ворваться*, *взорваться*, *подорваться*, *оторваться*, *сорваться*), то в контексте начального /i/ нет никаких внешних препятствий для того, чтобы ему здесь отсутствовать. Непонятно, почему префиксы ведут себя перед начальным /i/, происходящим из долгого общеславянского *ī*, как перед консонантным кластером. С точки зрения слоговой структуры **в+ы(+д)+ти*, **воз+ы(+д)+ти*, **под+ы(+д)+ти*, **от+ы(+д)+ти* и **с+ы(+д)+ти* в указанных гипотетических формах внешне никаких нарушений нет. Это подтверждается и реальными сочетаниями соответствующих предлогов с лексемой ИДУЩИЙ: *в#ы+д+ущ+ем, под#ы+д+ущ+им, от#ы+д+ущ+его*, *с#ы+д+ущ+им*. Из этого сопоставления становится ясно, что правила поведения инициального [I] корневого морфа каким-то образом зависят от типа границы с предыдущей морфемой. Мы еще вернемся к этому наблюдению позже.

1. 2. Полемика с И. Б. Иткиным

Из более поздних работ следует упомянуть талантливую, тонкую, скрупулезную работу И. Б. Иткина ([40]) и учебник О. В. Кукушкиной ([43]). И. Б. Иткин считает, что

исходное (термин И. Б. Иткина) морфонологическое представление корневого морфа группы <<I>> должно выглядеть как |jе´д| (где е´ обозначает беглое е ([40, 84, 88])), а не [I]. Словоформы с этим корневым морфом выводятся из изначального морфонологического представления по строгим правилам, сформулированным автором монографии в эксплицитном виде. Так, например, презентные формы спряжения выводятся из изначальной по простым правилам: в *иду* |е´| перед слогом с небеглой гласной исчезает, получается |*jd+ú*|. Поскольку |#jd| в начале корневого грамматического слова запрещено, |j| по правилу Иткина должно перейти в |i|. Это правило снабжается следующим пояснением: «Однако мы, в отличие от всех названных лингвистов, считаем, что ИМП ТМ (сокр. от терминов «исходное морфонологическое представление» и «тематическая морфема — А. Б., А. Ш.) *-и-* имеет вид не |и|, а |j|. Это несколько парадоксальное допущение основано прежде всего на том факте, что в русском языке нет бесспорных примеров перехода *и* в *j* перед гласным, ср. *почить* — *почию* (не **почью*), тогда как переход *j* в *и* в интерконсонантной позиции может быть описан автоматическим правилом: последовательности #jC, CjC и Cj# невозможны в РЯ в принципе, ср. [Еськова 1957: 43], причем переход *j* в *и* в начале слова отмечен, например, в глаголе *идти*, ср. {jе´д+у} → /jе´ду/ → /jду/ → /иду/ → *иду*» [40, 130]. «Парадоксальная» трактовка морфонологического состава корня глагола ИДТИ И. Б. Иткина, на самом деле, соответствует диахронической трактовке его общеславянского морфонологического состава, на который указал А. Мейе, ср. «Старые корневые нетематические основы исчезли: одни вследствие того, что их корни вышли из употребления или не имеют уже настоящего времени, другие – потому что устранявшийся тип был замещен другими формами. Так, настоящее время **ei-/i-*, хорошо сохранившееся в скр. *éti*, гр. εἶσι, лат. it, др.-лит. *eiti*, было замещено производным **jьde-* тематического типа, ст.-слав. идѫ.» [45, 164]) Однако, в отличие от автора обсуждаемой монографии Мейе не считает /de-/ интегральной частью корня: «Обнаруживающийся здесь суффикс **-*de/o- возможно восходит к индоевр. **-de/o-* (ср. лат. *tendō*, *pendō*, *claudō*) или к **-dhe/o-* (ср. гр. Πλήϑω и т. д.); в общеславянском языке он очень рано перестал быть продуктивным» [45, 164]). Приведенное решение И. Б. Иткина — А. Мейе, однако, с синхронической точ-

ки зрения не проходит. По правилам И. Б. Иткина нельзя построить формы существительных *наитие* и *соитие*, содержащих корневой морф <<I>>. Беглая гласная из постулированного Иткиным исходного морфонологического представления должна исчезнуть перед небеглым /i/ деривативного суффикса, но для перехода корневого /j/ в /i/ условий, сформулированных выше, не обнаруживается. Невозможно, исходя из его ИМП, и объяснить, почему здесь /d/ перешло в /t/.

Решение Иткина было ориентировано на то, чтобы были сформулированы простейшие правила морфонологического представления морфа, которые могли бы объяснить фонологический состав всех словоформ с корневым морфом <<I>>, но указанные выше две лексемы выпали из его поля зрения, а они меняют всю морфонологическую трактовку основы. Между тем, как нам представляется, можно сформулировать не менее простые правила чередования, которые при этом вполне согласуются с историей языка (см. об этом ниже).

Отдельным решением Иткина было признание [D] интегральной частью корневого морфа. Его отсутствие в префиксальных инфинитивах (*найти*, *зайти* и т. д.) Илья Борисович объясняет выпадением /d/ перед /t'/ инфинитива. В качестве подтверждения возможности существования подобного правила выпадения приводится пример глагола РАСТИ, у которого в инфинитиве при фонемном составе /rost/ при двух /t'/ на морфемном стыке в фонологическом представлении инфинитива остается одно /t'/. Эта аналогия нам представляется сомнительной, поскольку *расти* выбивается в этом объяснении не из одного, а из двух правил: из правила, по которому [t] в качестве интегральной части корня перед показателем инфинитива должно было перейти в /s'/ (ср. пример Павского *плету* — *плести*) и из отсутствия других подобных примеров исчезновения /t'/ перед грамматическим суффиксом инфинитива /t'/: например, в том же *идти* /d/ не выпадает, а, как положено, оглушается перед глухим согласным, образуя с ним геминированное /t':/. Нам представляется гораздо более вероятным правило по которому /t/ перед /t'/ в *расти* вначале перешло в /s'/, после чего геминированное /s'/ сократилось до простого, что в русском языке не редкость (ср., например, *расстегай*, *расстилаться* которые нормативно

произносятся с одним /s'/, см. [41]). Еще больше на подозрение о несостоятельности гипотезы об интегральной принадлежности [D] корневой морфеме наводит упомянутое выше косвенное диахроническое соображение о том, что [I] в ИДТИ восходит к индоевропейскому дифтонгу *ei, который в общеславянском языке дал долгое *ī, сократившееся в древнерусском до /i/, которое в форме инфинитива выступало в качестве единственной фонемы корня (*ити*). Если теперь отклонить предположение Иткина о том, что [D] — интегральная часть корневой морфемы, и попытаться обосновать соответствующую историческим данным концепцию моновокалического состава корневой морфемы ИДТИ, нам нужно будет показать сходство ее поведения с поведением других корней с вокалическим ауслаутом. В монографии Иткина такого рода корневые морфемы исследованы с достаточной тщательностью. Как и другие исследователи (см., например, [55; 57; 60; 61], он обнаруживает, что в определенных контекстах к корневым морфемам этого типа присоединяется либо консонантный морф, либо консонантная эпентеза, так называемый консонантизатор. В некоторых случаях такого рода образования И. Б. Иткин в явном виде наделяет аффиксальным статусом, например, [D] в *буду* и *даст, дадите* ([40, 155 — 156]). Для того, чтобы показать, что консонантный морф и консонантизатор не являются интегральной частью корня Илья Борисович использует три вида аргументов: i) отсутствие их в некотором типе словоформ, не объясняемое правилом выпадения в данном контексте, ii) сравнение с морфемами, аналогичный согласный которого ведет себя по правилам, указывающим на его принадлежность данной морфеме и iii) наличием в формах с данной морфемой другого консонантизатора/тематической морфемы (другой консонантной темы). Ср., например, «Как справедливо заметил еще Н. С. Трубецкой, вне подпарадигмы наст.-буд. вр. формы этого глагола, в отличие от форм глагола *есть*, "не имеют следов *d* в исходе корня" [57, 132], ср. *есть*, но *дать*, *съеденный*, но *сданный*; аналогичным образом обстоит дело и в словообразовании, ср. *съедать*, но *сдавать*, и т. д.» ([40, 155 — 156]). Согласно этой цитате доказательством того, что [D] не является интегральной частью корня глагола ДАТЬ является отсутствие его в инфинитиве (для контраста присутствие его в *есть* доказывается нормативным чередованием d/s ед+ть → есть), примеры «*въед-*

ливый, но *податливый*, *объедки*, но *задатки*» приводятся для того, чтобы показать, что в этих словоформах у {ДА} консонантный морф, дополняющий /*да*/ до структуры CVC, меняется с [D] на [T].

Воспользуемся теми же аргументами, чтобы показать, что [D] не является интегральной частью корня. Если мы правы, то супплетивный морф <<I>>, как уже было сказано, должен входить в класс корневых морфов с вокалическим ауслаутом и нулевой базовой темой в инфинитиве типа *дать* и *быть*.

Общим для такого рода глагольных корней является их способность в контекстах перед гласной, перед конечной нулевой морфемой и в некоторых других случаях присоединять к себе незначащий консонантный сегмент. Определение статуса такого рода сегментов — вопрос довольно сложный. Добавление его к морфемам с вокалическим ауслаутом в описанных выше контекстах в современном русском языке — отчасти устоявшийся результат действия довольно древних, еще общеславянских правил, отчасти — живой процесс, действующий и в настоящее время. Как показывают исследования (см., например, [44]), механизм добавления консонантизатора — часть системы правил, устраняющих конфликты между правилами построения сигнификативных и метрических единиц (о противопоставлении метрических и сигнификативных единиц см. [5; 17, 28; 21; 23; 28, 255—256; 51, 115—116; 53, 95] и др.). В русской морфологии при этом в роли единиц, устраняющих такого рода конфликты, могут выступать не только моноконсонантные и моновокалические сегменты, но и цепочки фонем, имеющих единую синтактику и добавляемых к корневой морфеме по мало предсказуемым правилам (ср., например, примеры Майской *Гену⊕я — гену⊗эз⊗ец*[9] *— гену⊗эз⊗ск⊕ий, Конго — конго⊗л⊗ез⊗ец — конго⊗л⊗ез⊗ск⊕ий,* но *Паду⊕я — паду⊗ан[+]ск⊕ий, Тарту — тарту⊗ск⊕ий, Бордо — бордо⊗ск⊕ий*). Такие сегменты и сегментные комбинации ведут себя, скорее, как означающие отдельных морфов, чем простые эпентезы. Важно, в частности, что такого рода вставки могут влиять на место ударения в акцентном слове (*Ге́ну⊕я — гену⊗э́з⊗ск⊕ий,*

[9] Знаком ⊗ обозначается левая граница деривативного аффикса.

Го́ри — гори́⊗й⊗ск⊕ий, Ч′или — чили́⊗й⊗ск⊕ий, см. об этом подробнее в работе [44]), а это, вне всякого сомнения, свойство не эпентез, а морфем (см. [36]). В этой связи мы склоняемся к тому, чтобы приписать консонантизаторам статус отдельного морфа, который должен вводиться не фонетическими, а специальными морфемно-морфными правилами при переходе от поверхностного морфолого-синтаксического уровня представления словоформы к линейному на основе информации, содержащейся в толково-комбинаторном словаре морфем (см. о нем [24])[10]. Набор консонантных тематических морфем при глагольных корневых морфемах достаточно ограничен [D] (*да⊕ть — да⊗д⊕и⊕м, бы⊕ть — бу⊗д⊕е⊕м*), [J] (*по⊗да⊕ть — по⊗да⊗j⊗ан⊗и┤j├е*[11], *де⊕ть — де⊗й⊗ств⊗и┤j├е, зна⊕ть — за⊗зна⊗й⊗ств⊕о*), [L] (*жи⊕ть — жи⊗л⊕ой — жи⊗л⊗ец⊕Ø*$_{пот}$, *гре⊕ть — гре⊗л⊗к⊕а*), [T] (*зна⊗т⊗ок⊕Ø*$_{пот}$, *да⊕ть — за⊗да⊗т⊗ок⊕Ø*$_{пот}$), [V] (*об⊗у⊗ть — об⊗у⊗в⊗а⊕ть — об⊗у⊗в⊗к⊕а*), *под⊗де⊕ть — под⊗дё⊗в⊗к⊕а.* Корневой морф <<I>> может присоединять к себе две разные консонантные темы: {D}, появляется в презентных формах (*и⊗д⊕у, и⊗д⊗е⊕шь…*), в императиве (*и⊗д⊕и*), в причастии настоящего времени (*и⊗д⊗у⊗щ⊕ий*), в пассивных причастиях переходных префиксальных основ (*на⊗й⊗д⊗ен⊗н⊕ый, про⊗й⊗д⊗ен⊗н⊕ый…*) и в основах с двумя деривативными суффиксами (*на⊗й⊗д⊗ён⊗ыш⊕Ø*$_{пот.sg}$ и *про⊗й⊗д⊗ох⊕а*), другой, {T}, появляется в двух основах с суффиксом {ИЙ} (*на⊗и⊗т⊗и⊕е* и *со⊗и⊗т⊗и⊕е*), где его появление невозможно объяснить оглушением /d/. Вряд ли можно считать верной и попытку представить это {T} здесь не как консо-

---

[10] Как, на наш взгляд, совершенно справедливо указывала Н. А. Еськова, именно о статусе означающего морфа, а не о функции эпентезы следует говорить в связи с тематическими элементами: «Тематические элементы являются носителями морфологических и морфонологических особенностей каждого глагольного класса» [34, 221]. О том же пишет и С. М. Толстая: «Сам факт усекаемости тематических элементов и регулярность таких усечений служит достаточным аргументом в пользу их морфологической самостоятельности. Однако морфонологическая функция этих аргументов отнюдь не ограничивается тем, что они выступают как вокалическая или йотовская прокладка на стыке основы и аффикса. Их более глубокая и существенная роль состоит в том, что они определяют принадлежность глагола к одному из словоизменительных (морфологических и морфонологических) классов, объединяющих глаголы с идентичными показателями и разделяют глаголы с разными показателями» [55, 235].

[11] ┤*j*├ — знак разорванного плюса, который используется тогда, когда эпентеза (в данном случае /j/) вставляется в позицию, которую занимает граница между морфами.

нантную тему, а как показатель страдательного причастия ([40, 188]). Никаких следов семантики страдательного причастия приведенные лексемы не обнаруживают. В значении обеих лексем основа обозначает одновалентный предикат с возможностью расщепления первой валентности у второй лексемы. Ср. примеры из НКРЯ: *В последнее время в нашем журнализме стало повевать какой-то тлетворной струей, каким-то развратом мысли; мы их вовсе не принимаем за выражение общественного мнения, а за наитие направительного и назидательного ценсурного триумвирата*. (А. И. Герцен. Very dangerous!!! (1859)); *непосредственное наитие Божественного Духа* (А. С. Хомяков. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси (1853)); *...тут уж наитие бога происходит* (А. Ф. Писемский. Масоны (1880)). Во всех найденных примерах существительное в родительном падеже при первой из этих лексем выступает в роли агенса, что при переходной глагольной базе было бы невозможно, ср. именную группу *убийство царя*, в которой в подавляющем большинстве контекстов ЦАРЬ выступает в роли пациенса, роль агенса при существительных с переходной глагольной базой обозначается творительным падежом (об эргативном характере кодирования ролей в отглагольных именных группах писал еще А. Чикобава ([59])). Еще меньше похоже {T} на показатель пассивного причастия в СОИТИИ, ср. пример из НКРЯ *соитие страстотерпца с великомученицей* (В. Ерофеев. Из записных книжек (1958 — 1990)). В этой именной группе оба существительных выступают в агентивной роли. В основах обеих лексем [T] — пустой тематический морф.

Следует специально отметь, что и [D], и [T] в соответствующих базах не просто консонантизаторы, эти морфемы маркируют подпарадигмы спряжения глагола и участвуют в формировании словообразовательной базы[12] глагольного корня, что, несомненно, свидетельствует об их морфологическом статусе.

[12] В представленной здесь морфологической теории противопоставляются термины БАЗА и ОСНОВА. Под «основой» понимается часть словоформы, представленная цепочкой морфем, в которую не входят морфемы флексии (под флексией понимается цепочка морфем, в которую входит тематическая морфема флексии и грамматические суффиксы, например, *чит⊗а⊕**е⊕ишь***, *чит⊗а⊕**л⊕а*** (флексия выделена полужирным шрифтом)), под «базой» понимается

Тот факт, что это {$Д_{тем}$}, как изящно выразился Н. С. Трубецкой, «не имеет следов» в ауслауте корня в префиксальных основах инфинитива (*на⊗й⊕ти, пере⊗й⊕ти, подо⊗й⊕ти, за⊗й⊕ти, у⊗й⊕ти* и пр.) вопреки сравнению с РАСТИ, мы уже вслед за Г. П. Павским показали выше.

Важным аргументом в пользу трактовки [D] в ИДТИ не как интегральной части корня ([51]), а как пустого тематического морфа, преобразующего слоговую структуру базы из V в VC, является то, что он перед [T] инфинитива не переходит в [S], как у всех атематических глаголов с ауслатом [D]: *вед⊕у — вес⊕ти, бред⊕у — брес⊕ти, крад⊕у — крас⊕ть, сяд⊕у — сес⊕ть, пряд⊕у — пряс⊕ть*, но *ид⊕у — ид⊕ти.* Из этого следует, что в тематическом морфе {$Д_{тем}$} должна быть постулирована другая морфонема, чем в ауслауте приведенных выше глагольных атематических корневых морфов. Итак, по нашим представлениям, форма инфинитива глагола ИДТИ получается по следующему правилу, предусмотренному в четвертой зоне соответствующей словарной статьи толково-комбинаторного словаря морфем (см. [24]).

Контекстное морфемное правило.

$X\langle\langle I\rangle\rangle + \{ТИ_{инф}\}Y \Rightarrow X\langle\langle I\rangle\rangle + \{D_{Tem.B}\} + \{ТИ_{инф}\}Y$.

Это частное правило, распространяющееся всего на один конкретный контекст, естественно, необходимо заменить на более общее правило, регламентирующее появление или отсутствие базовой тематической морфемы.

$X\langle\langle I\rangle\rangle Y \Rightarrow X\langle\langle I_B\rangle\rangle Y \mid X = Pref_v+ \vee (R + \{CONN\}+) \;\&\; Y = \{INF\}$

$\Rightarrow X(\langle\langle \acute{I}_B\rangle\rangle + \{T_{Tem.B}\})Y \mid X = \{НА\} \vee \{C\} \;\&\; Y = \{ИЙ\}$

$\Rightarrow X(\langle\langle I_B\rangle\rangle + \{D_{Tem.B}\})Y \mid (X = \# \;\&\; Y = \{INF\}) \vee Y = \{PRAES\} \vee \{IMP\} \vee \{Щ\} \vee \{ЕН\} \vee \{ОХ\}$.

Супплетивный алломорф <<I>> в правильно построенном корневом грамматическом слове не присоединяет к себе базовой тематической морфемы ({D}, {T}), если в его левый контекст (X) входит цепочка префиксов, заканчивающаяся префиксом с вокаличе-

---

морфологическая конструкция, способная служить основой словоформы, к которой могут быть присоединены новые деривативные морфемы для формирования более сложных основ.

ским ауслаутом (*найти*, *подойти*, *превзойти*) или цепочка, состоящая из корневой морфемы (R) и коннектора о/е ({CONN}), например, *низойти*, а в его правый контекст (Y) входит показатель инфинитива ({INF}).

Супплетивный алломорф <<I>> в правильно построенном корневом грамматическом слове присоединяет к себе базовую тематическую морфему {T}, если его левый контекст (X) в той же словоформе содержит префикс {НА} или {С}, а правый контекст (Y) в той же словоформе содержит суффикс {ИЙ} (*наитие*).

Супплетивный алломорф <<I>> в правильно построенном корневом грамматическом слове присоединяет к себе базовую тематическую морфему {D}, если его левый контекст (X) в той же словоформе не содержит префиксов (равен границе словоформы), а правый контекст (Y) в той же словоформе содержит показатель инфинитива (*идти*), или причастный показатель настоящего времени {Щ} (*идущий*), или если при любом левом контексте правый контекст (Y) в той же словоформе содержит показатель настоящего времени {PRAES}, или показатель причастного пассивного перфекта {ЕН} (*найденный, пройденный, обойденный*), или агентивный суффикс {ОХ} (*пройдоха*).

Осталось аргументировать еще два факта: 1) найти аналогию перехода /i/ в /j/ после гласных и 2) объяснить, почему после префиксальной границы в противоположность другим корням с начальным /i/ корень ИДТИ ведет себя совершенно по-другому, нежели после клитической границы.

Обратимся к переходу /i/ в /j/. В параграфе, посвященном формам императива, И. Б. Иткин вслед за сложившейся традицией (см., например, [33, 620]) утверждает, что у показателя императива два алломорфа /i/ и /Ø/. Так же считает и один из классиков русской морфологии, Н. А. Еськова, посвятившая показателям повелительного наклонения в русском языке отдельную статью [34]. Хотя причины, по которым так считает И. Б. Иткин и Н. А. Еськова, — разные. Н. А. Еськова полагает, что в основах глаголов первого лица, например, формы *читаю* (/č’êtájä$_o$/) [j] является интегральной частью тематического морфа, чередующейся с нулем. Это решение определяется старой установкой морфологов, по которой словоформа должна члениться на морфы без остатка. В случаях с атематиче-

скими глагольными корнями, такой же [j], видимо считается интегральной частью корня (*даю (/*dâj⊕ú/*)*)/. Кроме того, выделяя в структуре глагольной словоформы осно́вную тему, Н. А. Еськова не выделяет в этой статье тематический морф флексии (*сто⊕и⊕шь – да⊕шь – бер⊕'о⊕шь – пиш⊕е⊕шь*). И. Б. Иткин, напротив, вслед за А. Н. Барулиным [5] считает, что эпентезы типа [j] в /č'êtájə̥o/, /dâj⊕ú/ и т. п. не выполняют функции различения означаемого ни у левого, ни у правого означающего соседних морфем, а выполняют функции устранения конфликтов между правилами построения сигнификативных единиц (морфов, словоформ, словосочетаний, предложений), в функции которых входит отличение их интенсионала от интенсионалов всех прочих такого рода единиц, и правилами построения соотнесенных с первыми метрических единиц (слогов, фонетических слов, тактов и периодов), в функции которых входит интегрирование дискретных сигнификативных единиц, преобразование цепочки фонем, образующих означающие единиц более высокого уровня в ритмические целые, в которых дифференциальные признаки взаимодействующих друг с другом фонем были бы определенным образом согласованы друг с другом и объемлющей метрической структурой, в которую они входят. Различение функций фонем, впервые предложенное Г. П. Павским ([51])[13], позволяют отказаться от правила деления словоформы на морфы без остатка: при определении границ морфов эпентезы не должны учитываться, они должны вводиться в состав словоформы автоматическими правилами на стечениях гласных. Точно так же не должны учитываться гласные эпентезы, разреживающие стечения согласных и, напротив, в фонологическом представлении должны восстанавливаться фонемы, устраненные правилами усечения, действующими в местах скопления согласных или в случаях, устраненных этими правилами зияний.

[13] Трудно удержаться, чтобы не процитировать его выраженные «старыми словесы» мысли: «Въ человѣческомъ словѣ два властителя: смыслъ н выговоръ, Смыслъ требуетъ, чтобъ каждая значительная буква (т. е. фонема, отвечающая за отличение значения данной единицы от значений других — А. Б., А. Ш.) оставалась на своемъ мѣстѣ. Иначе съ потерею ея потеряется зиаченіе слова. По этому требованію смысла глазъ везде хочетъ находить значительныя буквы въ надлежащем ихъ мѣстѣ и видѣ. Но выговоръ, другой властитель слова, во многихъ случаяхъ не терпитъ сближенія буквъ, требуемыхъ смысломъ. Съ выговоромъ соглашается и ухо. Для примиренія смысла съ выговоромъ и глаза съ ухомъ мы употребляемъ обыкновенно тѣ средства, которыя исчислены въ предшествующей главѣ, то есть, вносимъ въ слоги гласныя буквы, по отношенію къ смыслу ничего не значащія, но способствующія къ облегченію выговора; также выпускаемъ буквы, перестанавливает ихъ и пр.» [51, 115 — 116].

Приняв позицию А. Н. Барулина, Иткин не включает [j] императивов в состав тематических морфов и корневых морфем с вокалическим ауслаутом, но, парадоксальным образом, считает, что этот [j], замыкающий императивную словоформу, является эпентезой. Мнение его основывается на предположении, по которому эпентеза должна появляться в словоформе уже на уровне исходных морфонологических представлений, поэтому, например, в словоформе *дай,* она должна сработать таким образом: |da+i| → |da-|j|-i| → |da-|j|-$Ø_{imp}$|. Для нас такая трактовка неприемлема, поскольку мы считаем, что наиболее абстрактное, морфонологическое, представление морфа должно содержать только сигнификативные единицы. Механизмы устранения конфликтов между правилами построения метрических и сигнификативных единиц должны вступить в работу лишь тогда, когда становится очевидной слоговая структура фонетического слова и определено место ударения в нем, т. е. на этапе построения более конкретных, чем морфонемная транскрипция, единиц. А на этом этапе по Иткину [i] императива должно быть уже заменено на смягчающий Ø. По нашим представлениям морфонема — абстрактная единица, интерпретируемая набором архифонем, распределенных относительно морфологического контекста. Если морфонема интерпретируется чередованием гласной с нулем, о ней еще вообще нельзя сказать, гласная она или согласная. Вставка эпентезы по нашим представлениям — достаточно поверхностная операция, осуществляемая на фонологическом уровне. Перед нулем ее быть не может.

Единственным случаем, который Иткин приводит в защиту своей позиции и требует нашей интерпретации, являются примеры с конечным /j/ в словоформах мн. ч., род. п. типа (*линия – линии –*) *линий*, (*восстание – восстания –*) *восстаний*, (*премия – премии –*) *премий* и т. д. В традиционной русистике считается, что /j/ в такого рода словоформах является интегральной частью основы, а флексия выражается нулем. Если считать, что /j/ в прочих формах (*линия*, *линию*, *линией* и т.д.) является эпентезой, эта трактовка становится противоречивой по причине, указанной выше: эпентезе нечего делать в абсолютном конце словоформы. Мы предлагаем для указанных случаев другую трактовку: /j/ в

них относится к флексии мн. ч. род. п. Обоснование этого положения заняло бы слишком много места. Мы оставим его для специальной статьи.

Все эти соображения заставляют нас искать какую-то другую трактовку форм императива.

Очевидно, что если [J] не эпентеза, то он является означающим или частью означающего морфа. Рассмотрим вначале вторую гипотезу. В этом случае он может рассматриваться как часть либо базового тематического морфа, либо, если такового нет, часть корневой морфемы с вокалическим ауслаутом. Удобнее всего рассмотреть эту гипотезу на примере глаголов первого (по Исаченко [39, 45 — 126]) — Еськовой ([34, 179]) — Иткину ([40, 124 — 125])) класса, класса с неизменяющейся базовой темой [A_1]. Проанализируем для примера глагол КУСАТЬ: *кус⊗á⊕ть* ($R+Tem_{b/s}+F$[14]) — *кус⊗á┤j├у* ($R+Tem_{b/s}$ ┤j├ Tem_f+F[15]) — *кус⊗á⊕й.* Есть только один способ трактовки императива как формы с нулевым показателем: считать, что /j/ — интегральная часть темы. Но в форме инфинитива тема та же, а /j/ там нет, нет его и в формах прошедшего времени: *кус⊗а⊕л(+а/о*), при том, что сочетания /jla#/, /jlo#/ в русском языке допустимы (ср. *кайла*, *яйла*, *кайло*, *хайло*, *пойло*). Тот же результат мы получим после рассмотрения глагольных корневых основ с исходом на гласную (*знать — знай, дать — дай, дуть — дуй, греть — грей, обуть — обуй* и др.). В инфинитиве никакого /j/ не наблюдается, из чего можно сделать вывод, что /j/ не является интегральной частью этих корневых морфем. Таким образом, поскольку /j/ в формах императива с вокалическим ауслаутом основы не является ни эпентезой, ни интегральной частью основы, нам остается признать его фонемой, наделенной функцией означающего отдельного морфа, поскольку никаких других причин появления /j/ в словоформе императива при таких условиях быть не может. При этом никакого другого грамматического суффикса, кроме показателя императива, за этой темати-

[14] R — корневая морфема, $Tem_{b/s}$ – базовая и осно́вная тематическая морфема, F — флексия.
[15] Tem_f — флективная тема, ┤j├ эпентеза, фонема, задаваемая автоматическими правилами, не принадлежащая ни левому, ни правому означающему морфа. В [u], как считает И. Б. Иткин, и мы с ним в этом согласны, морфонологически слиты флективная тема [o] и флексия [m] ([40, 129]).

ческой морфемой следовать не может (возвратная морфема {СЯ} и показатель множественности {ТЕ} по нашей классификации — энклитики, см. по этому поводу [23]). У императива нет своей флективной темы, следовательно, /а/ в *работ⊗а⊕й*, *кус⊗а⊕й* и т. д. здесь та же основно-базовая тема, что и в презентных формах и инфинитиве, а /j/ — флексия. Из всего этого следует, что у показателя императива может быть три алломорфа: /i/, /j/ и /$Ø_{imp}$/. Переход императивного показателя /i/ в /j/ осуществляется по предельно простым правилам: если в императивных словоформах второго лица ед. ч. морф императива по правилам расстановки ударения, основанным на акцентных свойствах морфем (см. [36]) не выигрывает конкуренцию и не становится ударным (как в *дои́, таи́, слои́#сь, рои́#сь, крои́#те*), то после гласной и суффиксальной границы /i/ переходит в /j/: $XI_3Y \rightarrow XjY \mid X = ´V+ \ \& \ Y = \#(\#) \ \& \ I_3 \in \{IMP\}$.

Из этого правила есть всего одно иллюзорное исключение, уникальный глагол ССАТЬ. В императиве *ссы* /ɨ/ можно трактовать двояко — либо как означающее тематического морфа базы/основы (ср. *за⊗сс⊗ы⊗х⊕а, сс⊗ы⊗к⊗ун⊕$Ø_{им.ед.}$*, но *сс⊗а⊗к⊕и*), либо как означающее темы флексии (ср. *сс⊕ы⊕шь, сс⊕ы⊕т,* но *сс⊕у⊕т*), либо как показатель императива. При любой из этих трактовок нарушается какое-нибудь важное морфонологическое правило: при первых двух нарушается правило, по которому после основы с вокалическим ауслаутом при безударной флексии императив должен заканчиваться закрытым слогом с /j/ на конце (ср. *дай*, *дуй*, *жуй, пой*, *мой*, *рой*, *вой* и т. д.), при последней трактовке /сс/ перед показателем императива должно смягчаться, поскольку /i/ у него смягчающее, а у фрикативного /s/ есть парный мягкий согласный /s’/, там не должно быть /ɨ/ (ср. /vr⊕á⊕t’/ — /vr’⊕í/, /$ə_o$⊗mêr⊕á⊕t’/ — /$ə_o$⊗mr’⊕í/). Однако, на наш взгляд, есть другая трактовка, которая позволяет не выводить форму императива этого глагола за пределы действующих в русском языке фонологических и морфонологических правил. Можно считать, что уникальным здесь является не несоблюдение морфологических и морфонологических правил, а уникальность геминаты /s:/. В словоформах, содержащих корневую морфему {СС}, геминированное /s/ произносится не просто, как долгое /s:/, как,

например, в словоформе *бесславный*, оно произносится напряженно, как произносятся звонкие согласные в немецком: в этом языке по наблюдению специалистов они противопоставлены глухим не по признаку глухость — звонкость, а по признаку напряженность — ненапряженность. Это противопоставление в целом чуждо русской фонетике, поэтому носителям русского языка кажется, что у немцев вообще нет звонких согласных, и, говоря по-русски, немцы оглушают звонкие согласные. Из-за своей напряженности класс звуков, в который должна была бы входить гемината, образованная двумя фрикативными глухими свистящими меняет свой фонологический класс. На русский слух напряженное /ṣ̣/ выпадает из ряда фрикативных согласных, но, сохраняя важное для языка противопоставление по глухости звонкости, переходит не в звонкое/напряженное /z/, как в немецком, а присоединяется к классу непарных твердых глухих свистящих аффрикат и начинает вести себя, как принадлежащее к этому классу /c/. При эмфатизации в произнесении словоформ с этим корнем на месте /ṣ̣ṣ̣/ появляется /ṣ̣c/ (/ṣ̣cát'/, /ṣ̣c´ɨ/)[16] с таким же напряженным /c/. Ср. пример из НКРЯ: *Взять их можно только страхом, а так, хоть сцы в глаза, всё Божья роса* (Ю. Нагибин. Дневник. 1972). Этот фонетический эффект и дает нам /ɨ/ на месте /i/. При такой трактовке получается, что /ы/ в *ссы* не тематический морф, а показатель императива, который, как положено, после согласных выражается не нулем, а [I], но поскольку он идет после непарной твердой, он на фонологическом уровне переходит в /ɨ/, как в *шурши, греши, реши, паши* и т. д. Отметим, что с диахронической точки зрения здесь произошел интересный переход кластера /sc/ в /ṣ̣ṣ̣/ (словоформа *ссытъ* зафиксирована уже у протопопа Аввакума) [17], при котором /sc/ не исчез, а остался в качестве эмфатического варианта /ṣ̣ṣ̣/. При этом сочетание фрикативного и аффрикаты хоть и преобразовалось в сочетание двух фрикативных, но **синтактику** прежней непарной аффрикаты сохранило.

Вернемся теперь к показателю императива и сделаем необходимые выводы из сказанного. Сформулированное правило перехода /i/ в /j/ действует на всех классах гла-

[16] То же произношение при сильной эмфатизации происходит с [s] в существительном *сука (*Ср пример из НКРЯ: *а она, **сцука**, тока приору дала*. (Форум «Золото Якутии». 2010)*)*
[17] См. по этому поводу [58].

голов, приведенных И. Б. Иткиным на стр. 124 — 125 в [40]. Все это мини-исследование показателей императива проводилось нами с одной целью: показать, что ступени чередования [I] в ИДТИ совпадают со ступенями чередования в императиве, и /i/ так же переходит в /j/ после гласных, как и [I] императива, за исключением тех случаев, когда в ИДТИ [I] стоит под ударением, собственно, так же, как и у императива (ср. *крои́*, *пои́*, *дои́*, *таи́*, *струи́сь*). Правда, нулевая ступень чередования у этих морфонем появляется по разным правилам. Из всего нашего анализа поведения [I] в ИДТИ следует сделать вывод, по которому в единственной позиции корневой морфемы должна стоять морфонема, по ступеням чередования идентичная показателю императива, но правила ее преобразования в менее абстрактные единицы должны быть другими. В этой связи мы постулируем для первой гласной морфонемы исследуемого глагольного корня символ, отличающий ее от всех других, похожих по реализации морфонем (*[*I_4*]*) и постулируем правила перехода от этого нетерминального символа к более конкретным формам его записи:

Морфемно-морфное правило

$<<I>> \rightarrow [I_4]$

Морфонологические правила:

$X[I_4]Y \rightarrow X[I_2]Y \mid (X = \#\# \ \& \ Y = [T'I_{3(Inf)}] \vee [Ø_{(Praes)}]) \vee (X = [PRE_2D] + \&$

$Y = [Š{:}'_{(PraesPart)}]) \vee (X = [NA_1] \vee ([S]+[O_1]) \ \&$

$Y = ([T_{(Tem.B)}]+[IJ_{(NAct)}]))$

$\rightarrow X[J]Y \mid (X = (Pref_v+) \vee (R + [O_{(Conn)}]+) \ \& \ Y = [T'I_{3(Inf)}]) \vee$

$(X= ((Pref_v+) \ \& \ (Pref_v \neq [PRI_2])) \ \& \ Y = ([D_{(Tem)}] + ([Ø_{(Praes)}]$

$\vee [I_{5(Imper)}] \vee [O_2N_{(PassPerfPart)}] \vee [O_1X_{(Agent)}]))$

$\rightarrow XØY \mid X = [PRI_2] \ \& \ Y = [D_{(Tem)}] + [Ø_{(Praes)}]$

При переходе от морфонологической к архифонемной транскрипции морфонема *[*I_4*]* преобразуется в архифонему [I_2], при том условии (|), что ее левый контекст (X) не содержит префиксов (равен границе корневой словоформы), а ее правый контекст (Y) содержит показатель инфинитива *[*$T'I_{3(Inf)}$*]* или показатель настоящего времени *[*$Ø_{(Praes)}$*]*, или, если ее левый контекст (X) представляет собой префикс *[*PRE_2D*]*, а ее правый кон-

текст (Y) содержит показатель настоящего времени причастия *[*Š:’$_{(PraesPart)}$*]*, или, если ее левый контекст (X) равен префиксу *[*NA$_1$*]* или цепочке префиксов *[*S*]*+*[*O$_1$*]*, а ее правый контекст содержит сочетание тематического суффикса *[*T$_{(Tem)}$ *]* и именного суффикса обозначающего действие *[*IJ$_{(NAction)}$*]*.

Она преобразуется в архифонему [J] при том условии, что ее левый контекст (X) содержит цепочку префиксов, последний из которой заканчивается на гласную, или представляет собой конструкцию корневой морф + коннектор о/е, а ее правый контекст равен показателю инфинитива *[*T’I$_{3(Inf)}$*]* (например, *прийти*, *подойти*, *снизойти*), или, если ее левый контекст (X) содержит цепочку префиксов, последний из которой заканчивается на гласную и не равен префиксу *[*PRI$_2$*]*, а ее правый контекст (Y) содержит тематический морф *[*D$_{(Tem)}$ *]* и один из следующих морфов: настоящего времени финитного глагола *[*Ø$_{(Praes)}$*]*, или показатель императива *[*I$_{5(Imper)}$*]*, или причастный показатель пассивного перфекта *[*O$_2$N$_{(PassPerfPart}$*]*, или агентивный суффикс *[*O$_1$X$_{(Agent)}$*]*, например, *подойду*, *найди*, *найдёныш*, *пройденный*, *пройдоха.*

Она преобразуется в нулевую архифонему при том условии, что ее левый контекст (X) равен префиксу *[*PRI$_2$*]*, а ее правый контекст (Y) содержит тематический морф *[*D$_{(Tem)}$ *]* и один из следующих морфов: настоящего времени финитного глагола *[*Ø$_{(Praes)}$*]*, или показатель императива *[*I$_{5(Imper)}$*]*, например, *придешь*, *приди.*

Теперь нам осталось объяснить, почему так странно в сочетании с корневым морфом *[*I$_4$*]* ведут себя префиксы. Как уже было показано выше, странность состоит в том, что поведение прочих корневых морфем с начальным *[*I$_2$*]* резко отличается от форм с *[*I$_4$*]*. С предлогами и префиксами *[*I$_2$*]*-инициальные морфемы ведут себя совершенно одинаково. Особенно хорошо это видно на примерах с предлогами и префиксами, у которых совпадает означающее: *до#игр⊕ы /də#êgr⊕ɨ́/ — до⊗игр⊗á⊕ть /də⊗êgr⊗á⊕t’/*, *за#игр⊕у /zə#êgr⊕ú/ — за⊗игр⊗á⊕ть /zə⊗êgr⊗á⊕t’/*, *из#игр⊕ы /êz#ägrɨ́/ — из⊗игр⊗á⊕ть#ся /êz⊗ägr⊗á⊕cə/ на#игр⊕у /nə#êgr⊕ú/ — на⊗игр⊗а⊕ть /nə⊗êgr⊗á⊕t’/*; *об#игр⊕е /âb#ägr’⊕é/ — об⊗ыгр⊗á⊕ть /âb⊗ägr⊗á⊕t’/*; *от#игр⊕ы /ât#ägr⊕’ɨ/ — от⊗ыгр⊗á⊕ть*

/ât⊗əgr⊗á⊕t'/; *по#игр⊕е /pə#êgr⊕é/ — по⊗игр⊗а⊕ть /pə⊗êgr⊗a⊕t'/*; *под#игр⊕у /pəd#əgr⊕ú/ — под⊗ыгр⊗а⊕t' /pəd⊗əgr⊗á⊕t'/*; *перед#идент⊗ифик⊗аци⊕ей /p'êr'êd#ədənt'⊗êf'êk⊗ácəj⊕êĭ/ — пред#идент⊗ифик⊗аци⊕я — /pr'êd⊗ədənt'⊗êf'êk[+]ácəj⊕ä*; *при#игр⊕е /pr'ê#êgr'⊕e/ — при⊗игр⊗а⊕ть / pr'ê⊗êgr⊗á⊕t'/*; *про#игр⊕у /prə#êgr⊕ú/ — про⊗игр⊗а⊕ть / prə⊗êgr⊗á⊕t'/*; *с#игр⊕ой /s#əgr⊕óĭ/ — с⊗ыгр⊗а⊕ть / s⊗əgr⊗á⊕t'/*; *у#игр⊕ы /ə$_o$#êgr⊕'ɨ / — у⊗игр⊗а⊕ть / ə$_o$⊗êgr⊗á⊕t'/*. А теперь посмотрим, как ведут себя те же предлоги и префиксы с корнем *[*I$_4$*]*. *До#**и**⊗д⊗у⊗щ⊕его /də#**ê**⊗d⊗úş':⊕êvə/ — до⊗**ĭ**⊗ти /dâ#**j**⊕t'í/*; *за#**и**⊗д⊗у⊗щ⊕им /zə#**ê**⊗d⊗úş':⊕êm/ — за⊗**ĭ**⊗д⊗у /zâ⊗**j**⊗d⊗ú/*; *из#**и**⊗д⊗у⊗щ⊕его /êz⊗**ə**⊗d⊗úş':⊕êvə/ — из⊗о⊗**ĭ**⊗д⊗у /êz⊗â#**j**⊗d⊗ú/*; *на#и⊗д⊗у⊗щ⊕его /nə#**ê**⊗d⊗úş':⊕êvə/ — на⊗**ĭ**⊗д⊗у /nâ⊗**j**⊗d⊗ú/*; *об#и⊗д⊗у⊗щ⊕ем /âb#**ə**⊗d⊗úş':⊕êm/ — об⊗о⊗**ĭ**⊗д⊗у /âb⊗â⊗**j**⊗d⊗ú/*; *от#и⊗д⊗у⊗щ⊕его /ât#**ə**⊗d⊗úş':⊕êvə/ — от⊗о⊗**ĭ**⊗д⊗у /ât⊗â⊗**j**⊗d⊗ú /*; *по#и⊗д⊗у⊗щ⊕ему /pə#**ê**⊗d⊗úş':⊕êmə$_o$/ — по⊗**ĭ**⊗д⊗у /pâ⊗**j**⊗d⊗ú/*; *под#и⊗д⊗у⊗щ⊕его /pəd#**ə**⊗d⊗úş':⊕êvə/ — под⊗о⊗**ĭ**⊗д⊗у /pəd⊗â⊗**j**⊗d⊗ú/; перед#**и**⊗д⊗у⊗щ⊕им /pêrêd#**ə**⊗d⊗úş':⊕êm/ — пред#и⊗д⊗у⊗щ⊕ий /prêd⊗**ə**⊗d⊗úş':⊕êĭ/*; *при#и⊗д⊗у⊗щ⊕ем /prê#**ê**⊗d⊗úş':⊕êm/ — при⊗д⊗у /prê⊗d⊗ú/*; *про#и⊗д⊗у⊗щ⊕его /prə#**ê**⊗d⊗úş':⊕êvə/ – про⊗**ĭ**⊗д⊗у /prâ⊗**j**⊗d⊗ú/*; *с#**и**⊗д⊗у⊗щ⊕им /s#**ə**⊗d⊗úş':⊕êm/ — со⊗**ĭ**⊗д⊗у /sâ⊗**j**⊗d⊗ú/*; *у#и⊗д⊗у⊗щ⊕его /ə$_o$#**ê**⊗d⊗úş':⊕êvə/ — у⊗**ĭ**⊗д⊗у /ə$_o$⊗**j**⊗d⊗ú/*. Как видно из этих примеров, в отличие от глаголов с инициальным *[*I$_2$*]* глаголы с корневым [I$_4$] ведут себя с одноименными проклитиками и префиксами по-разному. После клитик с вокалическим ауслаутом (вернее сказать, после гласных и клитической границы) *[*I$_4$*]* ведет себя так же, как и глагольные корни с инициальным *[*I$_2$*]*, а после аналогичных префиксов (вернее, после гласной и аффиксальной границы) /i/ переходит в /j/. Точно так же проклитики с консонантным ауслаутом ведут себя с *[*I$_4$*]*, как соответствующие сочетания с корнями на *[*I$_2$*]*. Но аналогичные префиксы ведут себя перед *[*I$_4$*]*, как перед консонантным кластером, а

именно, кроме префикса {ПРЕД}, присоединяют к себе вокализатор [О] ср. *под⊗ыск⊗а⊕ть, но под⊗о⊗рв⊗а⊕ть, под⊗о⊗сл⊗а⊕ть, под⊗о⊗й⊕ти.*

Уникальность поведения корневой морфемы ИДТИ после префиксов наталкивает на мысль, что оно подчиняется не современным фонолого-морфонологическим правилам, а правилам, пришедшим в современный русский язык из древности, к которой восходят, видимо, аналогичные правила, подчинившие поведение общеславянского /ī/ и в других славянских языках (ср., например, польск. *najść* — ‘найти’, *podejść* — ‘подойти (о транспорте)’, при *iść* — ‘идти’, словенск. *najti* — ‘найти’, *pojdimo* — ‘идти, пойти, пойдем’, при *iti* — ‘идти’, словацк. *dôjdem* — ‘дойду’, *zájdem* — ‘зайду’, *prídem* — ‘приду’, при *íst’* — ‘идти’, где /s/, как и в русском, появляется в виде /d/ по аналогии с формами презенса, но, в отличие от русского, переходит в /s/ по общему правилу (ср. *viest’*, *niest'*, *pliest’*)).

Единственным пока способом объяснения необычного поведения сочетаний префиксальных морфов с корневым сегментом *[*I$_4$*]* является уникальный запрет на ресиллабацию префиксальной части словоформы при условии, по которому слогоделение производится строго по принципу восходящей звучности. Под ресиллабацией имеется в виду возможность несовпадения границ слога и морфа при формировании слоговой структуры, отрыв фонемы означающего некоторого морфа для формирования слоговой структуры соседнего морфа. Ср. *под⊗ыгр⊗а+ть* vs. *по-ды-грать.* В этом примере для образования второго слога у морфа префикса отрывается финальный согласный, образующий инициаль второго слога. Тот же эффект получится при построении словоформы и фонетического слова с корневым морфом [I]: **под⊗ы⊕ти* — **по-ды-ти.* Перестройка консонантно-вокалической структуры префиксальной и корневой части словоформы позволяет избежать ресиллабации префиксальной части: *под⊗о[+]й⊕ти* — – *по-до-йти.* Запрет ресиллабации в данном случае позволяет противопоставить степень спаянности (тесного примыкания по А. А. Зализняку ([36; 38])) префиксальной и корневой части, с одной стороны, и корневой и суффиксальной части — с другой. По наблюдению А. А. Зализняка префиксальная часть грамматического слова обнаруживает менее тесное примыкание к корню,

чем суффиксальная. Запрет на ресиллабацию усиливает этот эффект и, можно даже сказать, оформляет его фонетически. Как это было видно из приведенных примеров, запрет на ресиллабацию регулярно действует только в морфосочетаниях префикса с корнем *[*I_4*]*. Стоит отметить парадоксальную черту в действии этих правил: получается, что проклитики, которым ресиллабация не запрещена, обнаруживают с этим глагольным корнем большую спаянность, чем префиксы.

Для формирования полной системы правил образования основ с корнем {И} нам осталось сформулировать правила перехода от морфологической записи к морфонологической для пустого тематического морфа $\{D_{Tem.B}\}$. Как это было показано раньше, /d/ тематической морфемы не чередуется с /s/ перед /t/ инфинитива. Из этого следует, что у него другой набор ступеней чередования и другая синтактика, чем у /d/, являющегося интегральной частью глагольных корневых морфем типа {ВЕД} (*веду — вести*), {БРЕД} (*бреду — брести*, *кладу — класть*, *упаду — упасть* и т. д.). Поэтому при постулировании морфонем этим двум различным /d/ присваиваются разные индексы. Для /d/, чередующегося с /s/ — *[*D_4*]*, а для /d/, составляющего означающее базовой тематической морфемы — *[*D_1*]*. Отдельный индекс необходимо присвоить и морфонеме, с которой начинается показатель инфинитива, поскольку не перед каждым /t'/ /d/ переходит в /s/, ср. ***подтя**нуть*, *будьте*, *над телом*, *медтехника*, *о Шмидте* и т. д.

Морфонологическое правило.

$X\{D_{Tem.B}\}Y \rightarrow X[D_1]Y$. Контекстные условия в данном случае не важны. Означающим морфемы $\{D_{Tem.B}\}$ является морфонема *[*D_1*]*.

Контекстное архифонемное правило.

$X[D_1]Y \rightarrow X[D_1]Y \mid Y = [\#\#[T_1^{(')}] \vee \#[T_1^{(')}] \vee +[T_1^{(')}]] \vee V$.

При переходе от морфонемной записи к архифонемной морфонема *[*D_1*]* в контексте мягкого или твердого *[*T_1*]* или гласного преобразуется в архифонему $[D_1]$ при любом типе границы.

Базовая тематическая морфема с означающим /t/ встречается только между гласными. Его варианты чередования остаются неопределенными, поэтому мы можем при-

равнять представляющую этот сегмент морфонему как *[*T_1*]*, т. е. морфонему с минимальным набором ступеней чередования, содержащим архифонему [T_1].

Морфонологическое правило.

$X\{T_{Tem.B}\}Y \rightarrow X[T_1]Y$.

Архифонемное контекстное правило.

$X[D_4]Y \rightarrow X[Z_1]Y \mid Y = [\#\#[T_1^{(')}] \vee \#[T_1^{(')}] \vee +[T_1^{(')}]]$.

Морфонема в контексте мягкого или твердого *[*T_1*]* при переходе к архифонемной записи преобразуется в архифонему [Z_1], которая на следующем (фонологическом) уровне перед глухим согласным даст /s/.

2. Алломорфы группы <<ŠED>>

2. 0. Постановка задачи параграфа

Постулируя приведенный в заглавии параграфа состав означающего второго супплетивного алломорфа исследуемой корневой морфемы в виде последовательности трех указанных выше морфонем, мы, во-первых, должны решить, надо ли объединять алломорфы этой группы с алломорфами предыдущей группы в одну морфему, если «да», то надо ли алломорфы этих двух групп считать супплетивными, и, только ответив на указанные вопросы, сформулировать правила а) выпадения *[*D_4*]* в морфосочетаниях типа *шё⊕л⊕Ø*$_{m.sg}$, *от⊗ше⊗ль⊗ник⊕Ø*$_{nom.sg}$, *при⊗ше⊗л⊗ец⊕Ø*$_{nom.sg}$, *про⊗ш⊗л⊕ый, ше⊗ств⊗и⊕е,* при невыпадающем *[*D_1*]* в примерах типа *подл⊗ец*, *при⊗вер*ед⊗лив⊗ый, *бед⊗ств⊗и⊕е*, б) чередования гласного ё/е/Ø в корневой морфеме в морфосочетаниях типа *шё⊕л⊕Ø*$_{m.sg}$, *ше⊗ств⊗и⊕е*, *у⊗шед⊗ш⊕ий*, *про⊗ш⊗л⊕ый*, в) нестандартного поведения префиксов с консонантным ауслаутом перед корневыми алломорфами этой группы в морфосочетаниях типа *в⊗о⊗шё⊕л⊕Ø*$_{m.sg}$, *вз⊗о⊗шё⊕л⊕Ø*$_{m.sg}$, *про⊗из⊗о⊗шё⊕лØ*$_{m.sg}$, *об⊗о⊗шё⊕л⊕Ø*$_{m.sg}$, *от⊗о⊗шё⊕л⊕Ø*$_{m.sg}$, *под⊗о⊗шё⊕л⊕Ø*$_{m.sg}$, *раз⊗о⊗шё⊕л⊕Ø*$_{m.sg}$*#ся*, *с⊗о⊗шё⊕л⊕Ø*$_{m.sg}$, при *в⊗ши⊕ть*, *вс⊗ход⊗и⊕ть*, *ис⊗ход⊗и⊕ть*, *об⊗ши⊕ть*, *об⊗ход⊗и⊕ть*, *от⊗ши⊕ть*, *от⊗ход⊗и⊕ть*, *под⊗ши⊕ть*, *под⊗ход⊗и⊕ть*, *рас⊗ши⊕ть*, *рас⊗ход⊗и⊕ть#ся*, *с⊗ши⊕ть*, *с⊗ход⊗и⊕ть*.

Вопреки Г. П. Павскому, который, видимо, не был знаком с понятием супплетивизма и современным понятием тематического морфа, поэтому считал *ид* одноморфемным образованием и корнем лексемы, отличной от *итти* (так же он рассматривал и отношения между *и, ид и шед*), мы, вслед за большинством современных морфологов, будем считать, что <<I>> и <<ŠED>> — супплетивные алломорфы одной морфемы.

Наиболее точную формулировку супплетивизма предложил в свое время И. А. Мельчук ([46]). Супплетивными далее будут называться два синонимичных морфа с разными означающими, распределенными относительно левого, правого или как левого, так и правого контекстов. В нашем случае алломорфы группы <<I>> по правому контексту распределены с алломорфами группы <<ŠED>>:

$X\{И\}Y \rightarrow X_1 \langle\langle I\rangle\rangle Y_1 \mid Y_1 = \{PRAES\} \vee \{IMP\} \vee \{INF\} \vee \{Щ\} \vee \{EH\} \vee \{OX\} \vee \{ИЙ\}$

$\rightarrow X_2 \langle\langle \check{S}ED\rangle\rangle Y_2 \mid X_2 \cap X_1 \neq \emptyset \;\&\; Y_2 \cap Y_1 = \emptyset$

В правильно построенной корневой словоформе супплетивная морфема {ИД} преобразуется в супплетивный алломорф <<I>>, если (|) в ее правом контексте (Y) в одной с ней словоформе присутствует морфема настоящего времени ({PRAES}), или императива ({IMP}) или инфинитива ({INF}), или показатель причастного настоящего времени ({Щ}), или показатель пассивного причастного перфекта ({EH} (*найденный*)), или деривативная морфема {OX} (*пройдоха*), или субстантивная деривативная морфема, обозначающая действие, {ИЙ} (*наитие*).

В правильно построенной корневой словоформе супплетивная морфема {ИД} преобразуется в супплетивный алломорф <<ŠED>>, если (|) в ее правом контексте (Y) нет ни одной морфемы из списка, приведенного в первой части правила.

Вторым условием объявления двух морфов супплетивными алломорфами одной морфемы является непредставимость их в виде одной и той же цепочки морфонем и невыводимость их более конкретных алломорфов из одного и того же морфонологического представления. Это условие в нашем случае также соблюдено.

2. 1. О правилах выпадения [D]

2. 1. 1. Морфологическое членение словоформы *шествие*

Наличие в русском языке частотного суффикса {СТВ} подталкивает исследователей разделить указанную в заголовке параграфа словоформу следующим образом: *ше⊗*ств*⊗ij⊕е* (см. похожее решение в [42]. Такое членение предполагает, что [D] перед /s/ или перед {СТВ} выпадает. Однако, как верно отмечает И. Б. Иткин ([40, 90]), оно противоречит фактам: взрывные дентальные ни просто перед перед /s/ (ср., например, *председатель*, *представление*, *подсудный*, *уродский* и пр., следовательно, нет такого фонологического правила), ни перед морфемой {СТВ} (ср. *бедствие*, *следствие*, *рукоприкладство*, *ретроградство*, *злорадство*, *людоедство*, *соседство*, *ехидство*, *чаеводство*, *родство*, *сходство*, *паскудство*, *бесстыдство*, *тунеядство*, *верхоглядство* и пр., следовательно, нет такого морфонологического правила) не выпадают. Основываясь на очевидном противопоставлении *яство* — *тунеядство*, *есть* — *людоедство,* где в последних примерах противопоставленных пар выступает суффикс {СТВ}, а в первых — корневое /d/ по общему правилу перед /t/ переходит в /s/, Иткин предлагает в *яство и шествие* постулировать синонимичный {СТВ} суффикс {ТВ} со значением ‘действие, процесс’ (ср. *мол⊗и⊗тв⊕а*) и морфонологический состав корней с ауслаутом /d/, переходящим перед /t/ в /s/. Нам это решение кажется убедительным. Тем самым с морфонологической точки зрения последней морфонемой означающего алломорфов этой группы должно быть *[*D_4*]*, которая по правилу, сформулированному выше, перед *[*T_1*]* на архифонемном уровне должна перейти в [Z_1].

2. 1. 2. Правило выпадения морфонемы *[*D_4*]* перед суффиксами, с анлаутом *[*L_3*]*

Принципиально сочетание /dl/ в русских словоформах и фонетических словах вполне допустимо, ср. *подлатать*, *подлый*, *быдло*, *седло*, *длань*, *подлокотник*, *под лапой*, *над ланью* и т. д. Из этих примеров следует, что выпадение /d/ перед /l/ регулируется не фонологическими, а морфонологическими правилами, т. е. опущение /d/ перед /l/ определяется морфологическим, а не фонологическим контекстом.

Для постулирования морфонемы *[*L*]* также требуется синтактическая информация, поскольку не перед любым /l/ /d/ выпадает. Так, перед /l/ в суффиксе {ЛИВ} выпадение /d/ не наблюдается, ср. *бодливый*, *блудливый*, *дождливый*, *стыдливый*, *шкодливый*. Этот факт может объясняться и тем, что в интересующих нас сегментных сочетаниях выступает морфонема, отличная от /D_4/, и тем, что там не та же морфонема, что и в показателе прошедшего времени, и тем, что в кластере присутствует особое по синтактике и ступеням чередования /d/ и особое же /l/. Так невыпадение /d/ перед /l/ в словоформах *оседлый* и *седлать* объясняются разными причинами. В первой из них /d/ не выпадает только потому, что оно представляет в кластере морфонему *[*D_5*]*, а не *[*D_4*]*, которое перед *[*L_3*]* суффикса выпадает, во второй словоформе /l/ представляет морфонему *[*L_1*]*, суффикса, обозначающего не операцию адъективизации (смену синтактики базы с глагольной на адъективную), а приспособление, в широком смысле, инструмент. Перед *[*L_1*]* не выпадает и *[*D_4*]*. Именно поэтому в морфонологической и архифонемной записи мы отличаем их друг от друга с помощью индексов, определяющих тип синтактики данного сегмента.

$X[D_4]Y \rightarrow XY \mid Y = +[L_3]$.

[L_3*]* в качестве инициальной морфонемы содержат показатель прошедшего времени финитного глагола, который только из этой морфонемы и состоит ($[ŠE_4D_4 \oplus L_3 \oplus Ø_{m.sg}] \rightarrow [ŠO_2 \oplus L \oplus Ø_{m.sg}]$), омонимичный предыдущему отглагольный адъективатор со значением ‘тот, который совершил действие или испытал состояние P’[18] ($[PRI_2\,[+]ŠE_4D_4[+]L_3 \oplus I_1J] \rightarrow [PRI_2[+]Š[+]L \oplus I_1J]$). Ср. также *падать — пасть — паду — палый*, где в ауслауте корня также морфонема с выпадающим /d/ (хотя и не *[*D_4*]*, см. о ней ниже), в отличие, например, от *оседлый*, где /d/ в ауслауте корня ведет себя по-другому, нежели *[*D_4*]*: *сидеть — сесть — сижу — оседать — осесть — оседаю — осяду — осевший.* У этого корня другой набор ступеней чередования и другая синтактика. Так, перед суффиксом причастия прошедшего времени /D_4/ сохраняется, в то время как инициальное /v/ следующего за ним причастного суффикса выпадает (*шедший*, *забредший*, *приведший*). Ауслаут корня {СИД}, напротив, перед /v/ причастного показателя прошед-

[18] Прошедшее время в толковании не случайно. Оно — часть семантики суффикса.

шего времени выпадает: *севший*. Так же в этом контексте ведет себя и ауслаут корневой морфемы {ПАД$_1$}: *павший*, *опавший*, *упавший*, хотя здесь все не так просто. От этой корневой морфемы начала отпочковываться новая лексическая единица со значением ‘утратить былой социальный статус или уважение, сменив образ жизни или совершив неблаговидный поступок’: *Можно ли так низко пасть?* Алломорфы корня с этим значением совпадают с алломорфами корня со значением ‘двигаться по направлению к поверхности земли под действием силы тяжести’, ‘погибнуть, быть убитым’: *Мячик упал на пол и закатился под стол.* Исключение составляют формы причастия: ПАДШИЙ и ПАВШИЙ противопоставлены по значению. Это противопоставление и разное поведение конечной согласной корня в контексте суффикса причастного прошедшего времени позволяет нам постулировать две морфемы: {ПАД$_2$} со значением ‘утратить былой социальный статус или уважение, сменив образ жизни или совершив неблаговидный поступок’ (ср. примеры из НКРЯ: *Десятку самых «**падших**» возглавил «Газпром». Проект религиозного преображения **падшего** бытия*, Я *говорил тебе, что врачи— **падшие** жрецы*) и {ПАД$_1$} во всех прочих значениях этого корня. При этом в конечной позиции морфонологического представления этих морфем будут стоять две разные морфонемы *[*D$_4$*]* в {ПАД$_2$} и *[*D$_5$*]* в {ПАД$_1$}. Наша трактовка, к сожалению, не учитывает замечательного распределения, обнаруженного в свое время Н. А. Еськовой (см. [27, ч. 1, 31 — 32]), по которому выпадение /d/ перед /v/ и /v/ после /d/ в глагольных атематических корневых морфах перед причастным показателем прошедшего времени регулируется простым распределением: если инфинитив с соответствующим корнем выглядит как /t’/, то выпадает /d/: *пасть — павший*, *класть — клавший*, *есть — евший*, *прясть — прявший*, *сесть — севший*. Если же инфинитив при соответствующих корневых морфах выглядит как /*tí*/, то выпадает /v/: *вести — ведший*, *брести — бредший*, *идти — шедший*. Инфинитив лексемы ПАСТЬ с {ПАД$_2$} выглядит так же, как и инфинитив с {ПАД$_1$}, следовательно, правило Н. А. Еськовой здесь дает сбой. Попытки И. Б. Иткина ([40, 196]) вывести из парадигмы глагола (в смысле Грамматического словаря ([35])) ПАСТЬ формы причастия в парадигму отдельной словарной статьи (опять же в смысле Грамматического словаря ([35])) с теоретиче-

ской точки зрения не имеют под собой никаких оснований: любые две разные правильно построенные словоформы, содержащие только корневую морфему, грамматические морфемы и словообразовательные показатели, меняющие грамматическую синтактику лексемы, будут отличаться друг от друга только грамматически релевантными элементами значений. Номинативная часть значения у них будет совпадать. Следовательно, по Грамматическому словарю ([35]) эти словоформы должны быть отнесены к одной и той же лексеме. Причем у словоформ со значением ‘утратить былой социальный статус или уважение, сменив образ жизни или совершив неблаговидный поступок’ причастная форма — *падший*, а не *павший*. Последняя согласная корня этой словоформы ведет себя как /D_4/, и есть правило взаимодействия /d/ и /v/ в формах причастий прошедшего времени, которое объясняет такое поведение.

Еще менее обоснованным кажется предложение И. Б. Иткина при живом, действующем правиле выпадения /v/ после /d/ постулировать в парадигме лексемы ПАДШИЙ вместо причастного показателя прошедшего времени суффикс «|о´ш|».

Все приведенные выше соображения приводят нас к формулированию контекстного морфонологического правила:

$XD_4 + V_4O_3ŠY \rightarrow XD_1 + O_3ŠY$

При переходе от морфонологической транскрипции к архифонемной при взаимодействии суффикса *[*$V_4O_3Š$*]* и корнем с финальной морфонемой *[*D_4*]* эта последняя преобразуется в архифонему [D_1], а морфонема *[*V_4*]* выпадает. Архифонема [O_3] подчиняется общим правилам поведения беглых гласных (см. [40, § 5. 1.]).

2. 2. Правила чередования гласной в корне

В исследуемой группе алломорфов корня происходит два типа чередований: гласной с нулем (случай беглой гласной) и чередования смягчающих архифонем [O_4]/[E_2]. Правило выпадения/сохранения беглой гласной (БГ) достаточно подробно описано в монографии [40], где оно формулируется следующим образом: «беглый гласный сохраняется перед конечным С или СС, а также перед слогом с беглым гласным – безразлично, выпавшим или прояснившимся» [с. 220]. Соответственно выпадает БГ перед небеглым

гласным, если при этом не получается слишком большое стечение согласных. В исследуемой группе алломорфов гласный ведет себя именно так, как это описано в правиле. В словоформах, где в корне сохраняется только /š/, *[*D$_4$*]* по правилу, описанному выше, выпадает перед *[*L$_3$*]*, а БГ — перед небеглым гласным: *пошлина*, *прошлый*, *пошлый*, *пошляк*, *пришлый*, *прошлый* ((C)CV+CV´C´+*[*L$_3$*]*+VC)[19], в *шёл* БГ сохраняется перед конечным согласным, в *шла*, *шло*, *шли* выпадает перед небеглым гласным (CV´C´+*[*L$_3$*]*+V).

Случаи, когда /e/ в корне сохраняется, можно разбить на два типа: 1) сочетания с суффиксом, начинающимся с БГ (*при+ше+л+ец*), где сохранение /e/ можно объяснить тем, что оно по правилу поведения БГ не выпадает перед слогом с беглым гласным (CCV+CV´*[*D$_4$*]*+*[*L$_3$*]*+V´C); 2) сочетания с суффиксом {ТВ}, где сохранение /e/ можно объяснить тем, что при его выпадении образуется затрудненное для русского языка сочетание согласных: *шес+тв+ij+е*, при выпадении /e/ в этой словоформе образуется кластер **/šstv/* (единственный пример такого сочетания фонем в середине словоформы составляет одна книжная композитная конструкция с морфосочетанием *–ложство*, представленная двумя лексемами МУЖЕЛОЖСТВО и СКОТОЛОЖСТВО, которые большая часть русскоговорящих произносит с /e/, в Большом орфоэпическом словаре ([41]) написание и произнесение словоформ последней лексемы без /e/ признано устаревшим), в начале слова это сочетание невозможно; другим затрудненным кластером, который бы образовался при выпадении БГ в исследуемом корне является /tšl'n/: *от+ше+ль+ник.* Объяснительная сила второй трактовки сохранения БГ здесь нам, однако, представляется слабой, поскольку законы правильно построенного сочетания фонем до сих пор остаются не эксплицированными. Более продуктивным кажется постулирование на месте гласного в исследуемой группе алломорфов чередование двух распределенных относительно морфологического контекста архифонем, одна из которой является беглой, другая — небеглой. Это решение кажется нам тем более убедительным, что таким же морфологически обусловленным является чередование под ударением ['O$_4$] / ['E$_2$] /šól/ vs. /šéstvêe/, /âtšél'nêk/, /šétšəî/. Таким образом, на месте гласной в морфонологическом представлении группы

[19] Штрих при сегменте обозначает его способность чередоваться с нулем.

алломорфов <<ŠED>> мы предлагаем постулировать морфонему *[*E_5*]* со следующими правилами перехода от морфонологической транскрипции к архифонемной:

$XE_5Y \rightarrow XO_4Y \mid Y = +[L_3]+Z\&Z \neq [NI_2\ K_4] \vee [E_4C]$

$\rightarrow XE_2Y \mid Y = [S_1T_1V_1] \vee [L_3]+[NI_2\ K_4] \vee [L_3]+[E_4C] \vee [V_4O_3Š]$.

При переходе от морфонологической записи к архифонемной морфонема *[*E_5*]* преобразуется в смягчающую БГ [O_4] в случае, если в ближайший правый контекст морфемы, содержащей *[*E_5*]*, входит морф с инициалью *[*L_3*]* и не входят ни морф *[*$NI_2\ K_4$*],* ни морф *[*E_4C*]*.

[E_5*]* преобразуется в небеглый смягчающий гласный [E_2] в случае, если в ближайший правый контекст входит морф причастного показателя прошедшего времени *[*$V_4O_3Š$*]* или пустой морф *[*L_3*]* в паре с морфом *[*$NI_2\ K_4$*]* или *[*E_4C*]*.

2. 3. Правила присоединения к алломорфам группы <<ŠED>> префиксов с исходом на согласный

Как отмечает в своей монографии И. Б. Иткин, /о/, который вставляется в определенных случаях между корневой морфемой и префиксом ведет себя как БГ, причем с глагольными корнями его поведением управляет правило Гавлика ([62]), а не «общее правило» выпадения (см. [40, 220]). Ср. *втирать,* но *вотру, вобрать,* но *вберу, оббить,* но *обобью*, т. е. он выпадает перед проясненным БГ, но остается перед выпавшим (по общему правилу БГ проясняется как перед выпавшим, так и перед проясненным гласным этого рода). Видимо, считая, что во всех контекстах в алломорфах группы <<ŠED>> в качестве гласной там выступает беглый, Иткин пишет: «Совершенно особый случай составляют формы с корнем *шед*-. В большинстве из них действует ОП (общее правило — А. Б., А. Ш.), что для стыка приставки и корня является аномалией, ср. (! мфн) *вошел*, *взошел*, *изошел*, *обошел*, *отошел*, *подошел*, *разошелся*, *снизошел*, *сошел*, *сошествие*, но некоторые дериваты морфонологически регулярны, ср. *восшествие*, *происшествие*, *отшельник*, *отшествовать*, *сумасшедший*, *сумасшествие*» ([40, 229 — 230]). Если учесть, что общее правило выпадения – прояснения БГ является более новым по отношению к правилу

Гавлика, становится непонятным, почему вдруг из всех глагольных корней, одна только группа алломорфов <<ŠED>> прогрессивно переходит на новое правило при том, что во всех других отношениях она проявляет удивительный консерватизм (собственно, как и группа алломорфов <<I>>). Нам представляется, что результат действия «общих правил», сформулированных И. Б. Иткиным, в данном случае частично совпал с результатом действия более древних правил, а именно правил запрета на ресиллабацию. Вполне возможно при этом, что это совпадение привело к тому, что, а) возникла интерференция действия двух правил, б) совпадение результатов действия этих правил спровоцировало переход к более новому правилу. Именно этим может объясняться тот факт, что в отличие от алломорфов группы <<I>> с алломорфами группы <<ŠED>> префиксы ведут себя не столь однозначно. В большей части конструкций соблюдается запрет на ресиллабацию и/или «общее правило», в некоторых случаях допускается колебание, в других же наблюдается отмена этого запрета. Рассмотрим с этой точки зрения имеющийся у нас материал.

2. 3. 1. Случаи соблюдения запрета на ресиллабацию

В морфологических конструкциях типа (Pref +) Pref + R + F запрет на ресиллабацию соблюдается всегда, ср. *вошел*, *вошла*, *вошло, вошли*, *взошел*, *взошла*, *взошло*, *взошли*, *изошел*, *изошла*, *изошло*, *изошли*, *обошел*, *обошла*, *обошло*, *обошли, отошел*, *отошла*, *отошло*, *отошли*, *подошел*, *подошла, подошло*, *подошли*, *произошел*, *произошла*, *произошло*, *произошли*, *разошелся*, *разошлась*, *разошлось*, *разошлись*, *сошел*, *сошла*, *сошло*, *сошли* (при *вшил*, *вшила*, *вшило*, *вшили*, *вобрал*, *вбирал* и т. д.). Легко видеть, что результат действия запрета на ресиллабацию в этих примерах совпадает с результатом действия «общего правила» И. Б. Иткина. Правило Гавлика не работает (если бы оно работало, в формах м. р. должна была бы появиться структура CCVC, например, **вшёл*, как во *вшил*).

2. 3. 2. Случаи колебания в соблюдении запрета на ресиллабацию

К формам прошедшего времени, образованным напрямую от группы алломорфов <<ŠED>>, примыкают формы причастия, образованные по схеме (Pref +) Pref + R + Past + F. Большая часть этих форм подчиняется тем же правилам, что и формы прошедшего времени финитного глагола: ВОШЕДШИЙ, ВЗОШЕДШИЙ, ИЗОШЕДШИЙ, ОБО-

ШЕДШИЙ, ОТОШЕДШИЙ, ПОДОШЕДШИЙ, ПРОИЗОШЕДШИЙ, РАЗОШЕДШИЙСЯ, СОШЕДШИЙ. Однако у ряда этих лексем есть дублеты: гораздо более редкая, чем ВЗОШЕДШИЙ, лексема ВОСШЕДШИЙ, тяготеющая к высокому стилю, у ИЗОШЕДШИЙ имеется дублет ИСШЕДШИЙ, а у ПРОИЗОШЕДШИЙ — равноправный дублет ПРОИСШЕДШИЙ, у СОШЕДШИЙ, как отмечают словари, устаревший дублет СШЕДШИЙ, сохранившийся как единственно возможный в идиоме СУМАСШЕДШИЙ, в которой префиксальное /s/ не произносится. Тот факт, что под ударением в контексте после условно мягкой фонемы перед безусловно твердой здесь /e/ не переходит в смягчающее /'o/ однозначно означает, что здесь другая архифонема, нежели в формах прошедшего времени финитного глагола, а именно не чередующееся с /o/ [E_2].

Если принять точку зрения И. Б. Иткина о беглом гласном префикса, получится, что в лексемах причастия прошедшего времени с алломорфами группы <<ŠED>> гласный в корне факультативно признается беглым и факультативно же — небеглым. Кроме того, поскольку, например, в морфосочетании *пред+ста+в+и+ть* и *пред+о+ста+в+и+ть* /o/ различает смысл, мы не можем считать его просто интегральной частью префикса, появляющейся и исчезающей по морфонологическим или даже фонологическим правилам, которые здесь, кстати, невозможно сформулировать. Мы предпочитаем трактовать /o/ как означающее отдельной тематической морфемы, а эти колебания в присутствии или отсутствии /o/ в сочетаниях префиксов с представителями группы алломорфов <<ŠED>> как постепенную утрату запретом на ресиллабацию своей силы.

2. 3. 3. Случаи несоблюдения запрета на ресиллабацию

Полностью освободилась от запрета на ресиллабацию морфологическая конструкция с суффиксом {НИК} — *отшельник*, *отшельница*, *отшельничество*, *отшельничать*. В неидиоматических конструкциях с суффиксом {ТВ} только префикс {С} остался верен старому правилу: *восшествие* (**взошествие*), *исшествие* (*восстание и исшествие из Египта* (Н. И. Бухарин (НКРЯ))), *происшествие* (**произошествие*), *предшествие*, *предшественник*, *предшествовать,* но *сошествие*.

Теперь можно сформулировать контекстные правила взаимодействия префиксов с группой корневых морфов <<ŠED>>:

$XPref_C$ + <<ŠED>>Y ➔ $XPref_C$ + $\{TEM_{Pref}\}$ + <<ŠED>>Y | X ≠ [{C}##{УМ}+{GEN.SG}##] & Y = [{PAST} ∨ $\{PAST_{prtspl}\}$]

➔ $XPref_C$ + <<ŠED>>Y | [X = [{C}##{УМ}+{GEN.SG}##] & [Y = $\{PAST_{prtspl}\}$ ∨ {ТВ}]] ∨ [X = [{ВОЗ} ∨ {ИЗ} ∨ {ОТ} ∨ {PRED}] & [Y = {ТВ}]] ∨ [[X = {ОТ}] & [Y = {Л} + {НИК}]].

При присоединении к представителю группы алломорфов <<ŠED>> префиксов с исходом на согласный к ним присоединяется префиксальный тематический морф $\{TEM_{pref}\}$ при условии, что левый контекст префикса не равен идиоматическому сочетанию *с##ума*, а правый контекст равен морфеме прошедшего времени финитного глагола или причастной морфеме прошедшего времени.

Префиксальный тематический морф $\{TEM_{pref}\}$ не вставляется между префиксом с консонантным ауслаутом и представителем группы алломорфов <<ŠED>> при условии, что левый контекст равен идиоматическому сочетанию *с##ума*, а правый – равен причастному показателю прошедшего времени или деривативному суффиксу {ТВ}, или при условии, если левый контекст равен префиксу {ВОЗ} или {ИЗ} или {ОТ} или {ПРЕД}, а правый контекст содержит суффикс {ТВ}, или при условии, что левый контекст равен префиксу {ОТ}, а правый – содержит идиоматическое сочетание морфем {Л} и {НИК}.

Литература

1. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. «Очерк грамматики русского литературного языка» (Часть 1). М.: Гос. уч.-пед. Изд-во НАРКОМПРОСА РСФСР, 1945.
2. Барсов А. А. «Российская грамматика». М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1981 г.
3. Барулин А. Н. Некоторые теоретические проблемы, возникающие при описании турецкого именного словоизменения // Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему: «Теоретические проблемы восточного языкознания». М. 1977. С. 23 — 27.

4. Барулин А. Н. Модель склонения личных местоимений алюторского языка // Институт русского языка АН СССР. Предварительные публикации. Вып. 107. М. 1978. С. 3 — 8.

5. Барулин А. Н. Некоторые проблемы описания турецкого существительного // Проблемы языков Азии и Африки. М., 1979. С. 16 — 69.

6. Барулин А. Н. О синтаксисе словоформы (на материале турецкого языка) // Тезисы рабочего совещания по морфеме. М., 1980. С. 15 — 19.

7. Барулин А. Н. Место модели словообразования в общей модели языка // Тезисы рабочего совещания по морфеме. М., 1980. С. 9 — 15.

8. Барулин А. Н. К проблеме описания синтаксиса словоформы (на материале турецкого языка) //Теоретические проблемы восточного языкознания. Т. 5. М., 1982.

9. Барулин А. Н. К проблеме построения семантического представления числительных в языках разных систем // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Тезисы докладов и сообщений школы-семинара Телави, 1983. С. 172 — 173.

10. Барулин А. Н. Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы. Канд. дисс. филол. наук. М. 1984.

11. Барулин А. Н. Морфосинтаксические этюды // Тезисы докладов школы-семинара «Семиотические проблемы формализации интеллектуальной деятельности». Кутаиси, 1985. С. 278 — 282.

12. Барулин А. Н. Морфология форм сказуемого с клитической связкой в турецком языке // Историко-культурные контакты народов алтайской общности. XXIX сессия PIAC . М., 1986. С. 137 — 141.

13. К построению интегральной модели языка // Тезисы докладов VIII Международного конгресса «Логика, методология и философия науки». Тезисы. 1987. (См. также «Logic, Methodology and Philosophy of Science VIII». Proceedings

of the eighth International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science, Moscow. 1987. North-Holland-Amsterdam—New York—Oxford—Tokyo 1989, p. 687).

14. Барулин А. Н. К проблеме классификации русских композитов // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар “Боржоми-88”. Тезисы докладов и сообщений. М., 1988. С. 279 — 282.

15. Барулин А. Н. Типы семантико-синтаксической организации словоформы и распределение их по частям речи // Части речи. Теория и типология. М., 1990. С. 51 — 76.

16. Барулин А. Н. О структуре языкового знака // Знак. М., 1994. С. 245 — 251.

17. Барулин А. Н. К построению модели синтеза русских нумеративов (глубинное и поверхностно-семантическое представление) // Московский лингвистический журнал. № 2, 1996. С. 27 — 53.

18. Барулин А. Н. Сверхъестественная морфология // Материалы международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону». М. ,1996. С. 107 — 108

19. Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки. Знаковые системы, коммуникация. Ч. 1. Базовые понятия. Эволюционная теория происхождения языка. Послесловие Ю. С. Степанова. М.: Спорт и культура—2000, 2002.

20. Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки. Знаковые системы, коммуникация. Ч. 2. Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра). М.: Спорт и культура—2000", 2002.

21. Барулин А. Н. К аргументации полигенеза // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 41 — 58.

22. Барулин А. Н. О статусе и семантике так называемого «интерфикса» о/е в русских композитах // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 9, 2017. С. 79 — 93.

23. Барулин А. Н. Русское именное словоизменение А. А. Зализняка и дальнейшие пути развития его идей. Часть 1. // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 10, 2018. С. 19 — 76.

24. Барулин А. Н., Айхенвальд А. Ю. К грамматике синтеза форм слова //Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. М., 1988. С. 36 — 44.

25. Барулин А. Н., Кононов А. Н. Теоретические проблемы турецкой грамматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. М., 1987. С. 5 — 36.

26. Белошапкова В. А. (ред.) Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989.

27. Бидер И. Г., Большаков И. А., Еськова Н. А. Формальная модель русской морфологии // Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 111. М., 1978.

28. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

29. Буслаев Ф. И. Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора. М., 1896.

30. Востоков А. Х. Русская грамматика. С.-Пб., 1831.

31. Грамматика русского языка. Ч. 1. М.: Изд-во академии наук СССР, 1960.

32. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.

33. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 1496 с.

34. Еськова Н. А. Избранные работы по русистике. Фонология. Морфонология. Морфология. Лексикология. Орфография. М.: Языки славянских культур, 2011.

35. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980.

36. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

37. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.

38. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

39. Исаченко А. В. 39. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава: Издательство Словацкой академии наук. 1960.

40. Иткин И. Б. Русская морфонология. М.: Гнозис, 2007.

41. Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018.

42. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.

43. Кукушкина О. В. Морфонология современного русского литературного языка. М.: Изд-во Московского университета, 2016 // https://www.academia.edu/22442912/Морфонология_современного_русского_литературного_языка.

44. Майская С. Несклоняемые существительные с исходом на гласный в русском словообразовании // Доклады Международной конференции «Диалог 2003». М., 2003 // http://www.dialog-21.ru/media/2664/majskaja.pdf.

45. Мейе А. Общеславянский язык. М.: Прогресс, 2001.

46. Мельчук И. А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики, 1971. М.: Наука, 1972. С. 396 — 438.

47. Мельчук И. А. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) // Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: ВИНИТИ. 1975. С. 5 — 50.

48. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена: Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14. 1984.

49. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 1. Москва — Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, Издательская группа «Прогресс», 1997.

50. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 4. Москва — Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, 2001.

51. Павский Г. П. Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка. Первое разсужденіе. С.-Пб., 1841.

52. Павский Г. П. Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка. Третье разсужденіе. О глаголе. С.-Пб., 1842.

53. Реформатский А. А. К вопросу о фоно-морфологической делимитации слова // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. С. 90 — 104.

54. Словарь древнерусского языка XI — XIV в.в. Т. 4. М.: Русский язык, 1991.

55. Толстая С. М. К сопоставительному изучению славянских языков на уровне морфонологии: глагольные основы в польском и русском языках // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М.: Наука, 1994. С. 232 — 240.

56. Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

57. Трубецкой Н. С. Морфонологическая система русского языка // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987.

58. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М., 1986 — 1987.

59. Чикобава А. С. Несколько замечаний об эргативной конструкции // «Эргативная конструкция предложения». М.: Изд-во Иностранной литературы, 1950.

60. Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М., 1973.

61. Якобсон Р. О. Русское спряжение // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 198 — 209.

62. Havlík A. K otázce jerové v staré češtině // Listy filologické. 1889. Roč. 16.

О. А. Гулыга (Институт языкознания РАН)

O. A. Gulyga (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

О лингвистической полифонии в семантике (на материале русского и французского языков)

On linguistic polyphony in semantics of Russian and French

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые типы лингвистической полифонии — совмещения в рамках одного высказывания или связного текстового фрагмента смыслов, восходящих к разным источникам. На материале русского и французского языков представлены типы полифонических контекстов, таких как логические, аргументативные, дискурсивные, дейктические.

The article deals with types of linguistic polyphony in Russian and French. Contexts combining various points of view from different sources in the same coherent text fragment are being discussed.

Ключевые слова

Полифония, говорящий, автор высказывания, дискурсивные слова, дейксис, точка зрения.

Polyphony, speaker, enunciator, connectors, deixis, perspective, point of view.

1. Введение. О понятии лингвистической полифонии.

В кратком введении мы будем опираться на работы французских и русских лингвистов. Теория полифонии начала применяться к материалу естественных языков во второй половине XX века. Ряд принципов лингвистической полифонии сформулировал Освальд Дюкро в главе VIII своей книги [8, 171 — 233]: “Esquisse d’une théorie polyphonique de l’énonciation”, «Очерк теории полифонии в приложении к анализу выска-

зывания». О. Дюкро ставит своей целью оспорить представление о том, что у каждого высказывания есть ровно один источник, и в каждом высказывании слышен только один голос. Теория полифонии изначально создавалась для обоснования одновременного присутствия в плане содержания высказывания множественных голосов и точек зрения.

Термины *полифония*, *полифоничность*, *полифонический роман*, *диалогичность* широко использовались русским философом М. М. Бахтиным. Идеи М. М. Бахтина были популярны во Франции, где его пропагандировали французские философы и теоретики структурализма в литературоведении Цветан Тодоров и Юлия Кристева.

В ходе подробного анализа концепта полифонии в поэтике Ф. М. Достоевского М. М. Бахтин писал: «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основною особенностью романов Достоевского. Не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развёртывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события» [1, 10].

Освальд Дюкро в своих ранних работах, посвящённых полифонии, упоминает М. М. Бахтина [8, 171, цит. по 7, 274] следующим образом: “La notion de polyphonie a été utilisée par Bakhtine pour qualifier une catégorie de romans, ceux de Dostoïevsky p.ex., où coexistent une pluralité de modes narratifs différents, et qui donnent au lecteur l’impression qie plusieurs narrateurs s’adressent à la fois à lui”, ‘Понятие полифонии использовалось Бахтиным для анализа романов, в том числе романов Достоевского, где сосуществовали множественные повествовательные линии, так что у читателя складывалось впечатление, что к нему обращаются одновременно несколько рассказчиков' (перевод мой — О.Г.). М. М. Бахтин исследовал большие прозаические произведения, т.е. применял свою теорию к тексту, тогда как О. Дюкро начал работу над своей теорией с анализа высказываний: “C’est l’objet propre d’une conception polyphonique du sens que de montrer comment l’énoncé signale, dans son énonciation, la superposition de plusieurs voix” [8, 183], ‘Мы исследуем семантику в терминах полифонии, чтобы показать, каким образом разные голоса совмеща-

ются в рамках одного высказывания'. В более поздних работах Освальд Дюкро обращается к текстовым фрагментам, включающим более одного высказывания. Ниже мы рассмотрим примеры применения понятия полифонии к описанию разных аспектов семантики.

2. Логические аспекты полифонии.

В работе [9, 22] Дюкро вводит в рассмотрение фигуру скрытого плана, отличную от говорящего (locuteur), которую он называет énonciateur, буквально 'высказывающий'. В отечественной лингвистике так называемому *высказывающему* соответствует термин *автор высказывания* [4]. Соглашаясь, что термин 'высказывающий' способен ввести в заблуждение, автор тем не менее использует его для следующих целей. Высказывающий — это носитель ментальных свойств, таких как память, знание, мнение, способность суждения. Ментальные свойства О. Дюкро называет обобщающим словосочетанием "pdv, point de vue", 'точка зрения'. Говорящий, locuteur, может в своём высказывании соглашаться или не соглашаться с носителем pdv, может усваивать его точку зрения как свою собственную. Точек зрения на скрытом плане высказывания может быть более одной, они обозначаются pdv1, pdv2 и т.п. Оформление точки зрения как чужой с помощью языковых средств и создаёт эффект полифонии.

Рассмотрим следующий пример [9, 21]. На первый взгляд он кажется тривиальным, но он показывает, как отличается представление говорящим фрагмента информации как происходящего из постороннего источника в отличие от получения его из собственного опыта. Пример показывает, каким образом два французских союза *car* — 'так как, потому что' и *puisque* — 'если, раз, поскольку', способны отражать источник информации, т.е. pdv. В первом диалоге носителем источника информации является говорящий X, говорящий Y в момент речи полагается на него. В диалоге B говорящий Y получает информацию из собственного опыта. Различие в источниках информации отражается в употреблении разных союзов: *puisque* в случае A, где информация не получена из непосредственного опыта, и car в случае B, где говорящий Y лично убеждается в происходящем.

Отметим, что русские эквиваленты могут только частично передать семантику этих союзов.

Dialogue A: *X (qui a regardé à la fenêtre) : Il pleut. Y : Eh bien, restons à travailler* ***puisque*** (**car*) *il pleut*. ‘Диалог A: X (глядя в окно): Дождь идёт. Y: Ну, **если**/**раз**/*так как дождь, так давай ещё поработаем здесь’.

Dialogue B: *X* (*qui a regardé à la fenêtre*)*: Il pleut. Y (qui a, lui aussi, regardé) : Eh bien, Restons à travailler* ***car****, tu as raison /comme tu l'as dit/, il pleut* ‘X (глядя в окно): ‘Дождь идёт. Y: (подходя и тоже глядя в окно) Ну, давай ещё поработаем здесь, **так как** ты был прав, дождь идёт’. Союзы *puisque* и *car* являются лексико-синтаксическими показателями эвиденциальности, или заглазности, категории, которая отражает источник получения сведений о событии — личный опыт или сообщение другого человека. В ряде языков эвиденциальность является грамматической категорией.

Следующий пример касается дифференцированного отношения говорящего к чужим точкам зрения [11, 21—22]. В рамках одного и того же речевого акта говорящий может оформлять одни точки зрения, восходящие к другому говорящему, как свои, а от других отказываться. Итак, две подруги обсуждают, куда поехать кататься на лыжах. Одна из них, L1, предлагает Францию, т.к. там хорошие трассы. Вторая, L2, соглашаясь с L по поводу хороших трасс во Франции, говорит: “*Certes la France a de bonnes pistes...*”, ‘Конечно, во Франции хорошие трассы…’, но потом после союза *mais* — ‘но’ следуют причины, по которым во Францию ехать не нужно. Как видим, L2 согласна с с L1 в том (pdv1), что во Франции хорошие трассы и в том (pdv2), что поэтому можно выбрать Францию, но отказывается от pdv3, согласно которой хорошие трассы являются достаточным аргументом для того, чтобы отправиться Францию на каникулы.

3. Полифоничность ментальных предикатов.

Глаголы с валентностью «содержание», например, глаголы речи, воли, знания, мнения, дедукции, восприятия несут в себе полифоническую составляющую в том случае, если данная валентность заполнена придаточным предложением. В работе [10, 219], написанной на французском материале, утверждается, что подчинительный союз *que*,

присоединяющий придаточное изъяснительное, маркирует границу между разными ментальными образами:

(3) *Je sais qu'il vient* — 'Я знаю, что он придёт' описывает ментальное состояние говорящего (*знание*) и независимое от говорящего положение дел (*он придёт*). Глагол *знать* является фактивным, что отражается индикативом глагола в придаточном предложении. С другой стороны, глагол *хотеть*, будучи нефактивным, присоединяет придаточное со сказуемым в сюбжонктиве:

(4) *Je veux qu'il vienne* 'Я хочу, чтобы он пришёл'. Сюбжонктив маркирует два возможных положения дел: Он может прийти / Он может не прийти, что добавляет ещё один ментальный образ в данную полифоническую конструкцию.

Ментальные предикаты особенным образом ведут себя в сочетании с т.е. недескриптивными лексическими единицами. Лексическая единица является недескриптивной, если её функция — это либо реализовывать перформативный речевой акт, либо не информировать, а сигнализировать о чём-либо [4, 84]. Например, таким является дискурсивное слово *пожалуй*: 'говорящий после размышлений в процессе осуществления речевого акта решил, что P' [2, 631]:

(5) *Конечно, отец выпивал. Пожалуй, не больше, чем другие. Но как-то заметнее. Короче, его считали пьяницей, и зря* (Сергей Довлатов. Наши (1983), НКРЯ).

В приведённом примере мы видим, что в речевом режиме субъектом мнения, выражаемого в высказывании со словом *пожалуй*, является говорящий. При переходе в нарративный режим, когда субъектом мнения является персонаж, *пожалуй* может выступать только в сочетании с ментальными глаголами:

(6) **Он, пожалуй, зайдёт завтра* — здесь ментального глагола нет, предложение аномально.

(7) *Сам он не помнил, пожалуй, ни одного стихотворения наизусть — так, отдельные четверостишия* (Юрий Трифонов. Обмен. 1983), НКРЯ).

В (7) ментальный глагол *помнить* делает возможным употребление дискурсивного слова *пожалуй*, несмотря на то, что для *пожалуй* требуется речевой режим, поскольку

мнение формируется в момент речи. Сочетание ‘ментальный глагол + недескриптивная лексическая единица’ создают полифонический эффект, т.к. одновременно звучит описание прошлого и голос персонажа в момент речи. Случаи сочетания недескриптивных лексем и нарративного режима соотносятся с несобственно прямой речью, которая представляет собой прием изложения, когда речь персонажа внешне передается в виде авторской речи, не отличаясь от нее ни синтаксически, ни пунктуационно [6]. Этим приёмом часто пользовался А. С. Пушкин, ср. «*Гости шептались между собою, исправник казался в дураках, француза не нашли.* ***Вероятно, он успел скрыться, быв предупреждён. Но кем и как?*** *Это оставалось тайною*» (А. С. Пушкин «Дубровский») (вставленная в повествование речь или внутренняя речь участников ситуации выделена жирным шрифтом).

4. Текстовый коннектор *en effet* как полифонический элемент.

Французская лексема *en effet*, не имеющая точного эквивалента в русском (примерно *действительно так*, *это точно*), в одном из значений является перформативным выражением, ср. [4, 98]. Примеры из данной работы:

(8) *Pierre est déjà à Paris.* — *En effet.* ‘Пьер уже в Париже. — Да, это точно’.

С помощью *en effet* говорящий L1 осуществляет речевой акт подтверждения, а именно, подтверждает какое-то утверждение другого говорящего L2, заявляя, что оно истинно, потому что независимо от этого утверждения L 1 уже заранее считает или знает, что данный факт имел место. Ещё примеры:

(9) *Va tout du suite au magazin* — *En effet, Il n’y a plus de pain* ‘Иди быстрей в магазин. — Да, действительно, хлеба ведь нет’.

(10) “*Star-Track” est déjà à l’affiche au Rialto?* — *En effet. Je l’y est vu.* ‘Стар трек» уже идёт в кино? — Ну, да, точно. Я его там видел’.

En effet является типичным перформативным текстовым коннектором, тесно связанным с речевым актом; эта лексическая единица не употребляется в придаточном предложении (другими словами, не участвует в гипотаксисной проекции), ср. (11):

(11) *Répondant à la question de Marie, qui voulait savoir s'il avait été hier au bureau, Jean a dit *qu'en effet/que oui/que non*. 'Отвечая на вопрос Мари, которая хотела знать, был ли он вчера на работе, Жан сказал, *что в самом деле/что да/что нет' (пример из [4,: 98].

Полифоничность этого показателя, на наш взгляд, связана с тем, что он вступает в действие, когда нужно соположить текущее сознание одного говорящего и предшествующий жизненный опыт другого.

5. Полифония в дейксисе.

Дейксис, или дейктические средства языка, соотносят участников события с параметрами речевого акта [5, 110]. В работе [3] Е. Р. Иоанесян разбирает случаи описания движения относительно двух разных точек отсчёта в одном связном текстовом фрагменте:

(12) *Il a dit à papa de venir. Papa y est allé* (Simenon) Он велел папе прийти. Папа пошёл [3, 43]. В первом предложении использован глагол *venir* — 'приходить, приближаясь к говорящему или к недейктическому ориентиру', точкой отсчёта служит недейктический ориентир *il* — 'он'. Во втором предложении видим глагол *aller* — 'уходить, удаляясь от говорящего или недейктического ориентира', причём точкой отсчёта является говорящий.

Кратко очерченные нами элементы и отношения, в которых наблюдается одновременное проявление разных действующих сил, относятся к таким компонентам языка как внешнеситуативный, дискурсивный, дейктический, логический. Мы уверены, что дальнейшее изучение полифонии во всех компонентах языка, построение сравнительной типологии полифонических элементов приблизит нас к более точному представлению о неоднородных зонах семантики.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М. М. Собрание сочинений, т. 6. М.: Русские словари. Языки русской культуры, 2002.

2. Зализняк Анна А., Падучева Е. В. Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: *пожалуй*, *никак*, *все-таки* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 3. С. 628—652.

3. Иоанесян Е. Р. Противоречивость и точка отсчёта. // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 33—45.

4. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Текстовые коннекторы в разных языках: французское *en effet* VS русское *в самом деле* // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002. С. 68—115.

5. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2005.

6. Литературный энциклопедический словарь. М.: Издательство Советской энциклопедии, 1987 // http:// biblioclub. ru/?page =dict&dict_id=74.

7. Dendale, Patrick & Coltier, Danielle. Eléments de comparaison de trois théories linguistiques de la polyphonie et du dialogisme // Laurent Perrin (ed.). Le sens et ses voix. Dialogism et polyphonie en langue et en discours. Recherches linguistiques, 28. Université de Metz, January 2006, pp. 271—299 // https:// www.researchgate.net/profile /Patrick_Dendale /publication/276277754_Elements_de_comparason_de_trois_theories_linguistiques_de_la_polyphonie_et_du_ dialogisme/links / 5555047 a08ae980ca60ad695/Elements-de-comparaison-de-trois-theories-linguistiques-de-la-polyphonie-et-du-dialogisme.pdf?origin=publication_list.

8. Ducrot, Oswald. Le Dire et le Dit. Paris: Editions de Minuit, 1984.

9. Ducrot, Oswald. Quelques raisons de distinguer “locuteurs” et “énonceateurs” / Polyphonie — linguistique et littéraire. 2001, №3. P. 19—41.

10. Fernández, Maria Luisa Donaire. Dire que pour ne pas dire // Emilia Alonso et al (eds.). La linguïstica francesa: gramática, historia, epistemoligía. Tomo 1. Sevilla, 1996. P. 215—223 //https://dialnet.unirioja.es/servlet/autor?codigo=139957.

11. Fløttum, Kjersti. Note sur la problématique des niveaux de l'analyse polyphonique — de la phrase au texte // Polyphonie — linguistique et littéraire, Samsfundslitteratur Roskilde, 2001, № 1. P. 19—31.

П. С. Дронов (Институт языкознания РАН)

P. S. Dronov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Движение от экспериенцера: об одной ориентационной метафоре в славянской, германской и кельтской фразеологии[1]

Moving away from experiencer: on one orientation metaphor in Slavic, Germanic, and Celtic phraseology

Аннотация

Статья посвящена одной из ориентационных метафор во фразеологии славянских, германских и кельтских языков. На материале словарей и корпусов русского, сербского, английского, немецкого и ирландского языков рассматриваются идиомы, основанные на метафоре ДВИЖЕНИЯ ОТ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА. Образная составляющая этих идиом и форма идиом имеют известное сходство, так что можно говорить об универсальных когнитивных моделях и «фразеообразовательных гнездах». Национально-культурная специфика проявляется на уровне образной составляющей, актуального значения, коннотаций, однако это не отрицает универсальности базового уровня фразеообразования.

The paper deals with one of the orientation metaphors in Slavic, Germanic, and Celtic phraseology. Based on Russian, Serbian, English, German, and Irish dictionaries and corpora, the paper discusses idioms based on the MOVING AWAY FROM THE EXPERIENCER metaphor. The images and forms of the idioms reveal a great deal of similarity, sharing universal cognitive models. The idioms in question may be grouped into “idiom-formation clusters” akin to those in word formation. Although cultural specificity may appear in their images, figurative meanings, and connotations, this does not deny the universal nature of the basic level of idiom formation.

Ключевые слова

[1] Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект №18-012-00335А) в Институте языкознания РАН.

Фразеология, ориентационные метафоры, метафорические модели, фразеообразовательные гнезда, славянские языки, германские языки, кельтские языки

Phraseology, orientation metaphors, metaphorical models, idiom-formation clusters, Slavic languages, Germanic languages, Celtic languages

Как известно, ориентационные метафоры (например, СОЗНАТЕЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО ВНИЗ [4, 35]) широко представлены во фразеологии. В сущности, к пространству и положению в нем, к телу или к жесту можно свести всю фразеологию, поскольку в образной составляющей идиом, как правило, заложен субъект, производящий некое движение в некоем пространстве; ср. также использование пространственных метафор для описания времени [5] и асимметрию метафор ДВИЖУЩЕЕСЯ ВРЕМЯ vs. ДВИЖУЩЕЕСЯ «Я» (Moving Time vs. Moving Ego) в [6].

В настоящей работе рассматриваются метафоры, связанные с направлением движения от экспериенцера в славянских (на примере русского и сербского), германских (на примере английского и немецкого) и кельтских (на примере ирландского) языках. Материалом для анализа послужили данные словарей [АСРФ; РМС; СОВРЯ; Тезаурус; ФСРЛЯ; Collins COBUILD; Duden 11; FGB; GI] и корпусов [НКРЯ; DeReKo; DWDS; GAOIS; KSSJ-MF]. Следует отметить, что экспериенцер в норме представлен как некто, находящийся внутри контейнера: *в своем уме*, *в здравом уме и твердой памяти*. Отклонение от нормы — необычная ситуация, неспособность ее изменить, измененное состояние сознания, обусловленное внешним воздействием или особенностями организма, — определяется как нахождение вне контейнера: рус. *не в своей тарелке*, *не в своем уме*; англ. *be out of / beyond one's depth* — 'находиться в нестандартной ситуации без возможности ее объяснить или на нее повлиять'; *be out of one's mind/head/sense* — 'быть сумасшедшим' и ее контекстуальный синоним *be out of one's own box* — 'находиться в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; быть сумасшедшим'; ср. также *think outside the box*

— ‘мыслить нестандартно’). Образная схема (image schema по М. Джонсону [7]) КОНТЕЙНЕРА, в частности, используется для описания эмоций — состояний и отношений — и интеллектуальной деятельности в следующих идиомах: *не лезть за словом в карман*; *таить в себе злобу*; *держать камень за пазухой*; *полезть в бутылку*; *спрятать / засунуть своё* (*что-л.*) *подальше*.

Можно выделить следующие модели: ЗАБЫВАНИЕ КАК ДВИЖЕНИЕ ИЗ КОНТЕЙНЕРА, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИЗВЛЕЧЕНИЕ ЧЕГО-Л. ИЗ КОНТЕЙНЕРА, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИЗВЛЕЧЕНИЕ ЧЕГО-Л. ИЗ КОНТЕЙНЕРА, ЭМОЦИИ-СОСТОЯНИЯ КАК ИЗВЛЕЧЕНИЕ ЧЕГО-Л. КАК КОНТЕЙНЕРА, ЭМОЦИИ-ОТНОШЕНИЯ КАК ДВИЖЕНИЕ ОТ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА, ЖЕЛАНИЕ КАК ДВИЖЕНИЕ ОТ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА.

Модель ЗАБЫВАНИЕ КАК ДВИЖЕНИЕ ИЗ КОНТЕЙНЕРА представлена в следующих идиомах:

рус. *выбросить/выкинуть что-л. из головы*; сербск. *избацити из главе некога/нешто / izbaciti iz glave nekoga/nešto*; англ. *put sth. out of one’s head*; нем. *aus dem Kopf bekommen/kriegen (etw./jmdn.*), *sich* (*D*) *aus dem Kopf schlagen* (*jmdn.*); ирл. *d’imigh sé as mo cheann* / *chaith mé as mo cheann é* (букв. ‘вышло это из моей головы; потерял я из моей головы это’).

По этой же модели, но с отрицанием, строятся идиомы, означающие запоминание, ср.: *не выходить из головы*, *nicht* (*mehr*) *aus dem Kopf gehen wollen*:

1. Das Lied jedenfalls *will mir nicht aus dem Kopf gehen*. Und ich bin seit Tagen verzweifelt auf der Suche nach der CD — ergebnislos (‘Эта песня никак не идёт у меня из головы. И вот уже много дней я тщетно пытаюсь купить диск с ней’) [Braunschweiger Zeitung, 20.06.2006; DeReKo].

Модель ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИЗВЛЕЧЕНИЕ ЧЕГО-Л. ИЗ КОНТЕЙНЕРА встречается в следующих идиомах:

рус. *выдумать* (*что-л.*) *из головы*; сербск. *измислити нешто из главе / izmisliti nešto iz glave*; нем. *aus dem Kopf wissen* (*etw.*) ‘знать что-л. наизусть’.

Рус. *выдумать из головы* в единичных примерах может менять компонентный состав с сохранением исходной метафоры, ср. контекст из газетного подкорпуса [НКРЯ]:

Вы, конечно, во всем этом глубинный смысл ищете, думаете, что я, как говорит моя соседка, «по ходу сказон из головы людям задвинула». Но нет. Вот буквально святая правда, прямо с огорода—на стол [Наталия ГРАЧЕВА. Пчелы и демократия // Комсомольская правда, 2013.06.29; НКРЯ].

Здесь глагольный компонент идиомы заменен на квазисиноним: *из головы… задвинуть*.

Немецкая идиома *aus dem Kopf bekommen / schlagen* употребляется в подобном значении:

2. **a.** *Das Malen ist eine schöne Gelegenheit, alle Gedanken aus dem Kopf zu bekommen und zu entspannen* (‘Рисование даёт замечательную возможность выбросить из головы все мысли и расслабиться’) [Nach: Rhein-Zeitung, 15.04.2009; DeReKo]. **b.** Architekt wollte Tom einst werden, das *hat er sich* jedoch längst *aus dem Kopf geschlagen* (‘Том когда-то мечтал стать архитектором, но он давно выбросил эту идею из головы’) [Mannheimer Morgen, 24.10.2009; DeReKo].

Aus dem Kopf wissen также сочетается с глаголами речевой деятельности, ср. *aus dem Kopf nennen* ‘назвать по памяти’:

3. Gerade einmal jeder zweite Handynutzer (55 Prozent) weiß die Nummer seines Mobiltelefons auswendig. <…> Ihre klassische Festnetznummer können dagegen fast alle *aus dem Kopf nennen* (‘Только каждый второй владелец мобильного телефона (55 процентов) знает свой номер наизусть. А назвать номер своего стационарного телефона по памяти могут почти все’) [Nürnberger Nachrichten, 29.10.2010; DeReKo].

В русском материале фиксируются единичные случаи употребления *из головы* в том же значении ‘наизусть’ (пример из газетного подкорпуса [НКРЯ]):

4. *Главная героиня «Революции», 17-летняя Анди Альперс, разумеется, умница-красавица, да еще и талантливый музыкант, способная «из головы» сыграть на своей гитаре что угодно, от Баха до Лу Хукера. А ее идеал — Дэвид Гилмор, умеющий пере-*

дать бесконечную тоску четырьмя нотами [Михаил Визель. «Революция» для молодых взрослых проходит бескровно // Известия, 2014.02.07; НКРЯ].

Нужно отметить, что у *aus dem Kopf nennen* и *«из головы» сыграть*, помимо общего значения ‘знать наизусть’, есть семантический компонент ‘отсутствие предварительной подготовки; спонтанность’.

Модель РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИЗВЛЕЧЕНИЕ ЧЕГО-Л. ИЗ КОНТЕЙНЕРА представлена в рус. *слова* [*клещами*] *не вытянешь/вытащишь* (*из кого-л.*), *что-л. у кого-л. с языка снять*. Похожую образную составляющую можно увидеть также в рус. *за язык не тянуть* (*кого-л.*), сербск. *повући / потегнути кога за језик* / *povući / potegnuti koga za jezik* ‘заставить кого-л. говорить (в том числе против его воли)’ (букв. ‘потянуть кого-л. за язык’); нем. *jemandem das Wort aus dem Munde/von der Zunge nehmen* ‘опередить кого-л., сказав то, что он хотел сказать сам’ (в данном случае возможно варьирование, в результате которого незначительно меняется образная составляющая), англ. *get the words out of sb’s mouth* с тем же значением. Кроме того, представлена модель РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСЬ КАК ДВИЖЕНИЕ С ПОВЕРХНОСТИ: рус. (*что-л. у кого-л.*) *с языка снять*.

Очевидно, принуждение к речевой деятельности понимается как насильственное вытягивание из ротовой полости органа, ответственного за артикуляцию. В целом, для идиом, обозначающих речевую деятельность, характерны пространственные метафоры и номинации кинем (движений), основанные на манипуляциях с языком или со словом (в значении ‘речевая деятельность’): рус. *развязать кому-л. язык*, *прикусить язык*, сербск. *ухватити кога за р(ij)еч / uhvatiti koga za r(ij)eč* — ‘искусно использовать сказанное кем-л.’ (букв. ‘схватить кого-л. за слово’, ср. рус. *ловить кого-л. на слове*, *угристи се / ујести се за језик / ugristi se / ujesti se za jezik* — ‘замолчать, чтобы не сказать лишнего; сказать что-л. и немедленно пожалеть об этом’ (‘укусить за язык’, ср. *прикусить язык*), *узети кога на језик* / *uzeti koga na jezik* — ‘оклеветать кого-л.’ (‘взять кого-л. на язык’); нем. *jmdm.*

das Wort im Munde [her]umdrehen — ‘намеренно исказить сказанное кем-л.’ (‘перевернуть слово у кого-л. во рту’).

Рус. *слова* [*клещами*] *не вытянешь / вытащишь* (*из кого-л.*) характеризуется очень широким варьированием формы. При этом замена компонентов не влияет на образную составляющую, в которой нежелание разговаривать на какую-то тему воспринимается как невозможность извлечь наружу сущность, воспринимаемую как речевая деятельность (5).

5. **a.** *Из нее слова живого не вытянешь, лишний раз улыбки не дождешься* [Улья Нова. Инка (2004); НКРЯ]. **b.** *Вот сколько помню своих дедов (отчимов моих мамы и папы, родные погибли) они никогда не радовались новым памятникам войне, и о войне наотрез отказывались рассказывать, клещами слово не вытащишь, хотя у обоих «иконостас» на груди не из «юбилеек» был* [коллективный. Форум: Смольный хочет поговорить о месте Александра III (2012); НКРЯ].

Представлена также модель ЭМОЦИИ-СОСТОЯНИЯ КАК ИЗВЛЕЧЕНИЕ ЧЕГО-Л. КАК КОНТЕЙНЕРА. Под эмоциями-состояниями мы понимаем, например, гнев, желание / стремление (в противовес т.н. эмоциям-отношениям; ср. различные таксоны в [СОВРЯ]: ЧУВСТВА—СОСТОЯНИЯ и ЧУВСТВА—ОТНОШЕНИЯ). Данная модель выявлена в таких идиомах, как рус. *выходить из себя*, *выводить из себя* (*кого-л.*), *вытягивать / выматывать душу* (*из кого-л.*), *из кожи вон лезть*; сербск. и хорв. *искочити из сопствене коже / iskočiti iz sopstvene/vlastite kože* — ‘стремиться к чему-л., стараться сделать или получить что-л.’. Рус. *из кожи вон лезть / вылезать / вылезти* преимущественно употребляется в инвертированной форме (85 примеров в основном корпусе [НКРЯ], 118 — в газетном подкорпусе), хотя можно встретить и прямой порядок слов: *лезть из кожи вон* (42/56 примеров). В двух примерах *из кожи вон* употреблено вообще без глагольного компонента, причем в одном («В круге первом» А. И. Солженицына) оно использовано в качестве пояснения слова с той же семантикой (*Но какие б они старательные ни были, из кожи вон, — а никто не напишет так умно, так сердечно, так верно о твоих делах, о*

твоём руководстве, о твоих качествах, как ты сам), а во втором подвергается двойной актуализации:

6. Кто из вас,

из сёл

из кожи вон,

из штолен

не шагнет вперед? [В. В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин].

Как отмечает Г. О. Винокур, «Последний пример интересен тем, что буквальное толкование слов *из кожи вон* здесь выражено и грамматически, именно — параллельными конструкциями с предлогом *из*: *из сёл*, *из кожи*, *из штолен*» [1, с. 382].

Обнаруживается конверсивная пара: *выходить из себя — выводить из себя* ‘лишать самообладания, душевного равновесия (говорится с неодобрением)’ [СОВ]. Идиомы типа *выходить из себя* содержат семантический компонент инхоативности (начала перехода в некое состояние), напрямую связанный с описанной выше метафорой нахождения вне контейнера. Ср. описания состояния гнева (в германских языках также страха): *быть вне себя*, *бити ван / изван себе / biti van / izvan sebe*, *be beyond oneself with anger/rage/fear*, *außer sich (Dat) vor Wut/Angst sein*. Данные идиомы можно назвать симптоматическими по аналогии с симптоматической лексикой, описывающей реакцию человека на эмоцию или состояние человека, находящегося во власти этой эмоции [3, с. 38]. При этом *вне себя* допускает заполнение валентности предложной группой *от чего-л.*, поэтому можно говорить о фразеосхеме *вне себя от X* (7):

7. **а.** — *Ах, здравствуй, Чернушка! — вскричал он вне себя* <u>*от радости*</u> [Антоний Погорельский. Черная курица (1829); НКРЯ]. **б.** — *Я просто вне себя* <u>*от восторга,*</u> *— сказал он, — видеть в этих мрачных стенах такую очаровательную женщину, слушать её!* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978); НКРЯ]. **в.** *Повинуясь Коневу — тот был вне себя* <u>*от нетерпения*</u> *— генерал размашисто рвал карту красным карандашом* [Илья Бояшов. Танкист, или «Белый тигр» (2008); НКРЯ].

Ср. аналогичную фразеосхему в сербском материале — *ван себе од X / van sebe od X* (8):

8. **a.** *Njene dve bratanice bile* su *van sebe od radosti*. (‘Две ее племянницы были вне себя от радости’) [Stendal. Parmski Kartuzijanski manastir. Beograd : Prosveta, 1966. Prevod: Dušan Đokić; KSSJ-MF]. **b.** <…> *i on i njegovi drugovi obično su priređivali pijanke do zore, urlajući uz gusle, van sebe od rečitosti i snage*. (‘И он, и его приятели обычно пьянствовали до утра, завывая под гусле [однострунный смычковый инструмент, распространенный на Балканах], вне себя от красноречия и силы’) [Crnjanski, Miloš. Seobe. Antologija srpske književnosti, Učiteljski fakultet; KSSJ-MF].

Любопытно, что пример (8a) взят из перевода «Пармской обители» Стендаля (Глава 2): *Ses deux nièces étaient folles de joie* — ‘Обе ее племянницы себя не помнили от радости’ (буквально ‘были безумны от радости’»). Соответственно, *van sebe od radosti* выступает в качестве функционального эквивалента коллокации *folles de joie*.

Немецким аналогом этой фразеосхемы является *außer sich (Dat) vor Wut/Angst sein* (‘вне себя от безумия / страха’):

9. *Außer sich vor Wut reist er nach Verriéres, findet seine ehemalige Geliebte in der Kirche und feuert zwei Schüsse auf sie ab* (‘Вне себя от безумия, он едет в Верьер, находит в церкви свою бывшую возлюбленную и дважды стреляет в нее’) [Schwanitz, Dietrich: Bildung, Frankfurt a. M.: Eichborn 1999, S. 244; DWDS].

Любое нарушение душевного равновесия, вне зависимости от причины (по умолчанию — негативных эмоций; положительные эмоции требуют пояснения путем ввода предложной группы наподобие *от радости*), понимается как нахождение «вне себя». По-видимому, то же самое можно сказать об аналогах *вне себя* в других языках: так, в итальянском словаре «Вокаболарио Треккани» *fuori di sé* — ‘вне себя’ используется в толковании прилагательного *pazzo* — ‘сумасшедший’ как компонента коллокаций *diventare pazzo per il dolore / la diesperazione…* — ‘обезуметь от горя / отчаяния’ [Vocabolario Treccani 2013]. По этой причине *быть вне себя* и *выходить / выводить из себя* можно назвать

идиомами со встроенной эмоцией (ср. симптоматическую лексику со встроенной эмоцией [3, с. 40]).

Ср. также *не в себе* (с возможностью вопросительного употребления: *в себе?*), обозначающее интеллектуальную деятельность.

Во всех рассмотренных языках представлены идиомы, в плане содержания которых есть указание на то, что говорящий не желает общаться с адресатом, а в плане выражения — соматические компоненты (органы чувств). Эту модель можно назвать ЭМОЦИИ-ОТНОШЕНИЯ КАК ДВИЖЕНИЕ ОТ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА: рус. *уйди* [*вон/прочь*] *с глаз моих*; *с глаз долой* [*— из сердца вон*]; англ. *get out of my sight*, *out of sight, out of mind*), нем. *geh mir aus den Augen!*; *aus dem Auge, aus dem Sinn*; ирл. *imigh as mo radharc*. В английской и ирландской идиомах употреблены именные компоненты со значением ‘зрение’ (*sight*, *radharc*).

В сущности, идиомы этой модели являются частным случаем более общего явления — группы идиом, основанных на метонимическом переносе («глаза» как «способность видеть»), ср.: *убрать что-л. с глаз долой — исчезнуть с глаз долой — попадаться кому-л. на глаза*; *to be in sight — to be out of sight* (‘в поле зрения’ vs. ‘вне поля зрения’); *jmdm. aus den Augen gehen — jmdm. unter die Augen kommen* (‘из глаз’ vs. ‘под глаза’); *imigh as mo radharc — ag dul as/ó radharc* ‘исчезать’ (‘идти из зрения’). Можно говорить не о конверсивных парах, а о фразеообразовательных (по аналогии со словообразовательными) гнездах. В сербохорватской фразеологии к этому гнезду относится идиома, значение которой соответствует модели БЫСТРОЕ ДВИЖЕНИЕ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ ИЗ ПОЛЯ ЗРЕНИЯ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА: *макнути се / мићи се (некоме) с очију / maknuti se / maći se (nekome) s očiju* — ‘быстро убежать от кого-л.’ (букв. ‘двинуться у кого-л. с глаз’).

В ту же метафорическую модель ЭМОЦИИ-ОТНОШЕНИЯ КАК ДВИЖЕНИЕ ОТ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА входят идиомы, означающие желания и стремления, ср. рус. [*желать…*] *от всего / от чистого сердца / от всей души*, нем. (*sich*) *etwas von Herzen [wünschen…*]. В ирландском языке широко представлена фразеосхема (по Д. Н. Шмелеву) *tá X*

ó Y (букв. ‘есть X из Y’а’), общее значение которой можно записать как ‘Y испытывает необходимость в X / испытывает желание получить X’, например: *tá ól uaim* — ‘я хочу пить’ (букв. ‘есть питье из меня’). По форме они оказываются близки идиомам, основанным на иных ориентационных метафорах, таких как ЭМОЦИИ—СОСТОЯНИЯ КАК ДВИЖЕНИЕ ОТ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА (нем. *vom Herzen froh sein* — ‘искренне радоваться’, букв. ‘быть от сердца довольным’). В ирландском конструкция *X ó Y* также используется в идиоме, основанной на метафоре ЗРЕНИЯ КАК ДВИЖЕНИЯ ОТ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА: *fad mo radhairc uaim* — ‘насколько можно было видеть’ (букв. ‘протяженность моего зрения из меня’).

На основе изложенного можно сделать ряд выводов.

С одной стороны, можно говорить об ограниченном наборе ориентационных метафорических моделей и основанных на них актуальных значений. С другой стороны, идиомы, базирующиеся на этих метафорах, образуют фразеообразовательные гнезда.

Во всех исследуемых языках метафоры движения от экспериенцера представлены идиомами, основанными на близких образах. При этом можно отметить различия в интерпретации одних и тех же образов, ср. специфику интерпретации *брать из головы* в русском, сербском и немецком языках: изобретение ранее не существовавшего и не имевшего реального денотата vs. знание/называние уже существующего.

Определенная национально-культурная специфика проявляется в ирландской фразеологии, в котором одна из метафор (*tá X ó Y*) стала основой для фразеосхемы или грамматической конструкции (ср. ирландскую фразеосхему *tá X ar Y*, обозначающую испытываемые человеком эмоциональные и физические состояния [2]).

Мы видим перед собой универсальные когнитивные модели. Национально-культурная специфика проявляется на уровне образной составляющей, актуального значения, коннотаций, особенностей употребления в дискурсивных практиках, однако это не отрицает универсальности базового уровня образования идиом.

Словари и корпусы текстов

АСРФ — Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // http://ruscorpora.ru.

РМС — Матица Српска. Речник српскохрватскога књижевног језика. У пет књига. Нови Сад, 1990. [= Речник Матице Српске].

СОВРЯ — Аристова Т. С., Ковшова М. Л., Рысева Е. А., Телия В. Н., Черкасова И. Н. Словарь образных выражений русского языка. Под ред. В. Н. Телия. М.: Отечество, 1992.

Тезаурус — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.

ФСРЛЯ — Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. - 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008.

Collins COBUILD — Collins COBUILD Dictionary of Idioms. London: HarperCollins Publishers, 1997.

DeReKo — Deutscher Referenzkorpus, IDS Mannheim // http://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora.html.

Duden 11 — Duden Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik (Duden Band 11). Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2008.

DWDS – Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache // https://www.dwds.de.

FGB — Ó Dónaill, N. Foclóir Gaeilge-Béarla. BÁCL: An Gúm, 1977 // http://www.teanglann.ie/ga/fgb.

GAOIS — Corpas na Gaeilge Comhaimseartha // https://www.gaois.ie/ga.

GI — Bannister G. Gaelic Idioms. Baile Átha Cliath: ForSai Publishers, 2006.

KSSJ-MF — Korpus srpskog jezika na matematičkom fakultetu Univerziteta u Beogradu // http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/korpus/mainmenu.php.

Matešić J. Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika. Zagreb: Školska knjiga, 1982.

Vocabulario Treccani. Instituto dell'Enciclopedia Italiana (2013) // http://www.treccani.it/vocabolario.

Литература

1. Винокур Г. О. О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов / Сост. Т. Г. Винокур; Предисл. В. П. Григорьева. М.: Высшая школа, 1991.

2. Дронов П. С., Полян А. Л. Пространственная концептуализация ментального и эмоционального воздействия: модель ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ во фразеологии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 6 (38). С. 5—18.

3. Иоанесян Е. Р. Симптоматическая лексика в функции Magn // Научный диалог, 2019, № 2. С. 34—48.

4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

5. Boroditsky L. Metaphoric Structuring: Understanding Time Through Spatial Metaphors // Cognition, No. 75, 2000. P. 1—28.

6. Brdar M., Brdar-Szabó R. Moving-Time and Moving-Ego Metaphors from a Translational and a Contrastive-linguistic perspective // Research in Language, 2017, vol. 15:2. P. 191—212.

7. Johnson, M. The Body in the Mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.

В. В. Дьячков (Институт языкознания РАН)

V. V. Dyachkov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

К вопросу о параметризации прилагательных в типологически ориентированных базах данных

Towards parameterization of adjectives in typology-oriented databases

Аннотация

В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с описанием класса прилагательных в базе данных «Языки мира», разрабатываемой в Институте языкознания РАН. В статье кратко описываются теоретические проблемы, связанные с выделением прилагательных в языках мира, и освещается случай экспрессивных адвербиалов в языках догон, когда лексемы, сходные с прилагательными, не могут быть отнесены ни к классу прилагательных, ни к какому-либо другому синтаксическому классу. В статье предлагаются некоторые межъязыковые параллели этому явлению. Также в работе приведены аргументы в пользу необходимости параметрического описания прилагательных в типологически ориентированных базах данных.

The article deals with the problems associated with the description of adjectives in the “Languages of the World” database developed at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The article briefly describes the theoretical problems of detecting adjectives in the languages of the world, and highlights the case of expressive adverbials in Dogon languages where some lexical units which are similar to adjectives cannot be nevertheless

classified neither as adjectives nor as members of any other syntactic class. The article suggests some crosslinguistical parallels to this phenomenon. The paper also presents arguments for parametric description of adjectives in typologically oriented databases.

Ключевые слова

Типологические базы данных, прилагательные, типология, языки Северо-Западной Африки, языки догон, языки гур

Typology-oriented databases, adjectives, typology, languages of Northwest Africa, Dogon languages

Данная статья посвящена проблемам параметризации такого явления, как прилагательные, в языках мира, и отражения этой параметризации в виде типологически ориентированных баз данных. В статье в первую очередь анализируется материал базы данных «Языки мира» (см. подробнее о ней в [4; 10]), однако в рамках работы мы также затронем некоторые теоретические проблемы, связанные с описанием прилагательных, и предложим некоторый проект параметризации этого явления с учетом материалов языков Северо-Западной Африки.

В базе данных «Языки мира» прилагательные выделяются в списке частей речи наряду с такими традиционно выделяемыми разрядами, как глагол, местоимение, наречие, числительное и т.д. Из примерно 330 языков, сведения о которых имеются в базе, часть речи «прилагательное» имеется у 272, при этом для некоторых языков выделяется часть речи под названием «адъектив» (частотность — 3). Неясно, на каких основаниях адъектив противопоставляется прилагательным; также неясно, стоит ли выделять прилагательное как часть речи в тех языках, для которых указан признак «имя (существительное + прилагательное)» (абсолютная частотность — 16).

Вместе с тем, данные типологии однозначно свидетельствуют, что даже если категория прилагательного в языках мира может выделяться по семантическим основаниям, часты ситуации, когда класс прилагательных с морфосинтаксической точки зрения можно отнести либо к существительным, либо к глаголам (см. обсуждение в [3]). В типологической литературе отмечены также случаи языков, в которых прилагательные не могут выделяться ни по каким формальным основаниям (см. обсуждение материала языков Австралии в [7]).

Вместе с тем, даже в случае тех языков, в которых прилагательные являются подклассом глаголов или существительных, обычно удается сформулировать критерии, по которым (семантический) класс прилагательных отличается от других лексем соответствующей части речи. Так, в языках Юго-Восточной Азии прилагательные обычно являются подклассом глаголов, однако отличаются от них по каким-либо признакам. В тайском языке, например, прилагательные, в отличие от других глаголов (в том числе стативных), способны сочетаться с маркером компаратива (см. [11]), т.е. имеют, как и прилагательные в европейских языках, степень сравнения. Прилагательные в китайском языке (путунхуа) отличаются от глаголов по ряду формальных критериев, одним из которых является сочетаемость с предикативным показателем *hěn*, восходящим к омонимичному наречию со значением ‘очень’. В предикативной позиции прилагательное, в отличие от глагола, не может употребляться без этого показателя, что проиллюстрировано примером (1):

(1) wǒ *(hěn) máng
1SG очень занятой
‘Я занят’.

(2) wò rènshí nǐ
1SG быть.знакомым 2SG
‘Я знаю тебя’.

Таким образом, в путунхуа определенный класс лексем, обозначающих качества (т. е. те, которые традиционно относятся к прилагательным), выделяется на основании формальных критериев сочетаемости и в языковых описаниях фигурирует под ярлыком «прилагательные». Вместе с тем, прилагательные могут сочетаться и с типичными глагольными показателями (например, с показателями аспекта), что не позволяет усомниться в их принадлежности к классу глаголов.

Из сказанного следует, что принятое в базе данных «Языки мира» выделение категории прилагательного не делает явными те критерии, по которым прилагательное может выделяться в языках мира как отдельный класс. Выше на примере одного языка мы

продемонстрировали, что прилагательные могут с точки зрения частиречной принадлежности относиться, например, к глаголам, однако выделяться как их подкласс на иных основаниях. В случае выше таким основанием является сочетаемость с определенными лексемами, с которыми не могут сочетаться другие глаголы. Стоит отметить, что в литературе по конкретным языкам не наблюдается никакой последовательности в плане критериев выделения прилагательных, и в грамматических описаниях то или иное решение, как правило, является проявлением интуиции его автора. Очень часто к классу прилагательных причисляются те лексемы, которые являются таковыми в родном языке автора, тогда как в действительности эти «прилагательные» распределены, например, по классам глаголов и существительных.

Еще сложнее обстоит дело в таких случаях, когда в языках находятся единицы, обладающие свойствами прилагательных, но существенно отличающиеся от них формально и/или похожие на единицы других классов. В языках догон выделяются так называемые экспрессивные адвербиалы (expressive adverbials; см. подробнее о них в [8]). Экспрессивные адвербиалы являются классом, который можно достаточно четко отграничить от класса прилагательных по формальным критериям. Вначале, однако, скажем несколько слов о внешней форме экспрессивных адвербиалов. Большинство из них представляют собой редуплицированные лексемы, которые функционируют как интенсификаторы других лексем (обычно прилагательных). Приведем пример экспрессивных адвербиалов из языка томо-кан: в списке ниже представлены прилагательные языка томо-кан, и экспрессивные адвербиалы, которые употребляются для усиления свойства, обозначаемого этим прилагательным.

(1)	**прилагательное**		**экспрессивный адвербиал**
	dáⁿ	‘полный’	*(yérégé)-yérégé* (‘полный какой-л. жидкости’)
			pítá-pítá (‘полный сыпучих материалов’)
	gɛ́bɛ̀:	‘длинный’	*sùrá-sùrá*
			sórú-sórú
	wɛ̀ʔɛ̀	‘длинный’	*sàŋgù-sàŋgù*

pí	‘белый’	*pàrá-pàrá*
		wàrá-wàrá
		kwérí-kwérí

Нетрудно заметить, что экспрессивные адвербиалы представляют собой редупликации, и, возможно, по крайней мере в части случаев — идеофоны. В качестве косвенного аргумента в пользу идеофонической природы экспрессивных адвербиалов можно привести и вариативность в фонетической природе некоторых рассматриваемых лексем: так, экспрессивный адвербиал для лексемы со значением ‘белый’ звучит либо как *pàrá-pàrá*, либо как *wàrá-wàrá*. В этой паре различаются только согласные в инициали первого слога — впрочем, можно отметить, что эти согласные являются гоморганными.

Одной их главных отличительных черт экспрессивных адвербиалов является их дистрибуция, весьма сильно отличающаяся от дистрибуции прилагательных. Так, для образования деадъективных глаголов со стативным значением в томо-кан к основе прилагательного прибавляется медиальный показатель *-yɛ̀-*. Получаемая таким образом глагольная лексема функционирует как предикат со значением ‘быть А-ым’:

(2) ŋkɔ̀ á:ⁿ máná-**yɛ̀**-wɔ́

DEM мужчина.H толстый-**MED**-IPFV

‘Этот мужчина толстый’.

Экспрессивные адвербиалы в таких контекстах употребляться не могут:

(3) sátá úmù jì:

C. канари вода

jwí-yɛ̀: yɛ́rɛ́gɛ́-yɛ́rɛ́gɛ́-(*yɛ̀)-kɔ́

наполнить-CH полный-RDP-MED-быть.NONH

‘Сата налила воды в канари [тип сосуда], и он наполнился до краев’.

Случай языков догон иллюстрирует полезность выделения конкретно-языковой категории, которая не совпадает ни с прилагательными, ни с идеофонами. На прилагательные экспрессивные адвербиалы, однако, похожи тем, что выражают значения качеств

— лексема *yérégé-yérégé*, приведенная в примере выше, легко распознается носителями как имеющая значение ‘полный до краев’. Сходство с прилагательными проявляется также в том, что в томо-кан (как и в других языках догон) имеются и другие лексемы, которые гораздо больше похожи на привычные прилагательные, но формально неотличимы от экспрессивных адвербиалов. Список этих лексем приведен ниже:

(4)	*yé:-yé:*	‘легкий’
	pá:-pá:	‘многочисленный’
	bùré-bùré	‘гибкий, тягучий’
	sáʔá-sáʔá	‘в хорошем состоянии’
	ɲìná-ɲìná	‘блестящий’
	pyégú-pyégú	‘нагроможденный в кучу’
	kárá-kárá	‘горький, острый’

Как и экспрессивные адвербиалы, подобные лексемы не могут присоединять показатель медия *-yè-* в конструкциях идентификации:

(5)	ŋ̀	cá:^{n}	ìnà-swèʔɛ̀^{n}
	1SG.POSS	друг.H	железо-лошадь.DIM

sáʔá-sáʔá(-*yè)-kɔ́

в.хорошем.состоянии-MED-быть.NONH

‘Велосипед моего друга в хорошем состоянии’.

Отчетливо видно, что лексемы из списка (4) также являются редупликациями и, не исключено, также имеют идеофоническую природу. Однако доказать факт наличия звукоподражания крайне непросто, поскольку в распоряжении исследователя нет инструментов доказательства этого. Несмотря на то, что редуплицированные лексемы в языках мира часто обладают вполне определенной семантикой (см. об этом, например, [4]) и в лингвистике накоплено достаточно фактов о том, какие именно значения склонны кодироваться редупликацией, обоснование в каждом конкретном случае из списка (4) выглядит заведомо произвольным. Так, в случае лексемы *pyégú-pyégú* ‘нагроможденный в кучу’ редупликация выглядит мотивированной, поскольку этой лексемой описывается

множественное расположение некоторых объектов (та же семантика множественности заключена в лексеме *pá:-pá:* ‘многочисленный’). Иконичность в случае единицы *bùré-bùré* ‘гибкий’ также вероятна, поскольку этой лексемой в томо-кан описывается объект, который может иметь форму с множественными извивами (например, змея), а это значение весьма характерно для редупликаций, как отмечено в [4]. Еще менее очевидна иконическая природа в случае лексемы *ɲìná-ɲìná* ‘блестящий’, хотя в лингвистике известно такое явление, как синестезия, при котором объекты, обладающие блестящей поверхностью, могут обозначаться средствами, похожими на идеофоны — главное отличие здесь в том, что идеофоны передают языковыми средствами звуковые образы, в то время как синестетические лексемы — зрительные. Наличие же у лексем со значением ‘в хорошем состоянии’ или ‘горький’ идеофонической природы гораздо более сомнительно, хотя в общем не может исключаться.

Если обратиться к материалам других языков Африки, то становится ясным, что редупликация как формальное средство выражения прилагательных чрезвычайно распространена. Несмотря на то что во многих случаях она признается исследователями немотивированной, сам вопрос о ее природе и о об определенном семантическом детерминизме подобных прилагательных остается открытым. В языках Африки с помощью редупликации кодируется достаточно большое количество значений, в том числе и таких, при которых считать ее иконичной достаточно сложно — например, с ее помощью в некоторых языках может образовываться отглагольное имя. Вместе с тем, в примерах выше мы уже видели, что некоторые единицы, похожие на прилагательные, выражают интенсифицированные качества, и в связи с этим возникает закономерный вопрос, не являются ли редуплицированные прилагательные лексемами, кодирующими именно интенсификацию (хотя бы на диахроническом уровне). Как показывают типологические данные, редуплицированные прилагательные являются крайне распространенным явлением. Приведем несколько примеров из языков разных семей.

Так, в языке мпумпунг (бантоидные языки) редуплицированные глаголы образуются от глаголов, обычно односложных: ***è-twàm*** ‘краснеть’ — *átwámtwám* ‘красный’, *è-*

dzyùnd-*èl* ‘делать черным’ (с суффиксом каузатива -εl) — *ádzyúdzyúnd* ‘черный’, *è*-***pùm***-*èl* ‘делать белым’ — *ápúpúm* ‘белый’ [10, 68]. Как представляется, в языках ква редупликация также частотна как средство образования отглагольных прилагательных. В языке ген (семья ква) прилагательные могут быть редупликациями от соответствующих стативных глаголов, обозначающих признаки, см. [6]. Некоторые такие глаголы уже являются редуплицированными, и образованные от них прилагательные сохраняют фонологический состав основы, но меняют тоновый контур. Примеры таких случаев приведены в (7):

(6)	kú	‘быть мертвым’	kúkú	‘мертвый’
	fá	‘быть свежим’	fáfá	‘свежий’
(7)	lòlò	‘быть толстым’	lòlǒ	‘толстый’
	víví	‘быть сладким’	vǐví	‘сладкий’

[6, 184]

В некоторых языках ква, по-видимому, абсолютное большинство прилагательных является редуплицированными, причем соответствующих нередуплицированных основ в языке не бывает. Так в языке акебу прилагательные представлены следующим списком единиц: *nínì* ‘неугомонный’, *àkpāākpāā* ‘простой; пустой, никчемный’, *òkōkō* ‘новый, свежий’, *ʈɔ̀ɔ̀ʈɔ̀ɔ̀* ‘плохой’, *píŋ́píŋ́* ‘тяжелый’, *síáŋ́síáŋ́* ‘острый’, *ŋàlàŋàlà* ‘блестящий’, *pɔ́lɔ́pɔ́lɔ́* ‘теплый’, *púʈúpúʈú* ‘в хорошей форме; ловкий’, *kúʈúkúʈú* ‘темный’, *yòʈòyòʈò* ‘зеленый’ и т. д. [2, 19].

Ни в коем случае не претендуя на универсальные обобщения, которых мы не можем сделать на небольшой выборке языков, мы отметим, что в свете данных таких языков, как догон, в которых имеются экспрессивные адвербиалы, можно высказать гипотезу об иконичности некоторых адъективных лексем. Это допущение базируется на данных об иконичности редупликации, которыми располагает лингвистическая теория, и, в частности, на знании о том, что с помощью редупликации в языках мира выражаются различные значения интенсификации. Мы показали, что в некоторых случаях иконическая природа экспрессивных адвербиалов весьма вероятна. Следовательно, некоторая исследователь-

ская проблема заключается в том, чтобы ответить на вопрос, возможно ли транспонировать это представление на другие редуплицированные прилагательные в языках мира.

Обсудим кратко те последствия, которые имеет все вышесказанное для методологии типологического представления прилагательных в типологически ориентированных базах данных. Во-первых, мы отметили, что категория прилагательного как концепт для межъязыкового сравнения обладает своего рода универсальностью. Это выражается в том, что в языках, в которых прилагательные нельзя выделить на чисто синтаксических основаниях (как это можно сделать, например, в русском), все равно находятся критерии, по которым семантический класс прилагательных хорошо выделяется среди глаголов или существительных. Таким критерием может быть определенная синтаксическая и/или семантическая сочетаемость — в некоторых языках, например, только прилагательные могут выражать значение сравнительной степени. Таким образом, одно упоминание в базе данных того, что в языке выделяется часть речи «прилагательное», неинформативно и должно быть параметризовано более детально.

Во-вторых, на примере языков догон мы показали, что как минимум в случае этой семьи для полноценного описания необходимо ввести часть речи, которая отлична и от прилагательных, и от идеофонов, и которая именуется в работе [8] «экспрессивные адвербиалы». Вместе с тем, введение в базу данных подобной информации, возможно, привело бы к излишней детализации описания, поскольку не исключено, что понятие экспрессивных адвербиалов не сводимо к другим понятиям, применяемым для описания других языков. Иными словами, может оказаться, что в мире не существует никакого другого языка, в котором можно найти аналог экспрессивных адвербиалов в языках догон. В таком случае введение в базу данных очередного пункта описания приводит лишь к дальнейшему усложнению ее структуры.

В-третьих, если экспрессивные адвербиалы все же являются идеофонической лексикой, то было бы полезно провести межъязыковое сравнение экспрессивных адвербиалов и редуплицированных прилагательных. Такое сопоставление, однако требует накопления другого массива данных, которые должны быть структурированы иным образом,

чем база данных «Языки мира». Массивы подобного рода уже существуют, см., например, базу данных по редупликации [9]. Впрочем, стоит отметить, что параметризация прилагательных в языках мира не может проходить лишь по одному признаку наличия или отсутствия редупликации, а должна включать в себя комплексный анализ системы прилагательных в конкретных языках. Хотя мы не намерены подробно рассматривать в рамках данной статьи все параметры, по которым различаются прилагательные даже в рамках одного отдельного взятого ареала (т. е. Африки), можно хотя бы кратко их перечислить. Как представляется, это, в первую очередь, частиречная принадлежность конкретных адъективных единиц, о чем уже было сказано выше. Также необходимо учитывать характер отношений, в которые вступают прилагательное и модифицируемое им существительное — существуют языки, в которых комбинации существительного и прилагательного возможно описывать как композиты, состоящие из существительного, инкорпорируемого в глагольную основу (см., например, [1] о подобной гипотезе в отношении языка томо-кан, упоминавшегося выше). Существенным является также вопрос о синтаксическом статусе прилагательных (являются ли они вершинами функциональных проекций, адъюнктами, причастными клаузами и т.д.). Впрочем, подробная формальная параметризация прилагательных остается за рамками данной статьи и будет развиваться в дальнейшем в рамках нашей исследовательской программы.

Литература

1. Дьячков В. В. Прилагательные в языке томо-кан (догон): существительные или глаголы? Доклад на XV Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 22 — 24 ноября 2018 г.

2. Макеева Н. В. Прилагательные и квалитативные глаголы в языке акебу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. Т. 10. Вып. 1. С. 14—31.

3. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М.: Издательство РГГУ, 2011.

4. Рожанский Ф. И. Редупликация. Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011.

5. Поляков В. Н., Соловьев В. Д. Компьютерные модели и методы в типологии и компаративистике. Казань: КГУ, 2006.

6. Bôle-Richard, R. Systématique phonologique et grammaticale d'un parler éwé: le gen-mina du sud-Togo et sud-Bénin. Paris: L'Harmattan, 1983.

7. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. (eds.). Adjective classes: a cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2004.

8. Heath J. The dance of expressive adverbials ("ideophones") in Jamsay (Dogon) (ms.) (рукопись).

9. Mattes Veronika & Hurch Bernhard. Typology of reduplication: The Graz Database // Musgrave, S., Alexis Dimitriadis (eds.). The Use of Databases in Cross-Linguistic Studies. Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 201—327.

10. Ngangoum E. Noun morphology and the internal structure of the nominal construction in Mpumpung. University of Yaoundé, 2002.

11. Phillips A., Prang T. Verb classes in Thai // Language and Linguistics. Vol. 8(1), 2007. Pp. 167—191.

12. Polyakov V. Solovyev V. Wichmann S., Belyaev O. Using WALS and Jazyki mira // Linguistic Typology. V. 13. 2009. P. 135—165.

А. К. Зотова (Институт языкознания РАН)

A. K. Zotova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Терминосистема базы данных «Языки мира»: полисемия и синонимия сквозь призму перевода (на материале проекта синонимического терминологического русско-английского указателя к базе данных «Языки мира» ИЯз РАН)

Terminological polysemy and synonymy through the lens of translation (the «Languages of the world» database by the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences)

Аннотация

В статье иллюстрируются особенности перевода многозначных терминов и терминов-синонимов на материале русско-английских соответствий, исследуемых при разработке синонимического терминологического указателя к лингвотипологической базе данных «Языки мира» ИЯз РАН. Некоторые тенденции современного терминообразования в обоих языках могут представлять интерес для специалистов в области прикладной лексикографии и лингводидактики.

Specificity of polysemantic and synonymic linguistic terminology translation is exemplified with Russian-English equivalents from Terminology index to the «Languages of the world» lingvotypological database developed by the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences. The research could be of interest for those dealing with applied lexicography and language teaching.

Ключевые слова

База данных, лингводидактика, терминообразовательные модели, терминосистема, языки мира

Database, languages of the world, linguodidactics, term formation, term system, terminological models

Анализ терминосистемы базы данных (далее — БД) «Языки мира» проводится с целью разработки синонимического терминологического русско-английского указателя к БД «Языки мира». Одним из направлений является создание электронной картотеки терминов и терминологических словосочетаний и их синонимов на русском и английском языках. Материалом служат два основных источника — описания языков в виде рефератов БД «Языки мира» и тексты статей о языках в соответствующих томах Энциклопедии «Языки мира», а также многочисленные публикации и специализированные электронные ресурсы на английском и русском языках. Методика основывается на последовательном сопоставительном анализе всех типов описания: полной или частично структурированной согласно типовым схемам статье энциклопедии (в виде текста на естественном языке) и нескольких вариантов модели описания языков в БД (частично и/или полностью формализованное описание). Рабочая версия электронной картотеки имеет вид традиционного списка терминов и терминологических словосочетаний различной структуры, расположенных в алфавитном порядке, который образует словник разрабатываемого указателя на русском языке. Минимальной микроструктурной словарной единицей списка — словарной статьи — является русско-английская пара с рядом синонимов и/или дублетных терминов, например:

Абессив — изъя́тельный падеж = карити́в = лишительный падеж = Abessive (case) = Caritive case.

Аблатив — внешне-местный (отделительный) падеж = инструменталис = исходный падеж = отделительный падеж = отложительный падеж = относительный падеж = творительный падеж = удалительный падеж — Ablative (case).

Вторым направлением является поиск английских эквивалентов к элементам терминосистемы. Оба направления работы тесно взаимосвязаны. Переводные эквиваленты могут приводиться и к каждому из членов ряда.

На данном этапе разработки микроструктуры указателя термины-синонимы располагаются в пределах словарной статьи в алфавитном порядке. Очевидное достоинство

такой лексикографической модели указателя состоит в том, что она облегчает поиск терминов и терминов-синонимов. К числу недостатков можно отнести избыточность и повторяемость элементов определений, в данном примере — слов *падеж* и *case* в качестве его эквивалента. Избежать таких повторов можно в тех случаях, когда термины в обоих языках морфологически и структурно близки и регулярно употребляются в профессиональном узусе как эквиваленты. В первую очередь, речь идет о параллельном бытовании терминов-существительных и субстантивированных прилагательных в обоих языках (в названиях падежей, глагольных категорий и т.д.). Принципиальным недостатком является то, что традиционная лексикографическая норма не позволяет сохранить исходную (т.е. измененную в роде, числе или падеже) форму терминов на русском языке, которая используется в составе строк модели реферата БД, например:

2.5.2. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

...

несовпадение типов деривации

внутриклассной и междуклассной...

Формирование словника включает в себя анализ всего корпуса описания языка в формате реферата с целью выделения собственно терминов (фактографической информации) и терминов в составе формулировок, которые содержат общенаучную лексику (классифицирующую информацию). Количественное соотношение числа строк каждого из этих типов информации составляет приблизительно 1:10. Однако с точки зрения наличия в их составе терминов и вариантов их перевода на английский язык это соотношение можно считать условным. Качественный анализ терминосистемы БД указывает на целый ряд структурных и функциональных особенностей ее элементов, которые требуют более тщательного подхода не только на этапе формирования словника на русском языке, но и к выбору средств их перевода на английский. Ряд формулировок, содержащих элементы типа *категории*, *классификации*, *признаки* и т.п. в составе атрибутивных словосочетаний прилагательное + существительное, могут освободиться от суффиксов и преобразоваться в словосочетания существительное + существительное. Классифицирующую формули-

ровку в позиции 2.5. ГЛАГОЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ можно перевести как *verbal categories* или *verb categories*.

Словник указателя формируется с учетом структурных особенностей терминов и терминологических расхождений между компьютерной и традиционной моделями описания явлений в семьях и группах языков. Наряду с многозначностью в ряде случаев имеет место значительная вариативность терминов в русском и английском языках. При тождестве структурных моделей количественные и качественные расхождения между вариантами могут быть весьма значительны и включать в себя морфологическую неоднородность, разнообразие терминообразующих элементов, а также наличие лакун. Особый интерес представляет выделение изолированных терминов и терминов в составе терминологических словосочетаний. Проблема связана с локализацией данных в разных позициях и подчиненных им фрагментированных строках иерархической структуры модели реферата. С учетом всего многообразия проблем, связанных с формированием словника, в целом найдено принципиальное решение внутренней организации указателя — массив формируется в алфавитном порядке на русском языке с сопровождением цифровых отсылок к структурным элементам модели рефератов БД «Языки мира».

В числе синонимов могут находиться термины, качественно отличающиеся друг от друга по многим параметрам. Каждый из элементов сопоставляемой пары *статья Энциклопедии — реферат БД* может рассматриваться с разных точек зрения. По времени создания они отстоят друг от друга весьма значительно, и используемые специалистами термины могут отражать относительную хронологию их появления. Например, термины *заглазный* и *пересказвателъный* являются более ранними по отношению к терминам *комментатив* в качестве формы пересказывательного наклонения в болгарском [4, 82] и албанском языках или *абсентив* в уральских языках. Синонимический ряд включает в себя терминологические пары *заглазность/незаглазность* — ‘eyewitness’/‘noneyewitness’, *пересказвателъность/непересказывательность* — ‘reported evidence’/‘hearsay’, *засвидетелъствованность/незасвидетелъствованность* и *очевидность/неочевидность* — ‘ev-

identiality', а также их деривативы *очевидный/неочевидный* — 'witnessed'/'unwitnessed' или *неэведенциальный.* Многие из этих терминов появились и продолжают появляться в связи с более пристальным изучением аспектуальности временных форм глагола в балканских, тюркских, уральских и многих других языках [9]. В ряде случаев имеют место несовпадения принципов классификаций, традиций описания и используемой терминологии, например: *дуратив* — 'durative' или *имперфектив* — 'imperfective' в сравнении с 'continuous' или 'progressive' о длительности и незаконченности временных форм глагола с позиций грамматической семантики [8].

Во избежание ошибок и неточностей при подборе синонимов и переводных эквивалентов в случаях многозначности или несоответствия объема терминов, состоящих в родо-видовых отношениях, признано целесообразным наряду с минимальной русско-английской терминологической парой и их синонимами в виде устоявшегося перевода, кальки, транслитерации и т.д. в линейном ряду, включать в единицу словника возможные элементы вертикального ряда в виде гипо- и/или гиперонимов до базионимов по аналогии с номенклатурой таксонов в естественных науках, например, биологии, палеонтологии или генетике. Это позволит восполнить терминологические лакуны и предложить выбор потенциального контекстного эквивалента по принципу часть — целое.

Так, например, термин *глайд* традиционно трактуется как 1) полугласный; 2) неслогообразующий элемент дифтонга или 3) переходный от согласного к гласному. Однако наряду с традиционными для европейских языков полугласными [j] и [w], плавные и назальные могут также классифицироваться как члены этого ряда. Функционально, в гораздо более широком диапазоне полугласные выделяются в аустроазиатских (австроазиатских) или иберийско-кавказских языках, где минимальное число гласных в системе вокализма компенсируется широким фонетическим варьированием за счет полугласных дифтонгов и трифтонгов [БРЭ; CED]. Очевидно, что термин *глайд* в русском языке является транслитерацией английского *glide*, буквальным эквивалентом которого является русский термин *скользящий.* К числу его синонимов в английском ряду относятся *semi-*

vowel, *semivocal* [CED; LU], *semiconsonant* и *liquids*/*liquid consonants*, устойчивыми эквивалентами которых в русском языке являются термины *полугласный*, *полусогласный* и *плавный*, соответственно. Сказанное иллюстрируется определенным набором фонем от традиционных [w] и [j] или [i:] и [u:] до *носовых* — *nasals* или *сонантов* — *sonants* и *сонорных* — *sonorants* [1], [r], [m], [n], [ŋ] [OAD]. Таким образом, при более широком рассмотрении термин *глайд* можно соотнести с гиперонимом *аппроксимант* — *approximant* [EB], который адаптировался в русском лингвистическом обиходе.

На протяжении нескольких лет нами анализировались возможности использования БД «Языки мира» для проведения качественных дескриптивных, контрастивных и сравнительно-исторических исследований языковых явлений в рамках темы «Лингвотипологическая база данных «Языки мира»: диахронные изменения в семьях и группах языков». Одним из этапов была работа на материале славянских языков, которая включала в себя:

— анализ материала энциклопедии «Языки мира» (список статей и типологизация схем описания; анализ типовых схем описания; анализ текстов статей энциклопедии «Языки мира»);

— анализ описания языков в БД «Языки мира» в виде рефератов (список языков; анализ схем описания; анализ полноты описания; локализация данных);

— сопоставительный анализ описания языков в энциклопедии «Языки мира» и БД «Языки мира» на основе релевантных позиций формального описания (реферата БД);

— анализ терминологии и терминологических расхождений между традиционной и компьютерной моделями описания явлений в семьях и группах языков;

— анализ причин и источников неполноты, неточностей, ошибок и/или отсутствия данных в БД «Языки мира».

На основании ручных и компьютерных экспериментов, методика которых неоднократно уточнялась, был сделан вывод о том, что получение исторической и диахронной информации с помощью БД «Языки мира» в принципе возможно, хотя объем и качество

данных в значительной степени ограничены целым рядом причин. Терминология во многих случаях становится одним из инструментов, которые делают поиск исторической и диахронной информации более эффективным.

С точки зрения диахронии в славянских языках известны случаи уникальной глайдовой реализации редуцированных гласных фонем на этапе трансформации полугласных в гласные полного образования в XV—XVI вв. В этой связи вариантами гипонимов термина *глайд* могли бы служить термины *хомония* и *протеза* как отражающие позиционные различия (в начале слова и после заключительного согласного соответственно).

Значительный интерес представляют поиски решения проблем, связанных с установлением переводного эквивалента в случае неоднозначности или многозначности терминов. Одним из примеров является термин *палатализация* — *palatalisation*/*palatalization*и его производных.

Выше уже отмечалось, что терминология может отражать относительную хронологию в рамках традиции описания языка. Но в данном случае речь идет скорее об абсолютной хронологии, точнее об элементах исторической и диахронной информации, стоящих за этими терминами.

Термин *палатализация* связан с историей славянских и других индоевропейских языков и характеризует явления так называемых *первой*, *второй* и *третьей палатализации* согласных. Наряду с этими терминами в Энциклопедии «Языки мира» встречаются их синонимы: *переходная/непереходная палатализация = переходное/непереходное смягчение, первая/первичная палатализация = первое смягчение*, *вторая/вторичная палатализация = вторичное смягчение и третье смягчение* согласных [7, 422]. В контексте диахронии эти термины несут в себе информацию о последовательности внутриструктурных изменений в ходе становления славянских языков, получивших название *сатемизация*. По типу эволюции индоевропейских задненёбных согласных *k'* и *g'* выделяются два исторических процесса — палатализация задненёбных согласных *k'* и *g'* перед *j* и связанное с этим исчезновение закрытых слогов, которые датируются приблизительно последними

веками до нашей эры и первым тысячелетием нашей эры. В условиях диалектной дробности праславянского континуума эти процессы по-разному протекали в отдельных языках, но они иллюстрируют принципиальное своеобразие праславянского языка на поздних этапах развития и его влияние на формирование древней индоевропейской системы.

Преобразования лабиальных и дентальных согласных в позиции перед *j* стали основой для чередований s/š, z/ž, p/pl', b/bl' и ряда более поздних, за которыми стали радикально преобразовываться флексии. С одной стороны, эта последовательность может свидетельствовать о контактах славянских языков в разные периоды с другими языками, например, балтийскими. С другой стороны, термин *палатализация* характеризует ряд диахронных процессов в качестве универсальных исторических изменений согласных в индийских, иранских, романских, финно-угорских и других языках [БРЭ].

В модели реферата БД термин *палатализация* используется в рамках иной, а именно синхронной парадигмы и представлен в составе позиции

568 2.1.3.ФОНЕТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

...

640 .согласные

641 ..О

642 ..структурные позиции

603 ..комбинаторные позиции

666 ...палатализация.

Производные от него *палатализованные/непалатализованные* включены в состав позиции

1 2.1.1. ФОНЕМНЫЙ СОСТАВ

141 согласные

245 ...дополнительные признаки

276 ... палатализованные/непалатализованные

Здесь речь идет о смягчении большинства согласных в позиционной близости к гласным переднего ряда во многих языках, в том числе в русском, или о возможности

сочетаться с любой основной артикуляцией согласных, кроме среднеязычных, например в гагаузском языке.

В числе синонимов к первому деривату *палатализованный* нами были обнаружены русские *смягченный* и *палатальный* и их английские эквиваленты *palatalized* и *palatal.* В публикациях встречается оппозиция *palatalized/unpalatalized,* где последний термин синонимичен английскому *hard* — ‘твердый’ [OAD].

Таким образом, речь идет о многозначности термина *палатализация,* поэтому включение термина *смягчение* в качестве его синонима позволяет углубить и уточнить его интерпретацию.

Если взглянуть на ситуацию с точки зрения перевода терминов и разнообразия современных терминообразовательных моделей, то синонимический ряд к термину *палатализация* в первом (диахронном) значении может быть расширен. В него можно включить терминологические словосочетания *шипящая* = *первая* и *свистящая* = *вторая аккомодация,* которые используются в палеославистике и представляют собой гиперонимы по отношению к термину *палатализация* [6, 109]. Описываемые ими явления и процессы характеризуются неодновременностью, разнонаправленностью и неоднородностью в разных языках, но простота и наглядность этого термина делают его емким и однозначно понимаемым.

Термины, создаваемые по такой структурной модели, характерны для современного терминообразования в естественнонаучных областях знания. Их отличительной особенностью является лаконизм, образность и функциональность. Основным инструментом создания таких терминов является либо метафора, либо включение общеязыковых элементов в состав составных терминов или многокомпонентных терминологических словосочетаний. Некоторые тенденции в этой области уже отмечались в предыдущих публикациях [2, 133—135]. Часто образность достигается путем использования бытовой лексики. Яркие примеры такого типа — английские термины *jacketed reactor* и его русский эквивалент *реактор с рубашкой* в сфере промышленных химических технологий

или термин *riding atom*, переводимый на русский язык как *атом-наездник*. Более интересный случай — использование комбинированной терминообразовательной модели — английский термин *apronectomy*, его русский эквивалент — *апронэктомия* (от английского *apron* — ‘фартук’ и *ectomy* — ‘удаление’) и профессиональный синоним *удаление фартука* в пластической хирургии. Здесь мы имеем комбинацию совершенно разнородных элементов в отличие от составных терминов, все компоненты которых восходят к греческим или латинским этимонам. К числу последних можно отнести недавно появившийся термин *theranostic* — ‘тераностика’ (от греческого *therapeia,* прошедшего стадию новолатинского *therapia* — ‘терапия’ и греческого *diagnostics* — ‘диагностика’), который относится к развивающейся области противоопухолевой нанотерапии, где одна технология используется и для диагностики, и для лечения заболевания в ходе общей процедуры.

Раньше мы уже отмечали тенденцию синтаксического калькирования терминологических сочетаний со структурой *прилагательное* + *существительное* в качестве удобной унифицированной модели в английском языке [1, 189]. Структуры такого типа крайне типичны для научного изложения на английском языке, но с некоторых пор их аналоги можно все чаще встретить в современном русском языке. Речь идет о переводе словосочетаний типа *reactional conditions* в значении ‘условия реакции’ в химии, *popular unrest* в значении ‘народное волнение’ в политологии или *nominal and verbal morphology* в значении ‘морфология имени и глагола’. Параллельно наблюдается сосуществование исконно русских терминов и англоязычных заимствований с преимущественной тенденцией к преобладанию использования последних. Особый случай — включение в список синонимов неконвенциональных вариантов терминов, например, *скрепа* в качестве эквивалента английского *conjunction* [5, 808].

Хочется отметить еще одну модель, которая все чаще проникает в научный обиход из сферы рекламы и массовой коммуникации и используется не только в технической или естественнонаучной сфере. Речь идет об использовании в составе терминов буквенных символов, то есть о так называемых типограммах. Принципы использования таких

знаков могут быть различны. Например, символ *X* в составе классического термина *X-ray* — ‘рентгеновский луч’ означает неизвестную на момент открытия природу этих лучей. Словосочетание *U-turning* вызывает зрительный образ разворота на 180°. В фонетике при описании аппроксимантов выше приводились термины *скользящие* и *боковые* или *латеральные.* Но плавные согласные могут включать в себя и не-аппроксиманты, обозначаемые как *р-образные* на основании сходства акустических характеристик. В синтаксисе уже закрепилось выражение *Wh-questionning* в качестве синонима к терминам *special questions* на основе обобщенного графического компонента вопросительных местоимений в составе вопросов к отдельным членам предложения.

Однако здесь необходимо обратить внимание на специфические особенности терминообразовательных моделей в британском (BE) и американском (AE) вариантах английского языка. В первую очередь оба варианта характеризует наличие большого разнообразия денотатных синонимов типа *non-Subject case = non-nominative case,* а также дублетных форм типа *mechanical=mechanistic modification* в значении ‘модификация механизма’, (*morphemic*) *alteration* =(*consonant*) *alternation*, используемых в качестве фонетико-графических вариантов термина *чередование*. Некоторые случаи применительно к БД отмечались раньше [1, 189]. Наиболее очевидное отличие терминологии в AE состоит в упрощении орфографии, в частности, в отказе от использования удвоенных согласных, например *modeling* в отличие от *modelling* в BE, в ориентации на произношение и сокращение слов путем неупотребления типичных частеречных показателей в терминах типа *analog* в AE в отличие от *analogue* в BE. Еще один тип упрощения орфографии такого типа — изменения в терминах типа *aluminium* в BE до *aluminum* в AE, что можно объяснить дедифтонгизацией британского [ju:] и заменой его на [u:] в AE.

Вернемся к приведенным выше английским *palatalized* и *palatal.* По содержанию стоящие за ними понятия различны, и это очевидно в русской паре *палатализованный* и *палатальный.* Но, несмотря на асимметрию и несовпадение объема, мы наблюдаем, что термин *palatal* в качестве синонима к *palatalized* в значении ‘палатализованный’ выходит за пределы американского и канадского вариантов английского языка и становится ча-

стью общелингвистического узуса в условиях стремительно ускоряющегося и расширяющегося научного обмена.

В заключение хочется отметить, что наблюдения, сделанные в ходе работы над проектом указателя, приводят не только к совершенствованию его лексикографической модели и расширению диапазона при выборе адекватных эквивалентов для перевода БД на английский язык. Полученные результаты находят практическое применение в педагогической практике, в частности, при подготовке аспирантов и молодых специалистов учреждений РАН к переводу научных текстов с английского языка на русский и при обучении их письменной и устной научной речи на английском языке.

Список сокращений

БРЭ — Большая Российская энциклопедия БИГЕНС.ru. //https://bigenc.ru /linguistics/text/4899545.

БЭС — Большой энциклопедический словарь (к версии Lingvo x3) C:\ProgramData\ABBYY\Lingvo\x3\Dic\ System\ GreatEncyclopaedic DictionaryRuRu.lsd

ABBYY — ABBYY Linguo.Pro // http://lingvopro.abbvvonline.com.

CED — Collins English Dictionary //http://www.collinsdictionary.com. (к версии Lingvo x3) C:\ProgramData\ABBYY\Lingvo\x3\Dic\System\CollinsEnEn.lsd.

EB — Encyclopedia Britannica https://www.britannica.com/topic/approximant.

LU — LingvoUniversal (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x3) Англо-русский словарь общей лексики. © ABBYY, 2008.

OAD — Oxford American Dictionary (En-En) (к версии ABBYY Lingvo x3) New Oxford American Dictionary, 2nd Edition. © 2005 by Oxford University Press.

ODE — Oxford Dictionary (En-En) (для ABBYY Lingvo x3).

OLD — Oxford Live Dictionaries Access mode: //https://en.oxforddictionaries.com.

WNIED — Webster’s New International English Dictionary. Новый международный словарь английского языка Webster. 2012.

Литература

1. Зотова А. К. Специализированные электронные ресурсы: терминосистема базы

данных «Языки мира» и проблемы разработки русско-английского синонимического терминологического указателя // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. М., ИЯз РАН, 2017. Выпуск № 9. с. 180—191 // http://www.ilmg-ran.ru/library/sbomiki/for_lang /2017_09/7.pdf.

2. Зотова А. К. Некоторые особенности современной лингвистической терминологии (на материале базы данных «Языки мира» Института языкознания РАН) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей Электронное научное издание. М., ИЯз РАН, 2018. Выпуск № 10. с. 128—139. // http://www.iling-ran.ru/librarv/sbomiki/for lang/2018 10/7.pdf.

3. Макарцев М. М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: «Нестор-История», 2014.

4. Маслов Ю. С. Болгарский язык. // Языки мира. Славянские языки. М., Academia. 2005. С. 82.

5. Озонова А. А. Некоторые изменения в системе временных форм глагола в алтайском языке // http://www.philology.nsc.ru/ioumals/vkns/pdf/YFKNS 29/2015 2/Qzonova. pdf.

6. Реформатский А. А. Введение в языковедение // http://www.bsu.ru/content/ page/1415/hecadem/reformatsky_aa/reformatsky.pdf

7. Хабургаев. Г. А. Древнерусский язык. // Языки мира. Славянские языки. М., Academia. 2005.

8. Якобсон Р. О структуре русского глагола. // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 210—221

9. Johanson, Lars; Utas, Bo (Eds.). Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.

Е. Р. Иоанесян (Институт языкознания РАН)

E. R. Ioanesyan (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Слова со значением высокой степени при эмоциональных предикатах

Emotional predicates in collocations with the vocabulary of great intensity

Аннотация

Статья представляет попытку классификации единиц, обозначающих силу эмоции. В работе используется аббревиатура Magn, соответствующая лексической функции Magn в модели «Смысл ↔ Текст». Основное внимание уделяется функционированию симптоматической лексики в роли Magn.

The present article deals with the classification of lexical items denoting the intensity of emotions. The abbreviation Magn is used which corresponds to the lexical function Magn in the Meaning-Text Theory (MTT) The main attention is paid to the symptomatic expressions as a mark of strength of feeling.

Ключевые слова

Лексическая семантика, эмоциональные предикаты, симптоматическая лексика, лексическая функция Magn, языковая картина мира

Lexical semantics, emotive predicates, symptomatic expressions, lexical function Magn, linguistic worldview.

Основная задача

В данной работе мы попытались перечислить классы единиц, выступающих в функции Magn при эмоциональных предикатах [1]. Magn, лексическая функция в модели «Смысл ↔Текст», используется для «обозначения ‘высокой степени’, ‘интенсивности (≈ ‘очень’) самой ситуации или ее актантов» [10, 89]. Например, Magn (*страх*) = *огромный*, *сильный*, *животный*, *неописуемый* и т.д. см. также работы [8; 9; 13; 14; 15].

[1] Работа представляет собой расширенный и переработанный вариант наших статей [5; 6].

Классы Magn'ов

Показатели высокой степени, Magn'ы, разбиваются на два основных класса: 1) **$Magn_1$ —** Magn'ы, обозначающие интенсивность, силу самой эмоции; 2) **$Magn_2$ —** Magn'ы, обозначающие силу, интенсивность эмоции путем отсылки к субъекту эмоции. В этот класс входят выражения, связывающие эмоцию и воздействие этой эмоции на человека, эмоцию и реакцию человека на эту эмоцию [2].

А. $Magn_1$ — показатели первого класса, Magn'ы, обозначающие интенсивность самой эмоции. Этот подкласс включает три подкласса:

1. «Обычные» Magn'ы: рус. *сильное беспокойство*, *глубокая печаль*, *чрезвычайное удивление*, *полное блаженство*, *крайне удивиться*, *чрезвычайно рад*, *совершенно измучиться* и т.п.

2. Magn'ы-предикаты, обозначающие сильное проявление эмоции в человеке, например: и т.п. Например: *обуревать* (*ярость*), *кипеть* (*злоба*), *бурлить* (*ревность*), *бушевать* (*страсть*) и т.п.

3. Фреймовые Magn'ы. Подобные показатели «относятся к типичному окружению ситуации, к типичным, характерным действиям, которые ее сопровождают, которые с ней ассоциируются <…> *безвозвратная потеря* — потерянное обычно ищут, стараются вернуть; <…> Фреймовые Magn'ы нередко покидают свою группу, границы исходной сочетаемости размываются <…> Что касается контекстов типа *непреодолимое желание, влечение, стремление, презрение, отвращение* — то их можно считать просто показателями высокой степени» [9, 262].

Приведем примеры фреймовых Magn'ов из французского языка для слов, обозначающих эмоции:

(1) *inconsolable* — *chagrin*, *regret*, *nostalgie*, *tristesse inconsolable*, букв. 'безутешные печаль, сожаление, ностальгия, грусть' [TR], *consoler* — 'утешать'; *inconsolablement* — *être affligé inconsolablement* [TR], букв. 'быть безутешно опечаленным'; *Il me regarda*

[2] См. примечание 1.

avec ses yeux inconsolablement navrés (BAUDEL., *Poèmes prose,* 1867, p. 101) [TR], букв. ‘он смотрел на меня безутешно удручённый (сокрушённый)’; consoler — ‘утешать’;

(2) *invincible* — *courage*, *enthousiasme*, *haine*, *optimisme*, *peur*, *répugnance invincible* [DCP; DDC] — букв. ‘непобедимые смелость, энтузиазм, ненависть, оптимизм, страх, отвращение’; *invincible* — ‘qui ne peut être vaincu’, ‘которое нельзя победить’.

(3) *insurmontable* — *angoisse, aversion*, *dégoût*, *effroi*, *frayeur*, *peur*, *répugnance*, *répulsion* [DCP; DDC] — букв. ‘непреодолимые тревога, отвращение, ужас, испуг, страх, омерзение’ (слова *aversion*, *répugnance*, *répulsion* обозначают чувство отвращения); *surmonter* — ‘преодолевать’.

Б. Magn$_2$ — показатели второго класса, Magn’ы, обозначающие силу, интенсивность эмоции путем отсылки к субъекту эмоции. Этот класс показателей интенсивности, в свою очередь, разбивается на два подкласса: **1.** Выражения, связывающие эмоцию и воздействие этой эмоции на человека. **2.** Симптоматическая лексика, описывающая реакцию человека на эмоцию или состояние человека, находящегося во власти такой эмоции.

I. Выражения, связывающие эмоцию и воздействие этой эмоции на человека

Примерами таких выражений являются следующие глаголы: рус. *испепелять* (*ненависть*), *мучить* (*раскаяние*), *терзать* (*страх*), *снедать* (*печаль*, *тоска*), *обжигать* (*обида*), *пронзить* (*тоска*), *пожирать* (*зависть*) и т.п.; франц. *mordre* — ‘кусать’; *l’inquiétude mord le coeur de qn* — букв. ‘беспокойство кусает сердце’; *dévorer* — ‘пожирать’; *la colère*; *la haine, l’orgueil, l’inquiétude*, *l’ennui*, *le chagrin dévore qn* — букв. ‘гнев, ненависть, гордость, беспокойство, тоска, печаль пожирают кого-л.’; *déchirer* — ‘рвать’; *le remords déchire qn* — букв. ‘угрызения совести рвут кого-л.’ и т.п.

Указанный класс глаголов лежит в основе так называемых **Magn’ов-прилагательных «эксперенциального происхождения»**: «Происхождение многих групп Magn’ов в широком смысле — экспериенциальное <…> Именно благодаря своей экспериенциальной «составляющей» человек «замечает» большую степень признаков у окружающих предметов и ситуаций и реагирует на нее <…> Различные «экспериенци-

альные ситуации» (экспериенциальные взаимодействия человека с миром), типы экспериенциальных реакций образуют модели, в которые метафорически (т.е. вполне мотивированно, по аналогии) встраивается высокая степень признака самых разных ситуаций <…> слишком горячее обжигает, болезненно жжет, ранит → *жгучая обида, ненависть, стыд, обжигающий мороз, холод* <…> острое пронзает и ранит → *острая критика, острая обида, пронзительная боль* <…> » [9, 260—261]. Ср. французские Magn'ы:

(1) 'обжигать'; *brûler* — 'жечь, обжигать'→ *une trouille brûlante*, *une haine brûlante*, *un repentir brûlant*, *une détresse brûlante* — 'сильный страх, ненависть, раскаяние, тоска', букв. 'обжигающий страх, ненависть, раскаяние, уныние'. Приведем примеры из художественной литературы: (а) *И хотя бы судьба послала ему раскаяние – жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут*! (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)). Si du moins le sort lui envoyait le repentir, un repentir brûlant qui brise le cœur, chasse le sommeil, un repentir tel que ses horribles tortures font rêver à la corde et à l'étang [НКРЯ]; (б) <…> *он только почувствовал ту жгучую тоску, которую испытывает человек, когда спешит с волнением после разлуки увидеть друга и узнает, что его давно уже нет, что он умер* (И. А. Гончаров. Обломов (1848—1859)). Et Stolz n'éprouvait plus que cette détresse brûlante de l'homme qui vient d'apprendre que son ami — dont il rêvait de revoir les traits — vient de mourir [НКРЯ]. Аналогичный пример: *une déception cuisante*, *un regret cuisant*, *un remords cuisant* [DCP] — 'сильное разочарование/сожаление/угрызения совести' (букв. 'обжигающие').

(2) 'острое'; *une irritation aiguë* [DCP] — 'сильное раздражение' (букв. 'острое'), *une haine aiguë* [TR] — 'сильный гнев' (букв. 'острый').

(3) 'тяжесть'; «тяжесть давит, сгибает» [9, 360] → *давящая тоска*; *тяжелое горе*, *тяжелое разочарование*; *гнетущий страх*, *гнетущая тоска*, *гнетущая скука* и т.п.; франц.глагол *accabler* означает «faire plier sous un poids», букв. 'заставлять сгибаться под тяжестью', например: *Cette horrible peur l'obsédait, l'accablait* (R. Rolland) [PR, 9], 'Этот жуткий страх преследовал его, угнетал его'. Отглагольное прилагательное *accablant* ис-

пользуется в значении Magn'a: *une tristesse accablante* — 'сильная грусть', *un accablant ennui* — 'тяжелая тоска', *accabler* — «faire plier sous un poids», букв. 'заставлять сгибаться под тяжестью'.

II. Симптоматическая лексика

Симптоматическая лексика — это средства, «передающие вовне информацию о внутреннем состоянии человека» [3, 48] [3].

Мы выделяем два класса симптоматических единиц в указанной функции:

1. Выражения, связывающие эмоцию и состояние человека, находящегося во власти этой эмоции, например, *сходить с ума от беспокойства*, *не помнить себя от злости*, *вне себя от радости*.

2. Выражения, связывающие эмоцию и реакцию человека на эту эмоцию, например, *похолодеть от страха*, *онеметь от ужаса*, *покраснеть от удовольствия*, *замереть от удивления* и т.п. Симптоматическая лексика в языке представлена очень большим кругом единиц (см., например, [11; 12]). Мы перечислим лишь наиболее интересные с нашей точки зрения случаи.

II.1. Выражения, связывающие эмоцию и состояние человека, находящегося во власти этой эмоции. Типы состояний человека, находящегося под властью сильной эмоции

Мы выделяем два типа указанных состояний:

1. Состояние человека, поступки и действия которого как бы выходят из-под контроля его сознания; человек утрачивает способность адекватно воспринимать действительность и адекватно реагировать на нее.

Приведем несколько примеров симптоматических выражений этого типа:

(1) Французское прилагательное *fou* — 'сумасшедший; безумный': *fou de haine*, *de rage*, *de peur*, *de crainte*, *d'horreur*, *d'inquiétude*, *d'épouvante*, *de culpabilité*, *de désespoir*, *de joie* [DCP; DDC; PR, 735] — букв. 'сумасшедший от ненависти, ярости, страха, ужаса, беспокойства, чувства вины, отчаяния, радости'. В отличие от обычных Magn'ов, исполь-

[3] Симптоматические выражения бывают двух типов, см. примечание 2.

зование прилагательного *fou* свидетельствует о намерении говорящего указать не просто на большую силу эмоции, а на то, что эмоциональное состояние человека достигает предельной степени интенсивности, и его действия как бы выходят из-под контроля сознания. См. толкование в словаре [EL] описание психологического состояния человека, обозначаемого выражением *fou de S* (S — название эмоции): «*Être fou de*, avoir pour ainsi dire perdu l'esprit à cause de. *Il est fou de joie*», '*Être fou de* — это, так сказать, потерять рассудок из-за чего-л. Быть вне себя от радости'. Ср. употребление в аналогичном значении рус. *обезуметь*, *сходить с ума*; *не помнить себя*, *без памяти*; *вне себя*. «СХОДИ/ТЬ С УМА[2]. Терять контроль над собой, сильно нервничать, вести себя безрассудно. Имеется в виду, что лицо (X), будучи в эмоционально возбуждённом состоянии от каких-л. переживаний, мыслей, происшествий (P), не даёт себе отчёта в своих действиях, перестаёт правильно оценивать ситуацию» [БФСРЯ, 685]. «БЕЗ ПАМЯТИ[1]: *без памяти веселиться; смеяться*. <…> свидетельствует о том, что человек в полной мере оказывается во власти чувств и эмоций, уходящих из-под контроля рационального начала, к которому относится и память» [БФСРЯ, 32]. См. о наличии связи между максимальной, предельной степенью интенсивности эмоции и утратой субъектом контроля над своими действиями в [1, 360]: «представление о потере контроля над поведением как естественном пределе в развитии некоторых внутренних состояний действительно свойственно наивной картине человеческой психики».

Русское прилагательное *сумасшедший* не используется в указанных контекстах, а глагол *обезуметь* или выражения *сходить с ума*, *быть без ума от чего-л.* и т.п. [4] имеют более ограниченную по сравнению с французским прилагательным сочетаемость. Например: *folle de reconnaissance* (Dard, Frédéric. Renifle, c'est de la vraie) — 'испытывая огромную благодарность' (букв. 'сумасшедшая, безумная от благодарности'), *fou de culpabilité* (M. Levy. La Première nuit) — 'терзаясь чувством вины' (букв. 'сумасшедший, безумный от чувства вины'), *folles de joie* (Stendhal. La Chartreuse De Parme) — 'себя не помнили от радости' (букв. 'были сумасшедшими, безумными от радости'). Русское

[4] См. примечание 3.

наречие *безумно*, к которому иногда прибегают при переводе выражений *fou de S* (*fou d'inquiétude, de crainte* — *безумно беспокоюсь, безумно боюсь*), на наш взгляд, в современном употреблении является просто показателем высокой степени.

(2) Испанское прилагательное *loco* в исходном употреблении имеет значение 'сумасшедший, умалишенный, помешанный' [ИСРС, 473]: «adj. Que ha perdido la razón» [DRAE]. В конструкции с предлогом *de* и словом, обозначающим эмоцию, прилагательное используется для указания на пребывание субъекта в сильном эмоциональном состоянии: «Seguido de la preposición de y sustantivos que expresan sentimientos, estados de ánimo o sensaciones, se dice de quien los experimenta con gran intensidad — *loco de rabia*, *loco de alegría*» [ELP], *loco de rabia*, *loco de alegría* — букв. 'сумасшедший от ярости, сумасшедший от радости'. Приведем два примера из художественной литературы: (а) <…> *en la casa de Berenice, que era bella y sin prejuicios, y tuvo la buena suerte de no casarse conmigo porque* <u>*estaba loca de amor*</u> *por otro* ... (Gabriel García Márquez. Vivir para contarla (2002)). <…> в доме Беренисе, которая была чрезвычайно красива и не имела предрассудков, ей очень повезло, что она не вышла за меня замуж, потому что <u>безумно любила</u> другого [НКРЯ]; (б) *Una* <u>*compasión loca*</u>*, insana, me aqueja a veces* (Juan Valera. Pepita Jiménez (1874)). Иногда меня охватывает порыв <u>мучительного сострадания</u> [НКРЯ].

(3) Итальянское прилагательное *pazzo* — ' сумасшедший', «Malato di mente» [VT], в конструкции *pazzo di/per S* обозначает состояние человека, находящегося под сильным воздействием эмоции S: «di chi è o sembra fuori di sé: *diventare p. per il dolore*, *per la disperazione*» [VT], 'о человеке, который вне себя: сходить с ума от горя, от отчаяния'; «Che è fuori di sé, tanto da sembrare pazzo: *è diventato p. per la rabbia*; *era p. di dolore*, *di gioia*; *pazza di gelosia, ha tentato di uccidersi*» [GDH], 'вне себя, настолько, что кажется сумасшедшим: букв. он сошел с ума от ярости; с ума сходил от боли, от радости; вне себя от ревности, он предпринял попытку самоубийства'. В аналогичной функции употребляется производный от *pazzo* глагол *impazzire* — 'сходить с ума': «*i. di gioia, di gelosia, dalla rabbia*» [VT], 'сходить с ума от радости, зависти, ярости'.

(4) Английское существительное *wit* (обычно во мн. ч.) означает ‘ум, разум’ [НБАРС], «(often pl.) the innate ability to perceive, think, or know; mental faculties; intelligence. *The detectives needed all their wits to solve the crime*» [WED]. *To be out of one’s wits* — ‘обезуметь, утратить способность соображать’ [НБАРС], «*be frightened (or scared) out of one’s wits.* Be extremely frightened» [OD]. Примеры из художественной литературы: (а)*"I lay still," he said, "scared out of my wits”* (H. G. Wells. The War of the Worlds (1898)). — Я лежал тихо, — рассказывал он, — полумертвый от страха [НКРЯ]; (б) *I am frighted out of my wits* (Jane Austen. Pride and Prejudice (1813)). Я буквально схожу с ума от страха [НКРЯ].

(5) Прилагательное *éperdu* (франц.) — ‘потерявший голову под действием сильных эмоций’, ‘вне себя’, например: *Ney, éperdu, grand de toute la hauteur de la mort acceptée, s’offrait à tous les coups dans cette tourmente* (Victor Hugo. Les Misérables. Deuxième partie. Cosette). Ней, вне себя, величественный в своей решимости принять смерть, подставлял грудь всем ударам этого шквала [НКРЯ]. *Éperdu*, как и рус. *вне себя*, обозначает состояние крайнего возбуждения, неконтролируемого человеком, см. определение указанного русского выражения в [БФСРЯ]: «ВНЕ СЕБЯ: В состоянии крайнего возбуждения, не контролируя себя. Подразумевается, что произошло такое событие или обстоятельства сложились таким образом, что вынудили кого-л. полностью потерять самообладание, душевное равновесие. Имеется в виду, что лицо, реже — группа лиц (X) испытывает сильное эмоциональное возбуждение: раздражение, нервное напряжение, возмущение, негодование, волнение, радость, счастье и т. д. — и не в состоянии адекватно воспринимать действительность и реагировать на окружающих» [БФСРЯ, 119]. Обе единицы (русская и французская) могут присоединять дополнение, эксплицирующее эмоциональное состояние, в котором находится субъект: «*éperdu de bonheur, de joie* — потерявший голову <обезумевший, вне себя> от радости (от счастья)» [ГТ, 395], *éperdu de douleur*, *de peur*, *d’épouvante* — ‘вне себя от горя, от страха, от ужаса’. Но, как представляется, французская лексема сочетается с бóльшим числом имен эмоций, чем русские выражения, ср.

éperdu d'étonnement — ?*вне себя от удивления*, *éperdu de reconnaissance* — **вне себя от чувства признательности*.

(6) Исходное значение английского прилагательного *frantic* — 'сумасшедший': «archaic: mentally deranged <…> *The girl was frantic with fear*» [MWD]. В настоящее время оно используется в конструкции с предлогом *with* и названием эмоции для обозначения состояния человека, утратившего контроль над собой под действием этой эмоции: «emotionally out of control» [MWD], «desperate or wild with excitement, passion, fear, pain, etc.» [ID]: «*to be frantic with grief* [*with pain, with rage*] — обезуметь от горя [от боли, от гнева]» [НБАРС]. Приведем два примера из художественной литературы: (а) *Lord Steyne was frantic with delight* (Thackeray, William Makepeace / Vanity Fair). Лорд Стайн был вне себя от восторга [НКРЯ]; (б) *Scarlett was frantic with anxiety* (Mitchell, Margaret / Gone with the wind). Скарлетт сходила с ума от тревоги [НКРЯ].

(7) Французский глагол *délirer* используется в следующих значениях:

1) находиться в состоянии, характеризующемся потерей связи с действительностью, симптомом которого являются бессмысленный набор слов; *délire* [5] ≈ 'бред', 'расстройство сознания'): «Trouble mental manifesté par un verbalisme incohérent» [TR];

2) в конструкции *délirer de S* глагол имеет значение $Magn_2$ [6], показателя высокой интенсивности эмоционального состояния, обозначаемого дополнением S, например: *délirer de joie, de colère*, *de rage*, *de fureur*, *d'impatience*, *de tendresse* [LFV; PR, 433; TR], 'сходить с ума от радости, быть вне себя от гнева, ярости, нетерпения, нежности' и т.п. При этом, как и в случае с прилагательным *fou*, использование глагола *délirer* указывает на следующее: сила эмоции S такова, что приводит к утрате субъектом контроля над своими действиями; сознание субъекта затуманено. См. толкование глагола в рассматриваемом употреблении в [PR, 433]: «Être en proie à une émotion qui trouble l'esprit», ≈ 'быть во власти эмоции, которая вызывает смятение ума'. Кроме того, использование при описании эмоционального состояния S конструкции *délirer de S* свидетельствует о том, что

[5] *Délire*: «ÉTYMOLOGIE. Lat. delirium» [EL].
[6] Точнее $Oper_1$+Magn, см. другие примеры глаголов в функции $Oper_1$+Magn в [2, 110—111].

имеют место и внешние проявления этого состояния: «Manifester une excitation extrême provoquée par l'exaltation d'un sentiment. *Délirer d'admiration, de bonheur, de fureur* <…> *délirant d'orgueil*» [TR] ≈ 'проявлять (внешне) чрезмерное возбуждение, вызванное очень сильным чувством; букв. быть в бреду от восторга, счастья, ярости <…> гордости'.

Аналогичная полисемия представлена у итальянского когната *delirare*: «1) бредить; 2) быть вне себя, безумствовать; терять рассудок; *delirare d'amore* — с ума сходить от любви» [БИРС]; «1. Essere in stato di delirio: *d. per la febbre*; *ha delirato tutta la notte*; 2. estens. Farneticare, dire o fare cose prive di senso: d. d'amore, di rabbia» [GDH], '1. Бредить: бредить в горячке; он бредил всю ночь; 2. Неистовствовать, говорить или делать вещи, лишённые смысла: букв. бредить от любви, от бешенства'.

(8) Французский глагол *défaillir* — 'падать в обморок, терять сознание', «Perdre momentanément ses forces physiques, tomber en défaillance. ⇒ s'évanouir, se pâmer (cf. Se trouver mal; fam. *tourner de l'œil*; *tomber dans les pommes*)» [PR, 420], 'Временно лишаться сил, падать в обморок'. Глагол широко используется в конструкции с предлогом *de* и названием эмоции — *défaillir d'angoisse*, *d'admiration et de bonheur* [TR], букв. 'терять сознание от беспокойства, восхищения, счастья; «manifester physiquement tel sentiment violent); perdre contrôle par; *On d~ de peur, de joie*» [LFV], 'физически проявлять сильную эмоцию; терять контроль под действием этой эмоции: *On d~ de peur, de joie* (букв. 'терять сознание от страха, от радости')». В указанном употреблении глагол маркирует нахождение субъекта в сильном эмоциональном состоянии, которое сопровождается ощущением, что человек близок к обмороку, потере сознания: «Éprouver une forte émotion au point de se sentir ou de sembler prêt à perdre connaissance» [TR]. Приведем два примера использования глагола в рассматриваемом значении: (а) *Elle a honte. Elle défaille de honte* (I. Némirovsky Jézabel). Ей стыдно. Безумно стыдно (букв. 'падает в обморок от стыда'); (б) *J'en défaillis presque de dégoût.* Во тошниловка-то! (Les Thanatonautes. Werber, Bernard) [https://www.lingvolive. com]; букв. 'я почти потерял сознание от отвращения'. Аналогичные употребления отмечены у глагола *pâmer* (*se*) — 'лишаться чувств, терять сознание', например: *pâmer d'épouvante*, *de frayeur*; *pâmer d'amour*, *de bonheur*, *de plaisir, de volupté*

[TR], букв. ‘лишаться чувств от ужаса, от страха, от любви, от счастья, от удовольствия, от наслаждения’. Глагол *pâmer* используется и в ослабленном значении, обозначая лишь высокую степень проявления эмоции (см. также ниже о рус. *умирать*): «Manifester avec plus ou moins d’affectation une émotion vive. *Se pâmer d’admiration*» [TR], ‘проявлять, с большей или меньшей степени аффектации, сильную эмоцию. Млеть от восторга’.

(9) Немецкое прилагательное *besinnungslos* — ‘находящийся в бессознательном состоянии’, «ohne Besinnung» [Duden], «bewusstlos» [DWDS]. С предлогом *vor* и именем эмоции выступает маркером интенсивности эмоции, желания и т.п. такой силы, что человек близок к утрате контроля над собой, человек не владеет собой, «seiner selbst nicht mehr mächtig, außer sich» [Duden], «seiner Sinne nicht mächtig, kopflos» [DWDS]. Например: *Bei dieser Verfolgung verloren einige der grauen Herren – besinnungslos vor Gier nach der Stunden-Blume – ihre Zigarren und lösten sich, einer nach dem andern, in Nichts auf* (Michael Ende. Momo (1973)). Во время этой беготни Серые господа теряли свои сигары — они словно обезумели от желания схватить цветок — и постепенно таяли в воздухе [НКРЯ].

(10) Французское прилагательное *ivre* — ‘пьяный’. В состоянии опьянения различают две стадии. Первая стадия — легкое опьянение, в состоянии которого человек чувствует себя легко и раскованно. В основе значения русских слов *упоение*, *упоенный* и французских существительных *ivresse*, *enivrement*, *enivrant*, *enivré*, производных от *ivre*, лежит компонент прототипической ситуации опьянения ‘радостное, восторженное состояние’. См., например, толкование существительного *ivresse* (‘опьянение’) в его переносном употреблении: «État d’euphorie, de ravissement, d’exaltation. ⇒ *enivrement*, *extase*» [PR, 939], ‘состояние эйфории, восторга, экзальтации’.

Однако при переходе ко второй стадии опьянения на смену эйфории приходит состояние, характеризующееся утратой самоконтроля, способности критически оценивать ситуацию. И у французских единиц *ivre* и *enivré* отмечается второй класс употреблений, в основе которого лежит уже другой компонент фрейма ‘опьянение’, а именно: ‘спутанность сознания, потеря самоконтроля’. В выражениях *ivre* / *enivré de S*, где S — название

эмоционального состояния, они выступают в функции $Magn_2$, маркируя такую степень интенсивности эмоции, при которой поведение человека выходит из под контроля его сознания. См., например, толкование прилагательного *ivre* в [TR]: «[Sous l'effet d'une passion, d'un sentiment violent] Qui est troublé. *Ivre d'amertume <…> de colère, de désespoir, de douleur, d'espoir, d'horreur, de joie, d'orgueil, de plaisir, de rage, de vengeance*», 'Под действием сильной эмоции. Сильно взволнованный; букв. пьяный от горечи, гнева, отчаяния, боли, надежды, ужаса, радости, гордости, удовольствия, ярости, мести'. В толковании использовано выражение «Qui est troublé», которое означает нахождение в тяжелом и тревожном состоянии, сопровождающемся повышенной неконтролируемой ментальной активностью. *Trouble*: «(XVIe) Cour. État affectif pénible, fait d'angoisse et d'une activité mentale excessive, incontrôlée» [PR, 1843].

Русское прилагательное *пьяный* не имеет подобного значения, при переводе французского слова *ivre* используются другие средства, например: (а) *Ivre de rage, Lucifer roula le papier en boule Blaise* (M. Levy. Sept jours pour une éternité). Люцифер гневно скомкал бумажку; (б) *Jamais! s'écria-t-il, ivre de fureur, jamais!* (E.Gaborio.Le Crime d'Orcival). Нет, ни за что! — в бешенстве (букв. 'пьяный от бешенства') выкрикнул Соврези; (в) *D'Artagnan, ivre de désespoir, jeta son pistolet sur la route* (Dumas, Alexandre / Le vicomte de Bragelonne. Tome IV). Д'Артаньян в отчаянии ('букв. 'пьяный от отчаяния') бросил свой пистолет на дорогу) [https://www.lingvolive.com]; (в) *En jetant un coup d'œil, je vis les gens allant et venant, tous affairés, ivres de douleur* (Balzac, Honore de. Le Lys dans la vallée). Оглянувшись, я заметил, что убитые горем (букв. 'пьяные от горя') слуги бегают взад и вперед [https://www.lingvolive.com].

Испанское прилагательное *ebrio* — 'пьяный', когнат французского *ivre*, тоже имеет значение $Magn_2$: «poseído con vehemencia de una pasión. *Ebrio de entusiasmo, de ira*» [DRAE], ≈ 'охваченный каким-л. сильным чувством. Опьяненный энтузиазмом, гневом'.

Аналогичная значение отмечается у португальского прилагательного *ebrio* и итальянских прилагательных *ebbro* и *ubriaco*.

Ebrio (порт.). В словаре [INF] у этого прилагательного выделяется два значения: 1) пьяный; пьяница, «ivre; ivrogne»; 2) находиться под властью сильного чувства, «ivre: *ébrio de amor*—- ivre d'amour; *ébrio de raiva* — ivre de colère», *ébrio de amor* — 'упоенный любовью', *ébrio de raiva* — 'вне себя от ярости'.

Ebbro (ит.): «1) книжн. пьяный; 2) перен. опьянённый; в упоении, в восторге: ~ *di gioia* не помня себя от радости; ~ *di dolore* вне себя от горя» [СМИ, 272]; «Che ha la mente offuscata dal molto vino bevuto <…>. Spesso fig., esaltato, fuori di sé per violenta passione e sim.: *e. d'amore, di desiderio, di furore*» [VT], 'тот, у кого разум затуманен большим количеством выпитого алкоголя <…> фиг. возбужденный, вышедший из себя под действием сильной эмоции: *e. d'amore, di desiderio, di furore* — букв. 'пьяный от любви, желания, ярости'.

Ubriaco (ит.). Исходное значение — 'пьяный' [СМИ, 903; VT и др.]. В переносном употреблении слово имеет значение 'находиться в состоянии эйфории или состоянии потрясения, ошеломления': «Con senso attenuato, per indicare uno stato di momentanea euforia o di momentaneo sbalordimento e frastornamento: *era u. di gioia*, *o di stanchezza*» [VT]; *era ubriaco di gioia*, *o di stanchezza* — букв. 'был пьяным от радости, от усталости'. См. также толкование в [GDH]: «Che è fuori di sé per eccesso di passioni; esaltato, eccitato», 'вне себя, в возбужденном, взволнованном состоянии'.

(11) Английское прилагательное *drunk* — 'пьяный', выступает также в значении $Magn_2$: «dominated by an intense feeling: *drunk with rage*» [MWD]; «Overcome with (a strong emotion): '*His bloodshot eyes were glassy, now drunk with outrage*'» [OD].

(12) Французское прилагательное *aveugle* — 'слепой', обозначает также состояние человека, утратившего под действием сильной эмоции ясность суждений, мышления: «Il se dit figurément d'une Personne à qui la passion trouble le jugement <…> *L'ambition, la colère le rend aveugle*» [AC 1935], 'В переносном смысле говорится о человеке, которого страсть, гнев лишают способности здраво рассуждать <…> Честолюбие, делают его слепым'; «Dont la raison est obscurcie. *L'amour rend aveugle*» [EL], 'Чей разум затуманен. Любовь делает человека слепым'. Аналогичное значение имеет глагол *aveugler* — 'ослеп-

лять’: «*la colère l’aveugle* — гнев ослепля́ет его, он ослеплён гневом» [ГТ, 97]; «Priver de l’usage de la raison, du jugement. *La passion vous aveugle.* ⇒ affoler, égarer, troubler» [PR, 129], ‘лишать способности рассуждать. Вы ослеплены страстью’. Сочетаемость французского глагола *aveugler* шире, чем у его русского аналога, ср.: «*Mon désespoir m’aveugle, il m’emporte trop loin* (Voltaire, Mérope, II, 1) [TR], букв. ‘мое отчаяние ослепляет меня, заводит меня слишком далеко. «*le vieillard aveuglé par son aversion pour les protestants* (Martin du Gard, les Thibault, V, 2)» [TR], букв. ‘старик, ослепленный отвращением к протестантам’.

(13) Английское прилагательное *blind* — ‘слепой’, используется и как маркер такой силы эмоции, которая приводит к потере человеком контроля над собой: «*He was blind with fury* (= so angry that he could not behave reasonably)» [CAL], «*The neighbors said he was blind with rage when he broke down the door*» [WED].

Аналогичная полисемия отмечается у его немецкого когната *blind*: 1) слепой; 2) ослепленный каким-л. чувством: «*vor Wut Dat blind sein* - être aveuglé(e) par la colère» [https://de.pons.com], ‘ослепленный гневом’; *А когда он, ослеплённый болью и обидой, встал с пола и, наклонив голову, быком пошёл на Якова, говоря ему:” Н-ну, держись! Я тебя… “ — он увидал, что Яков жалобно плачет* (Максим Горький. Трое (1900—1901)). Dann stand er auf und stürzte, blind vor Wut und Schmerz, mit dem Kopfe voran auf Jakow los. «Wart’, mein Freund! Dich will ich…» rief er zornig. Da sah er, wie Jakow, mit den Ellbogen auf den Tisch gestützt, bitterlich weinte, während Mascha neben ihm stand und mit tränenerstickter Stimme zu ihm sprach [НКРЯ].

(14) Испанское прилагательное *ciego* — ‘слепой’, используется в следующих значениях: «1. Ofuscado o incapacitado para pensar con claridad: *No te das cuenta de que te engaña, porque el amor te ha vuelto ciego*. 2. Poseído o dominado por un sentimiento o por una inclinación fuertes: *ciego de ira*» [DCD], ‘1. Ослепленный или неспособный ясно соображать: Ты не понимаешь, как ты ошибаешься, потому что любовь тебя сделала слепым. 2. Одержимый или находящийся под сильным действием какого-либо чувства или влече-

ния: букв. слепой от гнева'; «*ciego de celos* → blind with jealousy; *ciego de dolor* → in absolute agony; *ciego de ira o rabia* → blind with rage» [CSD].

В функции маркера сильной эмоции используется также итальянский когнат *cieco* 'слепой': «*cieco d'ira* [*d'amore*] — ослеплённый гневом» [СМИ, 169]; «che ha la mente annebbiata, turbata: *c. dalla passione*, *dalla gelosia*, *c. d'ira*, *di rabbia*» [VT], 'тот, у кого разум затуманен, в смятении; слепой от страсти, от ревности, от гнева, от ярости'; «[privo del lume della ragione <…> ≈ folle, pazzo» [SCT], 'потерявший разум <…> ≈ безумный, безрассудный'.

2. Состояние человека, подобное состоянию человека, испытывающему неприятные физиологические ощущения, слабость и т.п.

2.1. Прилагательные *malade* (франц.), *malato* (ит.), *ill* и *sick* (англ.) — 'больной', выступают в функции $Magn_2$ при лексических единицах, обозначающих негативные эмоциональные или ментальные состояния. В основе этого значения у названных единиц лежит, по-видимому, компонент фрейма 'болеть' — 'испытывать неприятные физиологические ощущения'.

(1) *Malade*: *malade d'anxiété*, *de chagrin*, *de colère*, *de dégoût*, *de fureur*, *de haine*, *d'humiliation*, *d'impatience*, *d'incertitude*, *d'inquiétude*, *de jalousie*, *de peur*, *de tristesse* [DDC; LFV; PR, 1029; TR], букв. 'больной от беспокойства, от печали, от гнева, от отвращения, от ярости, от ненависти, от чувства унижения, от нетерпения, от чувства неуверенности, от беспокойства, от зависти, от страха, от грусти'.

Подобное употребление совершенно не характерно для русского прилагательного *больной*, и при переводе обычно используются русские $Magn_1$'ы типа *очень*, *сильно*, *страшно* и т.п., например: *je suis malade d'inquiétude* — я стра́шно беспоко́юсь. Иногда переводчики прибегают к другим $Magn_2$, например, к глаголу *умирать* (см. о нем ниже): *Il sait que nous sommes en train de prendre l'apéro et ça le rend* <u>*malade de jalousie*</u> (Benacquista, Tonino. Saga). Он знает, что мы сейчас пьем аперитив, и <u>умирает от зависти</u>.

Выход из неприятного эмоционального состояния может обозначаться глаголом *guérir* 'выздоравливать', что вполне логично: *malade d'anxiété*, *de peur* — 'больной от

беспокойства, от страха' и *guerir de l'anxiété*, *de peur* — 'выздороветь от беспокойства, от страха' Например: (а) ... *et de sa peur guérie elle recommençait à rire* (Théophile GAUTIER. Albertus ou l'Âme et le péché), букв. 'выздоровев от страха, она снова начала смеяться'; (б) ... *ils se sentirent guéris de l'anxiété intolérable dont ils avaient souffert* (La Faute de l'Abbé Mouret. Zola, Emile), букв. 'они почувствовали, что выздоровели от невыносимого беспокойства, которое их мучило'.

(2) Итальянское прилагательное *malato* используется в функции $Magn_2$ при названиях таких эмоций и качеств, как *gelosia* — 'ревность', *invidia* — 'зависть', *avarizia* — 'скупость' и т.д.: «Che è dominato da un forte sentimento: *m. di gelosia*» [GDH], 'тот, кто находится во власти сильной эмоции: больной от ревности'; «in preda a una passione incontrollata: un marito m. di gelosia» [SCD], 'во власти неконтролируемой эмоции: муж, больной от ревности'.

(3) Английское прилагательное *ill* в конструкции с предлогом *with* может использоваться в функции $Magn_2$ при словах, обозначающих эмоции. К сожалению, в английских толковых словарях это значение не отмечается, но в словаре [НБАРС] приведен пример *she is ill with anxiety* — её мучает тревога. Встречаются подобные примеры и в художественной литературе: *It screamed and bellowed and farted oily blue smoke in a crazed kind of mechanical madness that made Harold feel ill with terror* (Stephen King. The Lawnmower Man (1975)). Она визжала, ревели и с громкими хлопками выбрасывала в воздух голубые облачка маслянистого дыма. Это было какое-то механическое сумасшествие, переполнявшее Гарольда ужасом, у него просто голова пошла кругом [НКРЯ].

(4) Прилагательное *sick* имеет два значения — 'больной' и 'испытывающий тошноту': «1. a. affected with disease or ill health; b. queasy, nauseated» [MWD]. В сочетании с предлогом *with*, после которого идет имя эмоции, *sick* выступает в значении $Magn_2$: «deeply affected with some unpleasant feeling» [ID]. Примеров очень много, приведем лишь несколько: (а) <…> *they'll be sick with jealousy* (Lemony Snicket. The Erzatz Elevator (2001)), <…> они лопнут от зависти [НКРЯ]; (б) *Dorian Gray grew sick with fear* (Oscar Wilde. The Picture of Dorian Gray (1890—1891)). Дориан Грей обомлел от страха [НКРЯ];

(в) <…> *until an incident occurred which* <u>*made her sick with rage*</u> (Margaret Mitch-ell. Gone with the Wind, Part 2 (1936)). <…> пока не произошел один случай, <u>доведший ее до полного бешенства</u> [НКРЯ]; (г) <…> <u>*sick with a wild terror*</u> *of dying* (Oscar Wilde. The Picture of Dorian Gray (1890—1891)). <…> <u>изнемогая от дикого страха</u> смерти [НКРЯ].

Нам представляется, что в основе переносного значения лежит смысл ‘больной’, а не смысл ‘испытывающий тошноту’ (хотя такая возможность в принципе могла бы иметь место), поскольку прилагательное в переносном значении сохраняет модель управления, присущую ему в значении ‘быть больным’. Ср. *sick with an inflamed throat*, *sick with a wound* и *sick with terror*, *sick with anxiety and impatience*.

(5) Немецкое прилагательное *krank* — ‘больной’, в конструкции *krank vor S* может использоваться в значении $Magn_2$. Например: *krank vor Eifersucht / Aufregung* — malade de jalousie/à cause de l’énervement [PONS], букв. ‘больной от ревности, от волнения’.

Своеобразие немецкого прилагательного состоит в том, что оно образует сложные прономинальные глаголы, передающие смысл Magn: «в конструкциях с глаголом и с *sich* (*sich krankarbeiten*, *sich kranklachen*, *sich krankschreien* etc.) подчёркивает предельную исчерпанность действия: до изнеможения, до ужаса, до одури, до слёз, крайне, предельно» [НРСЛ]. Например: (а) прономинальный глагол *sich krankarbeiten* — ‘работать очень много, до изнеможения’, ≈ ‘уработаться; доработаться до болезненного состояния (до болезненных ощущений)’; (б) *sich krankärgern* — ‘ужасно рассердиться’ (*ärgern* — ‘сердить, раздражать’), ≈ ‘рассердиться до состояния болезни’; «sich sehr ärgern. Beispiel: *über dieses voreilige Versprechen habe ich mich später krankgeärgert*» [Duden], ‘очень сильно рассердиться; позже я страшно рассердился на эти опрометчивые обещания’; (в) *sich kranklachen* — ‘смеяться до упаду’ (*lachen* — ‘смеяться’); «*sich krank lachen* — разг. хохотать до слез (до упаду); «*Geh mal in dieses Lustspiel! Du lachst dich krank*» [НРСЛ], ‘Сходи на эту комедию, ты будешь хохотать до слез’.

2.2. Французские глаголы *mourir*, *crever* — ‘умирать’, *périr* — ‘погибать’, русский глагол *умирать*, итальянский глагол *morire*, португальский глагол *morrer*, немецкий гла-

гол *sterben*, английский глагол *to die* в сочетании с предлогом и названием эмоции обозначают нахождение субъекта в очень тяжелом, мучительном состоянии.

Mourir (франц.): «MOURIR DE: être très affecté par; souffrir de» [PR, 1121]. Ср. рус. *умирать*: «Лишаться сил, изнемогать под воздействием каких-либо сильных ощущений, чувств, страстей и т.п.» [Ефр]. Однако круг имен эмоций, встречающихся в конструкциях с французскими глаголами, значительно шире, чем для их русского аналога: *mourir de peur*, *de chagrin, d'effroi, de dépit*, *de honte*, *de rage*, *d'anxiété*, *de trouille*, *d'amertume*, *de tristesse* [TR; DCP] — *умирать от страха*, **от печали*, *от ужаса*, **от досады*, *от стыда*, **от ярости*, **от горечи*, **от грусти* и т.п. С течением времени границы исходной сочетаемости французских глаголов размываются, и в выражениях типа *mourir de joie, de plaisir* они выступают просто показателями высокой степени. Заметим, что в некоторых случаях и русский глагол *умирать* является лишь показателем сильной эмоции, не отягощенной никакими страданиями. Так, *умирать от скуки* значит просто 'очень сильно скучать'.

Глаголы *morire* (ит.), *morrer* (порт.) — 'умирать' тоже используются в качестве маркера нахождения под властью сильной эмоции. *Morire*: «Con valore iperb. provare una sensazione, un sentimento con molta intensità» [SCD], 'испытывать очень интенсивное ощущение, чувство'; «*morire di piacere*, *di felicità*; <…> *di rabbia*, *d'invidia*» [VT], букв. 'умирать от удовольствия, от счастья <…> от ярости, от зависти'; *morrer*: «Sentir algo com grande intensidade (ex.: *morrer de fome*; *morrer de saudades*)» [PRB], ≈ 'испытывать сильное ощущение (умирать от голода, от тоски)'.

Такая же функция есть и у немецкого глагола *sterben*: «*sterben* <in übertragener Bedeutung>: vor Angst, Scham, Langeweile, Neugier» [Duden], 'перен. умирать от страха, стыда, скуки, любопытства'. Аналогичное употребление имеет и английский глагол *to die*: «to be overwhelmed by emotion: *die of embarrassment*» [MWD].

2.3. Прилагательные *mort* (франц.), *morto* (ит.), *muerto* (исп.), *dead* (англ.) — 'мертвый', *demi-mort*, *half-dead*, *halbtot* (нем.) — 'полумертвый', рус. *мертвый*, *полумертвый* и др. маркируют потерю под действием сильной эмоции свойств, присущих живому человеку. *Mort*: «Qui est privé pour des raisons intérieures ou extérieures (la fatigue, la

maladie, la peur, etc.) d'une partie importante de ses moyens» [TR], 'тот, кто лишен по внешним или внутренним причинам (усталость, болезнь, страх) значительной части своих возможностей'. *Dead*: «bereft of sensation; numb: *He was half dead with fright. My leg feels dead*» [ID]. Ср. определение рус. *омертветь*: «Стать неподвижным, безжизненным, бесчувственным» [Ефр].

Аналогично употребляются немецкие *tot* — 'мертвый' и *halb tot* — 'полумертвый', с предлогом *vor*: «*halb tot vor Angst* [*Furcht*, *Schrecken*] *sein* — быть еле живым от страха» [НРСЛ]. Как и прилагательное *krank*, *tot* образует сложные прономинальные глаголы со значением Magn. Например: (а) *sich totlachen* — 'смеяться до упаду, помирать со смеху', *lachen* — 'смеяться'; «übermäßig, ohne Aufhören (über etw.) lachen: *er hat sich über den Witz beinahe totgelacht*» [DWDS], 'чрезмерно, безостановочно смеяться: От этой шутки он чуть не умер от смеха'. Приведем пример из художественной литературы: *Über dies Stückchen wollte sich der Großsultan, der von ungefähr vorbeispa-zierte, fast totlachen* (Gottfried August Bürger. Die Abenteuer des Freiherrn von Münchhausen (1786)). Великий султан, случайно проходивший мимо, чуть не умер от хохота над этой проделкой [НКРЯ]; (б) *sich totärgern* — 'очень страшно, ужасно сердиться', *sich ärgern* — 'злиться, сердиться'; «sich grenzenlos ärgern; Beispiel: *er hat sich über die dauernden Vorwürfe totgeärgert*» [DWDS], 'крайне рассердиться; он страшно рассердился на постоянные упреки'.

Отметим также русский глагол *уморить* [7]: «Уморить <…> со словами "со смеху" и без них. Заставить смеяться, насмешить до изнеможения. *Он нас всех уморил. Уморить со смеху*» [УШ].

II.2. Выражения, связывающие эмоцию и реакцию человека на эту эмоцию. Типы реакций человека на сильную эмоцию.

Симптоматические выражения рассматриваемого типа — это единицы, «описывающие физиологическую, непосредственно наблюдаемую реакцию человека» [1, 459] на ту или иную эмоцию. Реакция человека на сильную эмоцию может проявляться в изме-

[7] Корень *мор*-: «моръ <…> морить; уморить, <…> уморительный <…> Переглас. к мереть» [Пр, 559], «мереть, мру, мрёшь; (дов.рѣдко); обыкн. умереть» [Там же, 526].

нении параметров звучания: «под влиянием эмоционального воздействия голос в разговоре *дрожит*, часто становится громче обычного, доходит до крика и, как говорят по-русски, *срывается* или *рвется*» [7, 30]. Временная потеря дара речи также является симптомом сильной эмоции. Во французском языке, например, это маркируется прилагательным *muet* (*être*, *rester muet*) — ‘немой’, выражением *perdre la parole* / *perdre le don de la parole* — ‘терять дар речи’: *être*, *rester muet d’admiration, d’étonnement, d’indignation, de peur* — ‘потерять дар речи от восхищения, удивления, негодования, страха’ и т.п. Аналогично используется португальский и итальянский когнаты *mudo* (см. [MMD; VT]). См. также англ. *speechless* — ‘лишившийся дара речи, онемевший’, «*speechless with alarm*» [ID], нем. *stumm* — ‘немой’: «*er war stumm vor Schreck* (konnte vor Schreck nichts sagen)» [Duden], ‘он онемел от страха (ничего не мог сказать от страха’) и др. Противоположной реакцией на сильную эмоцию могут стать: 1) громкие крики, вопли, например, франц. *hurler* — ‘выть; вопить’ (*hurler de désespoir*, *de douleur*, *de terreur*, *d’épouvante*, *de joie* — ‘выть от отчаяния, от боли, от страха, от ужаса, вопить от радости’); 2) действия, которые могут сопровождаться звуками, например франц. *pleurer* — ‘плакать’ (*pleurer de dépit*, *d’admiration*, *de rage* — ‘плакать от досады, от восхищения, от ярости’). Реакция на сильную эмоцию может заключаться во временной потере способности двигаться (напр., франц. *immobile d’étonnement* [TR] — ‘неподвижный от удивления’), в неконтролируемых физиологических реакциях (например, покраснение в случае стыда), в жестикуляции (например, прикрыть рот от изумления; см. о различии неконтролируемых физиологических реакций на эмоцию и симптоматических жестов в [7, 114]) и т.д.

II.3. Симптоматическая лексика со встроенной эмоцией

У некоторых симптоматических единиц есть еще один круг употреблений в функции показателя силы эмоции, в которых эмоция уже встроена в их значение. См., например, франц. *fou*: «FOU DE (qqn, qqch.): qui a un goût extrême pour ⇒ amoureux, engoué, entiché, passionné. *Elle est folle de lui. Être fou de musique, de peinture*» [PR, 735], ≈ ‘FOU DE (qqn, qqch.): тот, кто испытывает сильное пристрастие к кому-л., чему-л. Она без ума от него. Она безумно любит музыку, живопись’. Таким образом, у франц. *fou*

встроенной эмоцией является сильное влечение к чему-л., кому-л. Ср. рус. *сходить с ума*: «Страстно мечтать, проявляя безрассудство. Имеется в виду, что лицо (X), испытывая чрезмерное влечение к другому лицу (Y), к какому-л. предмету, вещи (Z), ведёт себя излишне эмоционально, до нелепости восторженно. <…> *Не по летам рано начал он ухаживать за девушками, и, как сказывала Верочка, некоторые по нему с ума сходят*. В. Соколов, Вторжение» [БФСРЯ, 686]. Заметим, что в этих случаях и *fou*, и рус. *сходить с ума* обозначают не эмоциональное состояние, а эмоциональное отношение (см. о различии эмоциональных состояний и отношений в [4, 444]). Производный от *fou* глагол *s'affoler* означал 'терять голову под влиянием сильных эмоций'. Однако со временем глагол стал использоваться только для описания состояния, вызванного страхом «À l'époque actuelle le sentiment qui commande l'acte d'affoler est le plus souvent la peur» [TR], ≈ 'в настоящее время эмоцией, вызывающей действие *affoler*, чаще всего является страх'. У глагола *pâmer* (*se*) тоже выделяется употребление со встроенной эмоцией — эмоцией восторга (admiration): «*Se pâmer à*, *devant qqn*, *qqc.* <…> Être affecté de, affecter la plus grande admiration pour quelqu'un, pour quelque chose» [там же], '*Se pâmer à*, *devant qqn*, *qqc.* означает испытывать или делать вид, что испытываешь необыкновенно сильное восхищение кем-то или чем-то'.

Другим примером симптоматической единицы со встроенной эмоцией, выступающей в функции показателя интенсивности переживаемой эмоции, является французское существительное *maladie* — 'болезнь' (от прилагательного *malade*, см. выше). В выражении *en faire une maladie* это слово означает сильное недовольство, сильную досаду: «*en faire une maladie* fam. очень расстраиваться, убиваться» [ГрГр, 354]; «En faire une maladie, être très contrarié de qch. [DFC, p. 717], 'быть очень недовольным, раздосадованным чем-то'; «*Si elle n'était pas invitée, elle pourrait en faire une maladie* = éprouver une grande déception, une contrariété extrême» [DFV, p. 740], 'Если бы ее не пригласили, она была бы страшно расстроена = испытать большое разочарование, недовольство'.

II.4. Симптоматическая лексика в функции субъектного Magn'a

Симптоматические единицы лежат в основе образования так называемых субъектных Magn'ов [8]. Отличительная черта сочетаний с субъектными Magn'ами состоит в том, что, хотя формально показатель интенсивности относится к слову, обозначающему эмоцию, в действительности характеристика дается субъекту эмоционального состояния: «*безудержный* (*хохот*), *бездушный* (*эгоизм* — у субъекта нет души, а не у эгоизма, ср. *бездушный эгоист*)» [9, 261]. Прилагательное *fou* — 'сумасшедший, безумный', является примером симптоматической единицы, развившей значение субъектного Magn'a, причем и в этой функции оно тоже маркирует самую высокую степень интенсивности, например, *une rage folle* — 'безумная ярость', *une folle colère* — 'дикий, безумный гнев', *folle terreur* — 'безумный страх', такая сильная ярость, такой сильный гнев и такой сильный страх, что их невозможно обуздать, с ними нельзя справиться, «Qui ne peut être contenu, maîtrisé» [TR].

Испанское прилагательное *loco* — 'сумасшедший', тоже используется как субъектный Magn: (а) <…> *un poeta antioqueño que tenía un amor loco por la carpa* (Gabriel García Márquez. Vivir para contarla (2002)). <…> поэт Антиокии, который пылал сумасшедшей любовью к цирковым шатрам [НКРЯ]; (б) <…> *he tenido la debilidad de abandonarme a una ira loca, poniéndome al bajo nivel de mis detractores* (Benito Pérez Galdós. Doña Perfecta (1876)). <…> я проявил слабость, впав в безумный гнев, опустившись до уровня своих обидчиков [НКРЯ]. Аналогичную функцию имеет и итальянское *pazzo* — 'сумасшедший, безумный', например: «*darsi alla pazza gioia* — предаваться безумной радости» [СМИ, 584], «*darsi alla p. gioia*, abbandonarsi a un godimento sfrenato» [VT], ' *darsi alla p. gioia*, предаваться безудержной радости'.

Французское отглагольное прилагательное *délirant* (от глагола *délirer* — 'бредить'), как и прилагательное *fou*, развило значение субъектного Magn'a, например, *une fureur*, *une joie délirante* — 'безумный гнев, безудержная радость'. Примеры из художественной литературы: (а) *Une joie délirante, un attendrissement infini devant la splendeur des choses noya son coeur qui défaillait* (Maupassant, Guy de / Une vie). Безудержная радость, безграничное умиление перед красотой мира, затопило ее замиравшее сердце

(www.lingvolive.com; (б) *Elle se rappelait l'espèce de fureur délirante qui s'était emparée de lui lorsqu'elle lui avait raconté dans le souterrain les terreurs qu'elle venait d'affronter pour arriver jusqu'à lui* (Sand, George / Consuelo. Tome III). Она помнила, в какое безумное исступление пришел Альберт, когда она рассказала ему в подземелье о тех ужасах, которые пришлось ей пережить по дороге в замок (www.lingvolive.com).

Подобно *fou* и *délirant*, прилагательное *éperdu* — ‘растерявшийся, потерявший голову’, выступает в функции субъектного Magn’a: *un amour éperdu* — ‘безумная любовь’, *une reconnaissance éperdue* — ‘безграни́чная благода́рность’, *une tendresse éperdue* — ‘безумная нежность’, *désir éperdu* — ‘безумное желание’, *l’admiration la plus éperdue* — ‘самый неумеренный восторг’ и т.п. Например: *И вот эта моя мама… красавица… обожавшая музыку, знающая несколько языков, она до беспамятства любила Сталина* (Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (ч. 1) (2013)). Eh bien, maman… Une beauté, une femme qui adorait la musique et qui parlait plusieurs langues… Elle vouait un amour éperdu à Staline [НКРЯ]. Во французской фразе выражение *до беспамятства любила Сталина* переведено как *vouait un amour éperdu*, букв. ‘посвящала безумную любовь Сталину’.

Английское прилагательное *frantic* — ‘безумный, сумасшедший’, также используется в значении субъектного Magn’a: (а) *I forbear to describe the tears and terror, and frantic desperation in which the poor boy was plunged* (Thackeray, William Makepeace / The Newcomes). Трудно описать, в какое безумное отчаяние впал бедный мальчик, какой страх испытал, сколько слез пролил [https://www.lingvolive.com]. (б) <…> *a frantic horror succeeded my repulsion* (Wells, Herbert George / The Island of Doctor Moreau). <…> отвращение сменилось ужасом [https://www.lingvolive.com].

В роли субъектного Magn’a используется также немецкое прилагательное *besinnungslos* — ‘находящийся в бессознательном состоянии’: «unbändig, maßlos; Beispiele: *besinnungslose* (= *blinde*) *Wut*; *besinnungsloser Hass*; *uns erfasste eine besinnungslose Angst*» [DWDS], ‘неукротимый, безмерный, безграничный; необузданный. Примеры: неистовая (слепая) ярость; слепая ненависть; нас охватил безумный страх’.

Еще один пример субъектных Magn'ов представлен русским прилагательным *слепой*. Оно маркирует потерю контроля человека над своими чувствами и поведением — выход из-под контроля его сознания, «следящего устройства, способного со стороны наблюдать за поведением человека» [1, 360]. А «исходная характеристика субъекта метонимически «перемещается» к абстрактному существительному в качестве Magn'а» [8, 262].

Другие примеры субъектных Magn'ов:

Французское прилагательное *aveugle* — 'слепой', «Il se dit aussi des Passions mêmes qui troublent le jugement, qui privent de lumières, de raison. *Désir aveugle. Ambition aveugle. Amour aveugle. Fureur aveugle*» [AC 1935], 'говорится также о сильных чувствах, которые вызывают помутнение сознания, лишают способности здраво мыслить'; «*une fureur, une colère, une confiance une haine, une frayeur*, *une peur*, *une rage aveugle*» [DCP], 'слепые ярость, доверие, ненависть, страх, испуг, бешенство'.

Английское прилагательное *blind*: 1) слепой; 2) «[only before noun] a blind emotion or belief is so strong that you do not question it in any way, even if it is unreasonable: *Their opposition to the plan seemed to be driven by blind prejudice*. *blind faith/obedience/loyalty* etc.: *blind loyalty to the leadership*; *blind panic*/*rage*/*terror*: *In a blind panic, I dropped the bag and ran*» [MD]; «used to describe an extreme feeling that happens without thought or reason: *blind anger*/*faith*/*prejudice* » [CAL].

Немецкое прилагательное *blind*: 1) слепой; 2) «maßlos; Beispiele: *blinder Hass* (ненависть)*, Zorn* (гнев)*, blinde Wut* (ярость)*, Gier* (жадность)*, Leidenschaft* (страсть); *ein blinder Trieb* (влечение); *er war von blinder Entschlossenheit erfüllt*; *in blinder* (= *kopfloser*) *Angst davonlaufen* (убегать)» [DWDS], 'чрезмерный, необузданный; Примеры: слепая ненависть, гнев, ярость, жадность, страсть, влечение; букв. он был преисполнен слепой решимостью; убегать в слепом страхе'.

См. также испанское *ciego* и итальянское *cieco*. *Ciego*: *Entregarse a* <u>*la ira ciega*</u> *es señal de que se está cerca de la animalidad* (Camilo José Cela. La Colmena (1951)). Способность предаваться <u>слепой ярости</u> — признак того, что человек недалеко ушел от живот-

ного [НКРЯ]. *Cieco*: «che rende ciechi, quindi incapaci di controllo: *un odio c.*; *passione c.*» [SCT], ‘то, что делает слепыми, следовательно, неспособными контролировать что-л.: слепая ненависть, слепая страсть’.

II.5. Симптоматическая лексика в функции $Magn_1$

1. Симптоматическая лексика может использоваться в качестве «обычных» Magn’ов ($Magn_1$ — ‘большой’):

(1) Последней стадией семантического развития французского прилагательного *fou* является зафиксированное в начале 19 в. значение «чистого» $Magn_1$, т.е. значение ‘очень’ / ‘большой’ (в этом значении оно стоит после определяемого слова): «(déb. XIXe) (après le subst.) ⇒ énorme, excessif, extraordinaire, immense, prodigieux. *Il y avait un monde fou à cette réception*» [PR, 735], ‘огромный, чрезмерный, необычайный, громадный, колоссальный. На этом приеме было очень много народа’; «*Avoir un mal de tête fou*» [EL], ‘испытывать сильную головную боль’; «*Ma brochure a un succès fou* (P.L. COUR. Lett. II, 165)» [EL], ‘Моя брошюра имела огромный успех’. Приведем для иллюстрации два примера из художественной литературы: (а) *Да, много хлопот, — говорил он тихонько. — Вон хоть бы в плане — пропасть еще работы!..* (И. А. Гончаров. Обломов)). Oui, j’ai beaucoup de soucis, disait-il tout bas. Le plan à lui seul réclame encore un travail fou [НКРЯ]. (б) <…> *le ravitaillement en bois représente de «folles dépenses» en argent et en hommes* (Braudel, Fernand / Les structures du quotidien) <…> обеспечение лесом требует «безумных затрат», денежных и трудовых [https://www. lingvolive.com].

(2) Значение $Magn_1$ — ‘очень’ / ‘большой’, отмечается у отглагольного прилагательного *délirant*: *le prix délirant* (Giraudoux, Siegfried et le Limousin); *le prix délirant* — ‘безумная цена’.

(3) Значение ‘большой’, ‘очень’ зафиксировано у прилагательного *éperdu*: «Très violent <…> *Un besoin éperdu de bonheur*» [PR, 599], ‘Очень сильный <…> Безумная потребность в счастье’.

(4) Итальянское прилагательное *pazzo* — ‘сумасшедший’, в позиции после существительного выступает в функции «обычного» Magn’a (‘большой, сильный’): «In

funzione rafforzativa, posposto al s.» [GDH], ‘в постпозиции к существительному в функции усилителя’; «*spese pazze* — безумные расходы» [СМИ, 584], «*correre a una velocità p.*» [VT], ‘мчаться на безумной скорости’.

(5) Испанское *loco* выступает в функции $Magn_1$: «Muy grande o que excede a lo normal: *Tengo unas ganas locas de viajar*» [DCD], ‘Очень большой или такой, который больше нормы: Я очень хочу путешествовать’, букв. ‘Я имею безумное желание путешествовать’.

(6) Английское *mad* — ‘сумасшедший’, используется в лексической функции $Magn_1$: «US. great in quantity, amount, extent, or degree: *making mad money*. *Her performance won her mad respect from fans and peers alike, but the media response was tempered at best*» [MWD].

(7) Еще один пример развития значения $Magn_1$ представлен английским прилагательным и наречием *raving* [8]: «Adj. extraordinary or remarkable: *a raving beauty*. Adv. furiously or wildly*: a remark that made me raving mad*» [ID], «Used to emphasize the bad or extreme quality of someone or something. *Actually, McReynolds was a raving anti-Semite, and a racist, too. Lindbergh of course was not exactly a raving lefty* [OD]; «complete or extreme, or completely or extremely: *He must be a raving idiot/lunatic*. *Her last book was a raving best-seller/success*. *She’s no raving beauty* [CAL]; *This produced a settled gloom, which in time developed a morbid insanity, and finally terminated in raving madness* (Charles Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club (1836—1837)). Это привело к меланхолии, которая со временем развилась в душевное расстройство и закончилась буйным помешательством [НКРЯ].

(8) Английское *frantic* — ‘сумасшедший, безумный’, тоже выступает в значении $Magn_1$: *frantic speed*, *frantic noise* [https://www.lingvolive.com], *frantic muddle*, *frantic toothache* [НБАРС].

---

[8] *To rave* — ‘бредить’; *raving* — ‘бредящий, находящийся в бреду’, «raving: late 15c.; see RAVE (Cf. rave); sense of "remarkable" is from 1841» [OED].

(9) Русские прилагательные *сумасшедший* и *безумный* тоже развили значение $Magn_1$: *сумасшедшие/безумные цены*, *деньги*, *прибыли* и т.п.

2. Во французском языке функция $Magn_1$ реализуется также в конструкциях вида *S à* V_{inf}, где S — название эмоции или какого-л. свойства, а V_{inf} — симптоматический глагол в инфинитиве (см., например, [16]). В итальянском языке используется аналогичная конструкция *S da* V_{inf}, Приведем несколько примеров:

(1) Глаголы *mourir* —'умирать' и *périr* — 'погибать: (а) *s'ennuyer à mourir* — 'смертельно скучать', 'так скучать, что можно умереть'; *s'ennuyer* — 'скучать'; ср. *mourir d'ennui* — 'умирать от скуки'; (б) *ennuyeux à périr* — 'смертельно скучный', 'такой скучный, что можно умереть'; *ennuyeux* — 'скучный'; ср. *périr d'ennui* —'умирать со скуки'; (в) *heureux à mourir* — 'очень счастливый', ≈ 'счастливый до смерти', 'такой счастливый, что можно умереть'; *heureux* — 'счастливый'; (д) *triste à périr* — 'очень грустный', ≈ 'грустный до смерти'; *triste* — 'грустный'.

(2) Итальянский глагол *morire* —'умирать': *una paura da morire* — 'смертельный страх', 'такой страх, что можно умереть': «Locuz. prep.: fam., *da morire* [in maniera estrema: *mi piace da m.*]» [SCT], ≈ 'предложная конструкция *da morire* [очень сильно: *mi piace da m.* — 'мне очень нравится']'. Ср. *morire di paura* — 'умирать от страха' и рус. Magn *до смерти* [КСРИД].

(3) Итальянский глагол *impazzire* — 'сходить с ума', *mi piace da impazzire* — 'безумно нравится', 'так нравится, что можно сойти с ума': «*Da impazzire*, moltissimo, oltre ogni limite» [GDH], 'очень сильно, безгранично нравится'. Ср. рус. Magn *до безумия* [КСРИД].

(4) Французский глагол *pleurer* — 'плакать': (а) *triste à* (*faire*) *pleurer* [PR, 1325] — 'очень грустный', ≈ 'грустный до слез'; *attendrissant à pleurer* — 'очень трогательный', ≈ 'трогательный до слез'; *attendrissant* — 'трогательный'; ср. *pleurer d'attendrissement* — 'плакать от умиления'. Выражения типа *bête à pleurer* — 'такой глупый, что хочется плакать' означают 'такой глупый, что <u>от жалости</u> хочется плакать', ср. рус. Magn *до слез* [КСРИД].

(5) Французский глагол *hurler* — ‘выть, вопить’: *douloureux à hurler* — ‘очень мучительный’, ≈ ‘такой мучительный, что хочется выть’, *douloureux* — ‘мучительный’; ср. *hurler de douleur* — ‘вопить от боли’. 5. Глагол *pâmer* (*se*) — ‘млеть от восхищения’ (глагол со встроенной эмоцией восхищения): «*Qqc. à faire pâmer qqn.*» — ‘восхитительный’, «Quelque chose à transporter quelqu’un de ravissement» [TR], ‘То, что заставляет кого-то прийти в восхищение’. Ср. рус. Magnы *до бесчувствия*, *до потери сознания* и т.п. [КСРИД].

Выводы

Мы дали краткий обзор лексических единиц, выступающих в качестве маркеров сильных эмоций. В центре нашего внимания была симптоматическая лексика. В работе использована аббревиатура Magn для обозначения ‘высокой степени, интенсивности эмоции’. Было выделено два основных класса показателей высокой степени интенсивности — Magn’ов:

I класс. $Magn_1$ — Magn’ы, обозначающие интенсивность, силу самой эмоции. Этот подкласс включает три подкласса: 1) «Обычные» Magn’ы: (*большой*, *сильный*, *глубокий*); 2) Magn’ы-предикаты, обозначающие сильное проявление эмоции в человеке. Например: *обуревать* (ярость), *кипеть* (злоба), *бурлить* (ревность), *бушевать* (страсть) и т.п. 3) Фреймовые Magn’ы.

II класс. $Magn_2$ — Magn’ы, обозначающие силу, интенсивность эмоции путем отсылки к субъекту эмоции. В этот класс входят выражения двух типов:

1. Выражения, связывающие эмоцию и воздействие этой эмоции на человека, например, *испепелять* (*ненависть*).

2. Симптоматическая лексика, «выражения, описывающие внешние проявления эмоциональных состояний человека» [1, 361], «Симптом (греч. *symptoma* — совпадение, признак) — телесные или психические признаки, свидетельствующие об изменении обычного или нормального функционирования организма» [ПСС].

В рамках симптоматической лексики мы выделили два класса Magn’ов:

1) Выражения, связывающие эмоцию и состояние человека, находящегося во власти этой эмоции. Под действием сильной эмоции человек может утрачивать способность адекватно воспринимать окружающую действительность и адекватно реагировать на окружающих его людей (рус. *вне себя*, франц. *fou* и т.п.), испытывать неприятные физиологические ощущения, слабость, лишаться сил и т.п. (франц. *malade*, *mourir*, англ. *ill*, *sick*, нем. *sterben* и т.п.), терять чувствительность (англ. *dead*) и т.д.

2) Выражения, связывающие эмоцию и реакцию человека на эту эмоцию, — такую, например, как временная потеря дара речи (нем. *stumm*, франц. *perdre la parole*).

Мы рассмотрели также употребление симптоматической лексики в функции субъектного Magn'а (франц. *une rage folle* — 'безумная ярость', ит. *pazza gioia* — 'безумная радость' и т.п.) и в функции $Magn_1$ (например, ит. *una paura da morire* — 'смертельный страх', франц. *triste à pleurer* — 'очень грустный' и т.д.). Симптоматическая лексика составляет большой пласт в языке и является одним из ярких средств повышения экспрессивности речи.

Примечания

1. Magn'ы первого класса — *сильный* (*страх*), *глубоко*е (*отвращение, раскаяние*) и т.п., соответствуют в модели «Смысл ↔Текст» лексической функции Magn. Magn'ы второго класса — *умирать* (*от страха*), *сходить с ума* (*от скуки*) и т.п., являются лексическими функциями $MagnOper_1$, см., например, [DCP] и [9; 14].

2. Ю. Д. Апресян различает два типа симптоматических выражений: «К первому типу относятся выражения, описывающие физиологическую, непосредственно наблюдаемую реакцию человека на страх*: белеть* <бледнеть> *от страха*, *дрожать <трястись> от страха*, *сжаться от страха, цепенеть <застывать, не мочь даже пальцем пошевелить> от страха*, *онеметь от страха* <…>. Ко второму относятся метафорические выражения, отражающие не реально наблюдаемые эффекты, а концептуализацию страха говорящими*: каменеть <столбенеть> от страха*, *Страх сковывает, <парализует> кого-л., Страх пронизал его душу, Страх леденит кровь, кровь стынет <леденеет> в жилах от страха* и т.п. Есть и такие выражения, которые образуют промежуточное звено

между двумя группами, и с равным успехом могут классифицироваться как буквальные или метафорические; ср. *холодеть от страха*» [1, 459]. Указанное разграничение симптоматических выражений является, безусловно, чрезвычайно важным. Однако для целей настоящей работы это противопоставление представляется нерелевантным, во всяком случае наши рассуждения в равной мере относятся к симптоматической лексике обоих типов.

3. Рус. *сходить с ума* имеет четыре значения (наша трактовка не совпадает с описанием этого фразеологизма в [БФСРЯ]): **I.** ʻСстановиться психически больным человекомʼ; при этом дополнение вида *от S* указывает на причину этого процесса, например, *сойти с ума от горя, от страха* и т.п. **II**. С дополнением вида *от S* выражение *сходить с ума* означает ʻиспытывать эмоцию S такой интенсивности, что субъект теряет контроль над своим поведениемʼ; например, *сходить с ума от страха, от ревности* и т.п. В этом употреблении фразеологизм близок по значению к русским выражениям *вне себя*, *не помнить себя*, французскому *fou de S*. Заметим, что для выражений первого класса (*сходить с ума от горя*) более характерно употребление совершенного вида глагола, для выражений второго класса (*сходить с ума от ревности*) возможно употребление только несовершенного вида. Но и в тех случаях, когда глагол *сходить* стоит в форме несовершенного вида, различие между двумя значениями конструкции очевидно: в первом случае обозначается процесс, во втором — состояние. **III**. ʻИспытывать страх, беспокойство такой интенсивности, что субъект теряет контроль над своим поведениемʼ; например, *Уже поздно, надо идти домой, мама уже, наверное, с ума сходит*. **IV**. Значение $Magn_2$, ʻиспытывать очень сильное чувство Sʼ, например, *сходить с ума от скуки, от нетерпения* (испытывать сильную скуку, сильное нетерпение).

Список сокращений

БИРС — Большой итальянско-русский словарь: Около 300000 слов и словосочетаний / Зорько Г. Ф, Майзель Б. Н., Скворцова Н. А. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999 / https://dic.academic.ru/ contents.nsf/ita_rus.

БФСРЯ — Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Ответственный редактор В. Н. Телия. М.: АСТ—ПРЕСС КНИГА, 2006.

ГТ — *Французско-русский* словарь активного типа / В. Г. Гак, Ж. Триомф, Г. Г. Соколова и др. / под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. 2-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1998. — 1056 с.

Ефр — Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006 //http://slovari.gramota.ru.

ИСРС — Испанско-русский словарь / Н. В. Загорская, Н. Н. Курчаткина, Б. П. Нарумов и др. Под ред. Б. П. Нарумова. М.: Русский язык, 1988.

КСРИД — Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени // http://dict.ruslang. ru/magn.php.

НБАРС — Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др. Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993—1994 // https://dic.academic. ru/contents.nsf/eng_rus_apresyan.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www. ruscorpora.ru.

НРСЛ — В. Д. Девкин. Немецко-русский словарь разговорной лексики / Deutsch-russisches Worterbuch der umgangssprachlichen und saloppen Lexik. М.: ЭТС, 2002 // http://translate.enacademic.com.

ПР — Преображенский А.: Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914 // http://etymolog.ruslang.ru/doc/preobrazhenskij.

ПСС — Кондаков И. М.. Психологический словарь. М.: Фаир-Пресс, 2000 // http://www.persev.ru/simptom.

СМИ — Скворцова Н. А., Майзель Б. Н. Итальянско-русский словарь. Издание третье. М.: Русский язык, 1977.

АС 1935 — Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1932—1935) // http://french_ academie. fracademic.com.

CAL — Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press. Fourth Edition. 2013 // http://dictionary.cambridge.org.

CSD — Collins Spanish Dictionary - Complete and Unabridged 8th Edition 2005 © William Collins Sons & Co. Ltd. 1971, 1988 © HarperCollins Publishers, 2005 // https://es.thefreedictionary.com.

DCD — Diccionario Clave: Diccionario de uso del español actual (con sinónimos y antónimos) 9th Edition. © Ediciones SM, 2012 // http://clave.smdiccionarios.com.

DCP — DiCoPop. Dictionnaire de combinatoire du Français. Direction du projet: Alain Polguère. Conception: Alain Polguère et Sébastien Cabot. Université de Montréal // http://olst.ling. umontreal.ca/dicopop.

DDC — Dictionnaire des cooccurrences // http://www.btb.termiumplus.gc.ca/ tpv2guides/ guides/cooc/index-fra.html?lang=fra.

DFC — Dictionnaire du français contemporain illustré /Sous la direction de J. Dubois. Paris: Librairie Larousse, 1987.

DFV — Davau M., Cohen M., Lallemand M. Dictionnaire du français vivant. Paris: Bordas, 1976.

DRAE — Real Academia Española: Diccionario de la lengua española // http: //lema.rae.es/drae.

Duden — Wörterbuchzugang Duden online // http://www.duden.de/woerterbuch. Duden.

DWDS — Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts // https://www.dwds. de.

EL — Littré E. Dictionnaire de la langue française (1872—77) // http://artflx. uchicago.edu.

ELP — El País. © EDICIONES EL PAÍS S.L. // http://servicios.elpais.com/diccionarios /castellano.

GDH — Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Copyright © Hoepli 2011// http://dizionari.repubblica.it..

ID — Infoplease Dictionary // http://www. infoplease.com/dictionary.

INF— Infopedia. Dicionários Porto Editora // http://www.infopedia.pt/dicionarios /lingua-portuguesa.

LFV — Les verbes français (French Verbs) by Jean Dubois and Françoise Dubois-Charlier (Version LVF+1) LFV / Dubois J., Dubois-Charlier F. // http://rali.iro. umontreal.ca.

lingvolive // https://www.lingvolive. com.

MD — Macmillan Dictionary //http://www.macmillandictionary.com.

MMD — Michaelis. Moderno Dicionário da Língua Portuguesa, Melhoramentos, São Paulo, 1998 // http://michaelis.uol.com.br /moderno/portugues/index.php.

MWD — Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition // http://www.m.-w.com.

OD — Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2016 // https://en. oxforddictionaries.com.

OED — Harper D. Online Etymology Dictionary 2011—2015 // http://www.etymonline.com.

PONS — https://fr.pons.com.

PR — Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française / P. Robert, J. Rey-Debov, A. Rey. Paris: Dictionnaire LE ROBERT, 1970.

PRB — Dicionário Priberam da Língua Portuguesa [em linha], 2008—2013 // http://www.priberam.pt.

SCD — Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiana. Milano, 2007 // http://dizionari. corriere.it.

SCT — Il vocabolario Treccani. Sinonimi e contrari, diretto da Raffaele Simone, Roma, Istituto della Enciclopedia Italiana, 2003 // http://www.treccani.it/vocabolario.

TR — Le Trésor de la langue française informatisé //http://atilf.atilf.fr.

VT — Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana. 2013 // http://www. treccani.it/ vocabolario.

WED — The Wordsmyth English Dictionary—Thesaurus // http://www.wordsmyth.net.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

2. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33—160.

3. Аркадьев П. М., Крейдлин Г. Е. Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела) // Слово и язык: сборник статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 41— 53.

4. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления / Зализняк Анна А. М.: Языки славянских культур, 2006.

5. Иоанесян Е. Р. Обозначение интенсивности эмоций во французском языке // Ученые записки Орловского государственного университета. № 4 (77), 2017. С. 97 — 102.

6. Иоанесян Е. Р. Симптоматическая лексика в функции Magn // Научный диалог, № 2, 2019. С. 34-48

7. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык/ Г. Е. Крейдлин. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

8. Крысин Л. П. О Выражении лексической функции Magn в русской разговорной речи // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 344—348.

9. Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn'ы — прилагательные) // Слово и язык: сборник статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256—268.

10. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст» / И. А. Мельчук. М.: Наука, 1974.

11. Михеева Н. А. Симптоматическая лексика, используемая для описания манифестации эмоций в испанском языке // Филологические науки в МГИМО: сборник науч. трудов. № 49 (64). М.: МГИМО (У) МИД России, 2013. С. 50 — 59. //http:// mgimo.ru›upload /docs2 /filnauki-49.pdf.

12. Нагорная А. В. Дискурс невыразимого: Вербализация внутрителесных ощущений. М.: ЛЕНАНД, 2014.

13. Dubichynskyi V. Lexical Parallels: Definition, Types, Examples // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 124—134.

14. Milićević Jasmina. A short Guide to the Meaning—Text Linguistic Theory // Journal of Koralex, 2006. Vol. 8, 187—233. // http://olst.ling.umontreal.ca/pdf/IntroMTTJM.pdf.

15. Polguère A. La théorie Sens—Texte / Polguère A. // Dialangue, 1998, Vol. 8—9, Université du Québec à Chicoutimi, pp. 9—30. // http://olst.ling.umontreal.ca /pdf/ PolgIntroTST.pdf.

16. Tutin A. Les collocations dans le champ sémantique des émotions:la régularité plutôt que de l'idiosyncrasie // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 602—612.

М. М. Руссо (Полит.ру)

M. M. Russo (Polit.ru)

О направлении семантических переходов[1]

On the direction of the semantic shifts

Аннотация

Статья основана на практике работы над «Каталогом семантических переходов языках мира». На конкретных примерах разбираются проблемы, возникающие при определении направления семантического развития слов, и предлагаемые их решения.

This article is based on the practical work over the Database of Semantic Shifts in languages of the world. Giving specific examples we discuss certain problems arising when identifying directions of semantic evolution of words and propose their solutions.

Ключевые слова

Семантические переходы, полисемия, синхрония и диахрония

Semantic shifts, polysemy, synchrony and diachrony

Нам хотелось бы описать некоторые проблемы, возникающие при работе над «Каталогом семантических переходов в языках мира» (Database of Semantic Shifts in languages of the world[2]) [3; 5; 12; 13], и предлагаемые способы их решения. Напомним, что под семантическим переходом в каталоге понимается «наличие некой концептуальной смежности между двумя языковыми значениями A и B, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах одного слова в широком смысле» [5, 33]. Каждый семантический переход представляет собой пару связанных значений (например, ‘брать’ и ‘понимать’, ‘тяжелый’ и ‘трудный’, ‘голова’ и ‘начальник’), а в конкретных языках проявляется в форме «реализаций, различаемых в зависимости от того, какие языковые единицы являются носителями сопоставляемых значений: синхронная полисемия,

[1] Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-29-09124 «Когнитивные механизмы семантической деривации в свете типологических данных».

[2] Текущая версия каталога доступна по адресу http://datsemshift.ru.

диахроническая семантическая эволюция, морфологическая деривация, когнаты и заимствование» [Там же].

Семантические переходы характеризуются направлением семантического развития, то есть одно из значений в них может определяться как первичное, а другое — как новое. Направление перехода зависит от направлений зафиксированных его реализаций. Поэтому важной задачей при работе над «Каталогом семантических переходов» было выработать единые принципы установления направления семантического развития в конкретных реализациях. Чтобы определить это направление, нами используются следующие четыре критерия.

1. **Синхронный**. Носители языка уверенно воспринимают одно из значений как производное, в словарях имеются соответствующие пометы: луг.-мар. *рож* — ‘дыра’, перен. ‘глушь, захолустье’ [МЙМ]. При этом учитываются словообразовательные связи слова. Для санскритского *adakṣiṇa* — ‘левый’, ‘неловкий, неумелый’ направление выбирается на основании структуры слова (букв. ‘не правый’), то есть первично значение ‘левый’.

2. **Исторический**. Направление подтверждается исследованиями по истории языка, данными древних памятников (др.-анг. *steorfan* — ‘умирать’ → англ. *starve* — ‘умирать от голода’). Критерий применим преимущественно к языкам с длительной письменной традицией.

3. **Сравнительно-исторический**. Направление устанавливается по значениям соответствующих слов в родственных языках. По данному критерию мы можем, например, утверждать, что для русского слова *красный* значение развивалось от ‘красивый’ к ‘красный’, так как другие славянские языки сохранили первоначальное значение: болг. *красен* — ‘красивый’, серб. *красан* — ‘красивый, великолепный’, словен. *krásən*, чеш. *krásný* — ‘прекрасный’, слвц. *krasny*, польск. *krasny* — ‘прекрасный, пригожий’, в.-луж. *krasny* — ‘красивый’, н.-луж. *kšasny* [ЭССЯ 12, 109—110]. Аналогично румынское *copil* — ‘ребе-

нок’ ← ‘незаконнорожденный’, на основании арумын. *cochil* — ‘незаконнорожденный’, мегленорум. *copil* — ‘незаконнорожденный’ [DER 237].

4. **Экстралингвистический**. В некоторых случаях аргументом в пользу того или иного направления семантического развития может служить информация об обозначаемых объектах. Например, в ряде дравидийских языков наблюдается полисемия ‘бамбук’, ‘семья’ (малаялам *vamšam* — ‘бамбук’, ‘семья’; тамильский *kulam* — ‘семья’, ‘наследование’, ‘бамбук’; тамильский *vamicam* — ‘наследование’, ‘семья’, ‘бамбук’ [8, 327]). Поскольку для бамбука в природе характерно произрастание группами, куртинами, рощицами, а отдельно стоящие стволы бамбука не встречаются, мы можем предположить направление перехода ‘семья’ → ‘бамбук’. Данное предположение подтверждается историческим критерием, так как слово языка хинди *bãs* — ‘бамбук’ восходит к санскритскому *vanša* — ‘семья’.

Однако следует учитывать, что ни один из перечисленных критериев не может быть абсолютно точным для любого случая. Так, направление семантической производности в синхронной структуре значений многозначного слова может отличаться от истинного пути, по которому шло развитие значений в диахронии. Например, для русского слова *требовать* значение ‘настоятельно просить’ (*работники требуют повышения зарплаты*) воспринимается как первичное, а значение ‘нуждаться’ (*крыша требует ремонта*) — как производное, возникшее в результате метафоры. Однако для древнерусского и церковнославянского слова *трѣбовати* первичным оказывается значение ‘нуждаться’ (*дастъ ему, елика трѣбуетъ* = δώσει αὐτῷ σων χρήζει — ‘даст ему, сколько [ему] нужно’) [Срезневский 1022].

У рус. *плыть* носителями и словарями в качестве основного значения указывается ‘перемещаться в воде / по поверхности воды’, тогда как значение ‘становиться жидким’ (*свеча плывет*, *снег плывет*, *асфальт плывет на солнце* [БАС 9, 1466; БТС]) описывается как результат метафоры [7, 276]. Однако исторически, видимо, иерархия этих значений была обратной, и ‘становиться жидким’ было первичным значением глагола [4, 396]

(*плыть* — ‘становиться жидким’ соотносится с *плавить* — ‘делать жидким’ так же, как *слыть* — ‘получать известность’ со *славить* — ‘делать известным’).

Неэквивалентность отношений производности между значениями многозначного слова и иерархической структуры этих же значений наглядно демонстрируется в нескольких работах Е. В. Урысон [9—11]. Например, у рус. *сознание* как у отглагольного существительного следует считать исходным значение ‘понимание, осознание чего-либо’ (*сознание того, что момент упущен*), тогда как в иерархии значений («реальной структуре значения» в терминах Е. В. Урысон) несомненно базовым будет значение ‘способность человека воспринимать и понимать окружающее, или невидимый орган, обеспечивающий такую способность’ (*в сознании промелькнуло…*, *сознание гаснет*) [11, 597—598]. Как справедливо отмечает Е. В. Урысон, реальная структура значения определяется частотой употребления слова в том или ином значении, богатством парадигматических связей, зависимостью или независимостью от набора определенных контекстов, стилистической окрашенностью.

Следует учитывать и возможность того, что два значения многозначного слова исторически могли представлять собой омонимы, изначально семантически не связанные друг с другом и совпавшие внешне в ходе фонетических процесс. Сейчас любому носителю русского языка слово *косой* в значении ‘заяц’ кажется мотивированным значением прилагательного *косой* — ‘косоглазый’, однако кажется весьма вероятной гипотеза В. А. Терентьева (изложена в [2, 256—257]), согласно которой русское *косой* — ‘заяц’ восходит к индоевропейскому названию зайца *ḱăs- / *ḱŏs- (слав. ?*косъ, ср. санскрит *śaśá*, др.-в.-нем. *haso*), а совпадение с *косой* — ‘косоглазый’ возникло случайно.

В результате при работе над «Каталогом семантических переходов…» лексикограф должен быть готовым к выбору, ориентироваться ли ему при обозначении направления семантического развития на диахронические отношения производности между значениями слова или же на их синхронную иерархию, которая может давать иную кар-

тину. В таких ситуациях оправдан любой осознанный выбор, при условии, что в комментарии к данному примеру даются подробные разъяснения.

Применение других критериев тоже не позволяет гарантированно верно определить направление семантической эволюции. Производные слова могут иметь не новое, а напротив исходное значение корня, как рус. *женский* — ‘относящийся к женщине’ (а не ‘относящийся к жене’). Не является абсолютным и сравнительно-исторический критерий, так как отличие в значении слова от значений слов-когнатов может быть как семантической инновацией, так и архаизмом, сохранившимся лишь в одном языке. Каждый конкретный случай следует разбирать индивидуально, по возможности учитывая максимально полную информацию.

В случаях, когда уверенно применить ни один из критериев невозможно, для реализации не устанавливается определенное направление (A — B). Такое решение представляется еще более оправданным с учетом неодинаковой надежности словарных материалов по разным языкам. В некоторых случаях словари не дают точной информации об иерархии значений многозначного слова, и для ее выяснения необходимы специальные исследования. Нельзя полностью исключать и случаи, когда значение, важное для понимания логической структуры полисемии, по каким-то причинам не отражено в словаре. В таких случаях мы лишены возможности даже выдвинуть правдоподобную гипотезу о первичном и вторичных значениях. Это происходит, например, когда в цепочке значений A → B → C выпадает среднее звено или при радиальной полисемии типа B ← A → C выпадает исходное значение. Так, в современном турецком языке полисемия слова *top* — ‘мяч’ и ‘пушка’ становится понятной только при обращении к историческому материалу, когда выясняется, что общетюркское *top* — ‘шар, мяч’ [ДТС 575] после изобретения артиллерии стало употребляться в значении ‘пушечное ядро’, а затем вследствие метонимии также и в значении ‘пушка’ [6, 44—45]. После того, как в значении ‘пушечное ядро’ слово *top* в турецком заменилось словом *gülle*, мотивация значения ‘пушка’ оказалась затененной.

Если для турецкого языка выяснить историю слова оказывается сравнительно легкой задачей, то в случае малоисследованных языков Африки, Америки и Австралии мы порой зависим от скрупулезности единственного лексикографа. Поэтому наиболее часто составители каталога предпочитают определять реализации как ненаправленные (A — B), что не исключает позже обозначении конкретного направления, когда его удастся установить после специального исследования. Ненаправленными могут быть также признаны реализации, возникшие в случае заимствования слова сразу в нескольких значениях, как лезг. *туп* — ‘мяч’, ‘пушка’ [ЛРС 317], заимствованное из турецкого.

При выборе направления для семантического перехода в целом он «по умолчанию» считается ненаправленным, а в случае, если направление установлено для одной из его реализаций, аналогичное направление указывается и для перехода. При этом возможны случаи семантических переходов с двойным направлением, когда у них отмечены реализации как вида A → B, так и A ← B.

Например, для перехода хотеть ↔ любить одно направление указывается на основании исторического критерия, так как исп. *querer* — ‘любить’, ‘хотеть’ происходит из лат. *quaerere* — ‘искать, разыскивать’, ‘нуждаться в ч.-л.’, ‘добиваться’. Противоположное направление выбирается на основании реализации в классическом арабском языке, где глагол *ʔaḥabba* имеет значение ‘любить’ есть во всех производных именах и породах, а значение ‘хотеть’ только у первой породы вторым значением [BK I 363]. Использование слов со значением ‘рот’ в переносном значении ‘едок’ характерно для многих языков (рус. *семь ртов кормлю*), однако в тибетском *ca-byed* развитие идет в обратном направлении ‘тот, кто ест, едок’ → ‘рот’, поэтому на основании тибетского примера для перехода ‘рот’ ↔ ‘едок’ в каталоге указано двойное направление.

В реализации перехода ‘хитрый’ → ‘дьявол’ в древнегреческом слове πονηρός развитие значений шло следующим образом: ‘доставляющий много труда [πόνος], хлопот’ → ‘дурной, плохой, негодный, испорченный’ → ‘плохой, дурной, злой, низкий, подлый, бесчестный’, затем после субстантивации ‘негодяй, мошенник, плут’ → ‘дьявол’. В

то же время слова лезгинского языка *иблис* и *шейтан*, имеющие значения ‘хитрец’ и ‘обманщик, мошенник’ [ЛРС 133, 383], восходят к собственным именам дьявола в исламе (из араб. *Iblīs* и *Šayṭān*), следовательно, направление перехода в лезгинских реализациях иное, а семантический переход в целом получает двойное направление.

Двойное направление перехода может возникать вследствие того, что в разных языках связь двух значений появляется из-за применения различных метафор. Примером может служить переход ‘ребенок’ ↔ ‘отросток растения’. В одних случаях такая полисемия возникает из-за уподобления отростка дерева ребенку человека или животного («антропоморфная метафора»): словенское *otròk* — ‘ребенок’, ‘побочный побег (лозы)’ [ЭССЯ 38, 127], рус. *детка* — ‘ребенок’, ‘новая луковица, отделяющаяся от основной (у гладиолусов, тюльпанов, шафрана и др.)’, англ. *sucker* — ‘сосунок (детеныш любого млекопитающего в возрасте, когда его кормят грудным молоком)’, ‘отросток, ветка, боковой побег’, рус. *пасынок* — ‘усыновленный ребенок’, ‘боковой побег растения’, рум. *copil* — ‘ребенок’ (изнач. ‘незаконнорожденный ребенок’) ‘боковой побег растения’, лат. *fetus* ‘потомство, молодняк, дети’, ‘побег, отпрыск’ (*fetus olivae* — ‘побег оливы’, *fetus nucis* — ‘побег орешника’) [OLD 695]. Антропоморфный образ дерева, выражаемый при помощи терминов родства, проявляется и в языке славянского фольклора (песни, заговоры), где ветви называются детьми, а корень — отцом [1, 63].

Другое направление дает «растительная метафора», когда наоборот дети уподобляются побегам, отходящим от ствола растения. Такое семантическое развитие наблюдается в рус. *отпрыск* (*растение размножается корневыми отпрысками* и *великовозрастный отпрыск*, *отпрыск знатного рода*) от *прыскать* — ‘давать побеги, прорастать (о растении)’; исп. *retoño* — ‘отросток’, разг. ‘ребенок’ от *retoñar* — ‘давать новые ростки’; исп. *vástago* — ‘отросток, побег растения’, ‘потомок’ от *vastaguear* — ‘давать побеги (о растении)’; фр. *rejeton* от *rejeter* — ‘отбрасывать, выбрасывать; давать побеги (о растении)’; итал. *pollone* — ‘побег, отросток’, перен., книжн. ‘отпрыск’ от устар. *pollare* —

‘всходить, прорастать, давать ростки’; лат. *planta* — ‘саженец, побег’, заимствованное в др.-валл. *plant* — ‘дети’, др.-ирл. *cland*, *clann* — ‘потомство’, позже ‘клан’ [Buck 1317].

Словари

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / Под ред. В. И. Чернышёва. М., Л., 1948—1965.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

ЛРС — Лезгинско-русский словарь. / Сост. Б. Талибов, М. Гаджиев. М., 1966.

МЙМ — Марий йылме мутер / Словарь марийского языка 10 томах. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990—-2005 // http://dict.fu-lab.ru/index.php /index/8.xhtml).

Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1890—1912.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева (вып. 1–31), А.Ф. Журавлева (вып. 32). Вып. 1—41. М., 1974—2018.

BK — Dictionnaire arabe-français, contenant toutes les racines de la langue arabe, leurs dérivés, tant dans l’idiome vulgaire que dans l’idiome littéral, ainsi que les dialectes d’Alger et de Maroc, par A. de Bibertein Kazimirski, Paris. 1860.

Buck — Buck, Carl Darling, A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages, University of Chicago, 1949, reprinted 1988.

DER — Ciorănescu A. Dicţionarul etimologic al limbii române. Bucureşti, 2007.

OLD — Oxford Latin Dictionary, ed. P. G. W. Glare. Oxford University Press. 1996.

Литература

1. Агапкина Т. А. Дерево // Славянские древности. Т. 2. М., 1999. С. 60 — 67.

2. Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005.

3. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания, № 2, 2001. С. 13—25.

4. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

5. Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания, № 2, 2013. С. 32—51.

6. Лосева-Бахтиярова Т. В. Военная лексика тюркских языков (названия оружия). Дисс… канд. филол. наук. М., 2005.

7. Рахилина Е. В. Глаголы плавания в русском языке // Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М., 2007. С. 267 — 285.

8. Смирницкая А. А. Семантика семьи, поколения, касты в языках Индии с точки зрения семантической типологии // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. М., МПГУ, 2015. С. 324—333.

9. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.

10. Урысон Е. В. Логическая структура полисемии и ее реализации (слово *слякоть* в системе языка) // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2. С. 87—120.

11. Урысон Е. В. Многозначное слово *сознание* // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М., 2007. С. 584—599.

12. Zalizniak Anna A. A Catalogue of Semantic Shifts: towards a Typology of Semantic Derivation // Vanhove M. (ed.) From Polysemy to Semantic Change Towards a typology of lexical semantic associations. Amsterdam. 2008. P. 217—232.

13. Zalizniak Anna A., M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Semantic Typology // M. Koptjevskaja-Tamm,

M. Vanhove (eds.). New directions in lexical typology. Linguistics, a special issue. 2012. Volume 50, Issue 3, Pages 633—669.

Н. К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

N. K. Riabtseva ((Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Названия научных публикаций на английском языке: дидактический и методологический аспект

Academic Paper Titles in English: A Didactic and Methodological Perspective

Аннотация

В статье указаны основные рекомендации относительно формулирования названия научной публикации на английском языке, содержащиеся в современной англоязычной дидактической литературе, даны практические комментарии к ним, а также представлены методологически значимые соображения относительно перевода названий научных публикаций с русского языка на английский, предназначенные для носителей русского языка.

The paper introduces contemporary didactic recommendations concerning academic paper titles in English, gives some practical comments on them and supplies important methodological guidelines addressed particularly to Russian speaking authors so that to encourage them to title their academic papers in English in accordance with English academic style.

Ключевые слова

Название, перевод, кросс-культурная стилистика, дидактика, методология

Title, translation, cross-cultural stylistics, didactics, methodology

В настоящее время, в эпоху больших объемов информации и ее предельной доступности, качественное название научной публикации играет все более важную роль в современных коммуникационных процессах. Тем более что, по некоторым данным, ежегодно в мире издается более двух миллионов научных статей. Специальные науко- и библиометрические исследования показывают, что научные публикации с содержательными и выразительными названиями цитируются чаще, чем публикации, не отличающиеся ка-

чественным названием [WGRPT-TA]. В связи с чем в современной дидактической литературе дается множество рекомендаций относительно того, каким образом следует формулировать название для научной публикации.

Современные рекомендации относительно названий научных публикаций

В научной литературе на английском языке существует множество самых разнообразных рекомендаций, учебных пособий, курсов и т.п., в том числе размещенных онлайн, по изучению английского языка вообще и по предмету «научная речь на английском языке», в частности. Важным компонентом последнего направления выступают разнообразного рода рекомендательные наставления относительно того, как следует озаглавить научную статью, в том числе с учетом области знания (см., например, [ITWRPT; USCG; 8]).

При этом в первую очередь отмечается, что «составление названия (своей) научной статьи представляет собой искусство (art), которому следует учиться», поскольку название — это решающий фактор, определяющий, привлечет ли ваша работа внимание и вызовет ли интерес у специалистов (The title of a paper serves to attract attention. In order to do this well, the title must be both distinctive and informative). Название должно быть убедительным и привлекательным (compelling). Для того, чтобы сделать его таковым, следует руководствоваться целым рядом важных рекомендаций и учитывать ряд полезных соображений. Коротко они сводятся к следующему.

Во-первых, кратко сформулируйте основную идею вашего исследования (Identify the one unique message you want to convey in your paper) и трансформируйте ее в название. При этом используйте наиболее точные и простые понятия (Use bold and direct language). Во-вторых, поставьте себя на место читателя (Think like a reader) и представьте, будет ли ему ясно из названия, о чем конкретно идет речь в вашей статье, — от этого зависит, захочет ли он ее прочесть. В-третьих, используйте экспрессивные, эмоциональные и даже противоречивые выражения; это подчеркнет, какую именно проблему вы решаете (Be expressive and melodramatic. It does help if the title appears controversial). И самое главное: привлекательное для читателя название получится, если вы как следует изучите тему сво-

его исследования (Back yourself to write good titles with sound knowledge about the topic). В качестве одного исключительно качественного примера названия приводится следующее: «*The ten thousand Kims*». Так озаглавлена статья о корейских фамилиях, одна из которых, указанная в названии, особо выделяется своей частотностью; подробнее см. [AEpt; RPW].

В-четвертых, отразите свое отношение к теме исследования (State your topic, state your position). Так, анализ содержательных и формальных недостатков в стандартных моделях названий научных публикаций показывает, что, например, название «Социальное значение телевидения» («The Social Value of Television») указывает только на тему исследования, но не раскрывает направление ее исследования (The above at least identifies the topic, but it's weak because it doesn't identify the position the author is going to take). В-пятых, название должно быть информативным и содержать термины или ключевые слова, указывающие на тему исследования (подробнее см. [WGRPT]).

В целом характеристиками качественного названия научной статьи специалисты по научной речи на английском языке считают названия, которые выполняют следующие функции: 1) предсказывают содержание самой научной публикации; 2) способны заинтересовать читателя; 3) отражают модальность изложения и направление исследования; 4) содержат ключевые слова, передающие сущность исследования [8].

Например, допустим, что вам нужно найти публикации, посвященные связи работы лиц, ухаживающих за детьми, с их способностью к медитации. Вы нашли следующие публикации по теме: (1) «Benefits of Meditation for the Nursing Profession: A Quantitative Investigation»; (2) «Why Mindful Nurses Make the Best Communicators»; (3) «Meditation Gurus»; (4) «Nurses on the Move (cp. 'to be busy and active')*:* A Quantitative Report on How Meditation Can Improve Nurse Performance». Обратите внимание, что так может быть названа одна и та же публикация!

Ясно, что эти названия по-разному отражают содержание и сущность публикации, в разной степени информационно привлекательны и оказывают разное воздействие на адресата. Так, первое название указывает на тему и метод исследования, но оно недостаточно экспрессивно. Второе касается темы, но не указывает на метод исследования, по-

этому оно может содержать лишь собственные теоретические соображения автора. Третье название, напротив, очень экспрессивно, но недостаточно информативно. Четвертый вариант оказывается самым удачным: он имеет эффектный зачин, который затем раскрывается в подзаголовке и указывает на тему, методы и направление исследования, а также содержит главные ключевые слова.

Дополнительные рекомендации относительно формулировки названия научной статьи сводятся к следующему. В названии желательно указывать не только тему и методы исследования, но также его объект и результаты. Формула такого названия выглядит следующим образом:

[*Result*]: A [*method*] study of [*topic*] among [*sample*]. Например:

«Meditation makes nurses perform better: A qualitative study of mindfulness meditation among German nursing students».

В названии важно также избегать малоинформативной и узкоспециальной лексики. Последняя будет малопонятна тем, кто не является опытным специалистом. (Avoid unnecessary words and jargons. You want a title that will be comprehensible even to people who are not experts in your field). Оптимальное количество слов в названии — от 5 до 15 (это от 50 до 100 знаков). При этом следует избегать малоинформативных и потому избыточных зачинов (Omit nonspecific openings such as) типа *Report on*, *A Study of*, *Results of*, *An Experimental Investigation of*, etc. Кроме того, в названии не стоит использовать такие знаки, как тире, точка с запятой, римские цифры, сокращения, формулы. Например, неудачное название «Report on a case of specific developmental delay in an autistic child» можно сократить до более компактного «Specific Developmental Delay in Autism: A case report».

Специально проведенные библиометрические исследования относительно зависимости частоты цитирования научных статей от их названия показали следующее. Чем длиннее название статьи, тем реже на нее ссылаются. Самые длинные названия используются в медицине (до 117 знаков), самые короткие — в философии (в среднем до 50 знаков). Наиболее цитируемые статьи имеют двусоставную структуру и чаще всего включа-

ют двоеточие. Причем обычно до двоеточия формулируется интригующее начало названия, а после двоеточия даются уточнения. Так, в психологии почти половина статей озаглавлена с использованием двоеточия (однако в компьютерных науках они используются только в 7 % случаев) [13].

Таким образом, именно название публикации в значительной степени определяет, будет ли она прочитана или нет. Поэтому название должно быть компактным, точным, информативным и хорошо читаемым (It is thus important to catch the reader's attention by making the title as concise, accurate, informative and readable as possible). Желательно использовать более узкие, а не широкие понятия (specific rather than general terms), простой (прямой) порядок слов и простые словосочетания (Use simple word order and common word combinations), заинтересуйте адресата (pique the reader's curiosity) (см. [WTA; JEPSB]).

Что касается типов названий научных публикаций, то некоторые авторы стараются учесть все их разнообразие; например, в [9] указаны 13 различных типов заголовков. Но их основная масса может быть разбита на три типа: декларативный, дескриптивный и интеррогативный [13]. Первый тип отражает основные результаты или выводы исследования (states the main findings or conclusions), e.g. «A three-month weight loss program increases self-esteem in adolescent girls». Второй описывает предмет исследования (describes the subject of the article but does not reveal the main conclusions), e.g. «The effects of family support on patients with dementia». Третий формулируется в виде вопроса, e.g. «Does cognitive training improve performance on pattern recognition tasks?». В журнальных статьях дескриптивный заголовок используется чаще (Descriptive titles seem to be most common type in journals) [10]. Как показывают библио- и альтметрические исследования, в базах данных чаще всего загружаются статьи с более короткими и простыми названиями [11; 13].

Рекомендации для носителей русского языка

Несмотря на всю важность разработанных для английского языка и приведенных выше рекомендаций относительно формулирования названия для научной публикации на английском языке, подобные рекомендации более всего подходят, когда сама публикация

готовится на английском языке. В гораздо более типичном для носителей русского языка случае не менее важными оказываются рекомендации относительно того, как следует переводить на английский язык названия написанных на русском языке научных статей — чего требуют теперь уже почти все научные издания: научные журналы, сборники, материалы научных конференций и т.д. При этом оказывается, что подобные рекомендации нуждаются в объяснении различий в научной речи на русском и на английском языке — с одной стороны, и в указании на вытекающие из них различия в моделях названий научных публикаций на этих языках — с другой. Так, предельно типичная для научной речи на русском языке «преимущественно генитивная» конструкция названия, например, «Разработка технологии формирования моделей реализации коммуникативных действий в разных культурах и системах», чаще всего стремится «воспроизвести себя» и на английском языке, при ее переводе, что явным образом будет нарушать стилистические нормы научной речи на английском языке по целому ряду причин (подробнее см. [2; 3; 4; 5]).

Соответственно, одной из наиболее простых, доступных и эффективных процедур по проверке переведенного с русского языка на английский названия научной публикации будет его сравнение с исконными названиями, а также уточнение используемых в нем лексических единиц, конструкций и выражений с точки зрения их употребительности в научных текстах и их названиях на английском языке. Как ни удивительно, эти две процедуры тесно между собой связаны. Далее будут рассмотрены иллюстрирующие указанные процедуры примеры из современных научных источников.

Пример 1. В сборнике [КИЯ—35] содержится статья под названием «Антропогенность категории *ценность*» и указан ее перевод на английский язык: «Anthropogeny of the category of “value”». Поиск лексической единицы *anthropogeny* в Кембриджском международном корпусе [CIC] дал следующий результат: ««Sorry, we couldn’t find any items that match your search», который говорит о том, что в английском языке эта лексическая единица не используется [CIC *anthropogeny*]. Кроме того, стилистически маркированный повтор предлога в названии на английском языке снижает его информативность и каче-

ство. Использование в подобных случаях наиболее типичной для названий на английском языке модели с соединительным союзом *and* [14] позволит придать всей конструкции типично английский «характер»: «The category “value” **and** its anthropogenic character». Ср. типичные «исходные» названия научных публикаций на английском языке: «Mixed projections **and** syntactic categories» [JL]; «Concept characteristics **and** variation in lexical diversity in two Dutch dialect areas», «Baseline elaboration **and** echo-sounding at the adjective adverb interface», «Entrenchment **and** the psychology of language learning: how we reorganize **and** adapt linguistic knowledge», «Aspectual profiling **and** mirativity in Odia light verb constructions» [CL].

Пример 2. В том же сборнике [КИЯ—35] содержится статья под названием «Концепт *стыд* в аспекте пересекаемости ментальных пространств» и указан ее перевод на английский язык: «Concept “shame” in the view of intersecting mental spaces». Сравнение исходного названия на русском языке и его перевода на английский язык показывает, что конструкция *в аспекте* передана на английский язык в виде оборота *in the view of.* Поиск соответствующего фрагмента в Кембриджском международном корпусе [CIC], а также в корпусе «British Academic Written English» [BAWE] дал аналогичный предыдущему запросу результат: такое выражение в английском языке не используется [CIC *in_the_view_of*]. Кроме того, сравнение модели обсуждаемого названия с наиболее типичной моделью названия научной публикации на английском языке — с сочинительным союзом *and* — показывает, что эта конструкция выглядит менее громоздкой и более структурированной: «Concept “shame” **and** intersecting mental spaces».

Приведенные примеры переводов названий научных публикаций с русского языка на английский представляют собой не случайные и частные варианты того, чего следует избегать при переводе, и того, на что следует ориентироваться, а важнейшие принципы, которых желательно придерживаться, чтобы перевод названия звучал естественно и стилистически корректно с точки зрения научной речи на английском языке.

В подтверждение сказанного следует подчеркнуть, что отмеченная в Примере 2 конструкция *в аспекте* в названии научной статьи на русском языке имеет целый ряд

аналогов, которые, как выясняется, являются типичной чертой научной речи на русском языке. К ним относится большое количество конструкций, которые обычно дословно переводятся на английский язык и которые в исходных названиях научных публикаций на английском языке не используются вовсе: *in the light of*, *in the sphere of*, *from the point of view of, from the viewpoint of*, *as a means of*, *as a base of*, *as a key to*, *as viewed by* и мн. др. Ср.: названия из [КИЯ—34]: «Межпарадигмальность когнитивной лингвистики *через призму* телесной лингвистики», «Семантические оппозиции *как способ* интерпретации знаний о мире», «О фреймовом методе *в контексте изучения* смысловых пространств», «Терминоообразующие потенции минералогических эпонимов *в свете* когнитивного терминообразования», «Иноязычные вкрапления *как средство* актуализации лингвокультурного типажа в художественном тексте», «Концептуальная доминанта *как ключ к* пониманию концептуальных преобразований в художественных произведениях», «Концептуальные метафоры олицетворения *как средство* формирования отрицательного образа персонажа», «Распад класса сильных глаголов *в зеркале* когнитивной социолингвистики».

В подавляющем большинстве случаев выделенные курсивом выражения можно заменить на сочинительный союз или двоеточие, что сделает название более прозрачным и убедительным: ведь лишние слова затемняют суть (в первую очередь с точки зрения норм научной речи на английском языке [3]), ср. «Распад класса сильных глаголов *в зеркале* когнитивной социолингвистики» — «The decay of strong verbs *from the point of view of* cognitive sociolinguistics» vs. «The decay of strong verbs *and* cognitive sociolinguistics».

Заключение: задачи и перспективы

В ряде предыдущих статей [2; 3; 4; 5; 14 и др.] нами было показано, что дословный перевод названий научных публикаций с русского языка на английский имеет целый ряд недостатков, которые объясняются принципиальными различиями в вербализации коммуникативных намерений на русском и на английском языке. В данной статье приводятся новые подтверждения этой ранее высказанной точки зрения и показываются способы, помогающие преодолеть сложившиеся стереотипы относительно важности (и воз-

можности) как можно более точного (и потому дословного) перевода названий научных публикаций с русского языка на английский.

В целом автор видит свою задачу в том, чтобы выделить те особенности научной речи на английском языке, которые нельзя игнорировать при переводе научных публикаций (и их названий) с русского языка на английский. В более широком методологическом и дидактическом контексте данное направление исследований находится в русле современной «кросс-культурной стилистики», задача которой показать сходства и различия, в частности, в научном стиле на разных языках.

Так, в мировой лингвистической науке все больше внимания уделяется расхождениям в научном стиле речи на родном и английском языке (см., например, [7; 15] и др.). Особо отмечается при этом недостаточная изученность языка современной научной коммуникации, в первую очередь, английского, русского, французского и др., а также подчеркивается важность их сопоставления: «Сегодня лингвистика столкнулась с парадоксальным фактом — недостаточной изученностью языка сферы науки, причем это касается и английского языка, выполняющего ныне функцию lingua franca. Исследования последних десятилетий в основном были посвящены научной лексике, преимущественно терминам, поскольку грамматические структуры, свойственные исключительно жанрам научного стиля, считалось невозможным отделить от структур других стилистических регистров. Кроме того, доминировала точка зрения об универсальности параметров научного стиля во всех языках» [1, 900]; см. также [6; 12].

В заключение следует подчеркнуть, что названиям научных публикаций, особенно на английском языке, в современных коммуникативных, стилистических, дидактических, методологических, информационных и библиометрических исследованиях отводится все больше внимания в связи с тенденциями к глобализации науки, требованиями к ее интернационализации и к повышению качества ее информатизации [SPT]. В связи с чем контрастивные кросс-стилистические исследования в области современной научной коммуникации становятся все более актуальными и востребованными. Одним из перспективных направлений исследований в данной области представляется также изучение

научной речи на родном и иностранном языке, а также различий между ними с точки зрения современной версии «Грамматики конструкций», или «Конструкционной грамматики», или, еще точнее, «Коллострукционной грамматики», что составляет предмет отдельного исследования.

Список источников и их сокращений

КИЯ-34 — Когнитивные исследования языка. М. —Тамбов, 2018. Вып. 34.

КИЯ-35 — Когнитивные исследования языка. М. —Тамбов, 2018. Вып. 35.

AEpt — Academic Essay-paper-titles // https://jerz.setonhill.edu/writing/ academic1/essay-paper-titles.

BAWE —British Academic Written English // http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc /al/research/collect/bawe.

CIC — Cambridge International Corpus //http://www.cambridge.org/elt/corpus/ international_corpus.htm.

CIC *anthropogeny* — Cambridge International Corpus *anthropogeny* //https://www.cabridge.org/ru/search?site=CE&currentTheme=Learning&iFeelLucky=false&query=Anthropogeny+.

CIC *in_the_view_of* — Cambridge International Corpus *in_the_view_of* //https://www.cabridge.org/ru/search?site=CE&currentTheme=Learning&iFeelLucky=false&query=IN_THE_VIEW_OF+).

CL — Cognitive Linguistics, 2018. № 1—4.

ITWRPT — Important Tips on Writing a Research Paper Title // https://www.enago.com/academy/write-irresistible-research-paper-title.

JEPSB — The Journal of European Psychology Students Blog. URL: http://blog.efpsa.org/2012/09/01/how-to-write-a-good-title-for-journal-articles.

JL — Journal of Linguistics, 2018. № 1—4.

RPW — ResearchPaperWriter.net // https://researchpaperwriter.net/research_paper_ titles.

SPT — ScholasticaPostTrends //https://blog.scholasticahq.com/post/trends-scholar-reading-behavior-what-journal-publishers-need-to-know.

USCG — University of Southern California guide–2017. Organizing your social sciences research paper: choosing a title //http://libguides.usc.edu/writingguide/title.

WGRPT — Writing-a-good-research-paper-title // http://www.pub4sure.com/blog/tips-on-research-article/tips-on-writing-a-good-research-paper-title.

WGRPT-TA — Writing a Good Research Title: Things to Avoid //https://www.enago.com/academy/writing-a-good-research-title-things-to-avoid.

WTA — Writing titles and abstracts // https://www.biomedcentral.com/getpublished /writing-resources/writing-titles-and-abstracts.

Литература

1. Абиева Н. А. Влияние информационного потока на синтаксический ритм в научно-техническом переводе // Когнитивные исследования языка. Вып. 34. Cognitio и communicatio в современном глобальном мире. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10—12 октября 2018 г. Москва — Тамбов, 2018. С. 899—902.

2. Рябцева Н. К. Название как доминантный компонент научного текста: Русско-английские межъязыковые «несоответствия» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание, 2018. Т.17, № 2. С. 33—43.

3. Рябцева Н. К. Особенности названий научных статей на русском и английском языке: Контрастивный аспект // Научный диалог, 2018. № 6. С. 32—42.

4. Рябцева Н. К. Стиль мышления и коммуникации в межъязыковом и когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. Вып. 34. Cognitio и communicatio в современном глобальном мире. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10—12 октября 2018 г. Москва — Тамбов, 2018. С. 830—833.

5. Рябцева Н. К. Функциональные аспекты грамматики и языковое мышление: перспективы межъязыковых исследований и возможности их практического использования // Когнитивные исследования языка. Вып. 35. Взгляд в будущее: Новые перспективы

когнитивных исследований языка. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 2 ноября 2018 года. Москва — Тамбов, 2018. С. 458—465.

6. Cristal D. English and the communication of science // Moderna Sprak, 2006. P. 20—33.

7. Duszak A. Cross-cultural academic communication: a discourse-community view // Culture and Styles of Academic Discourse. Ed. by Anna Duszak. De Gruyter Mouton, 1997. P. 11—40.

8. Hairston M., Keene M. Successful writing. 5th ed. New York: Norton, 2003.

9. Hartley J. C. Academic writing and publishing: A practical guidebook. Abingdon, Oxon: Routledge, 2008.

10. Hartley J. C. New ways of making academic articles easier to read // International Journal of Clinical and Health Psychology, 2012, 12(1). P. 143—160.

11. Hays J. C. Eight recommendations for writing titles of scientific manuscripts // Public Health Nursing, 2010. 27(2). P. 101—103.

12. Hyland K. English for specific purposes: some influences and impacts // The International Handbook of English language education. / Ed. by A. Cummins, C. Davidson. Norwell, Mass: Springer, 2006. P. 379—390.

13. Jamali H. R., Nikzad M. Article title type and its relation with the number of downloads and citations // Scientometrics, 2011. 88(2). P. 653—661.

14. Riabtseva N. K. Across Languages and Academic Cultures // Crossing Boundaries: Intercultural Communication in a Global Context. Proc. 1st Intern. Conf. Moscow, Pushkin Russian Language University. Febr. 14—16. 2018. P. 246—248.

15. Tepavčević M. Academic Discourse: A Semantic and Syntactic Analysis // Lakić Igor, Živković Branka and Milica Vuković (eds). Academic Discourse Across Cultures. Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 180—196.

Е. В. Терехова (Национальный научный центр морской биологии им. А. В. Жирмунского, Дальневосточное отделение РАН)

E. V. Terekhova. National Scientific Center of Marine Biology Far Eastern Sciences, Russian Academy of Sciences

Рекуррентные композитные конструкции в английской научной прозе: функционирование и перевод

Recurrent Composites' Usage in English Scientific Literature: Their Properties and Translation

Аннотация

В статье рассматриваются особо оформленные рекуррентные композитные конструкции как специально выделяемые единицы языка научной речи. Анализируются их основные типы из числа раздельнооформленных и цельнооформленных конструкций и разъясняется специфика их перевода. На основе коммуникативно-функционального подхода описываются примеры употребления таких словосочетаний в научной прозе и рассматриваются наиболее продуктивные типы образования композитов, характерных и не характерных для научной прозы.

Abstract

The paper highlights specifically structured recurrent composites as distinctive language units used by nonfiction. Two main types, structurally separable and inseparable language units are analyzed; and the specifics of their translation is explained. Applying the communicative-functional approach, the most productive types and subtypes of composites' formation characteristic and not characteristic of scientific prose are provided and discussed.

Ключевые слова

Рекуррентные конструкции, композиты, устойчивые словосочетания, идиомы, цельнооформленные и раздельнооформленные РК, коммуникативно-функциональный подход.

Key words

Recurrent constructions, composites, collocations, idioms, structurally inseparable and structurally separable RCs, communicative-functional approach.

1. Введение

Работа посвящена рассмотрению **рекуррентных композитных конструкций** (РК)**.** Во-первых, она продолжает и расширяет выполненное нами ранее исследование, посвященное изучению особого типа устойчивых идиоматических выражений в политическом дискурсе, характеризующихся инновационностью и хронологической отнесенностью к актуальному событию. Рекуррентными же, как нами было установлено, конструкции становятся благодаря своему интенсивному тиражированию в массмедийных изданиях. В данной работе сферой функционирования рекуррентных композитных конструкций или композитов выступают тексты научной прозы. Во-вторых, в этом исследовании делается попытка классификации композитных конструкций, которые, как мы полагаем, можно описать в терминах основных выделенных нами ранее типов и моделей создания рекуррентных конструкций.

В этой статье исследуются широко используемые и продуктивные для английской научной речи типы и модели образования сложных слов. Основное внимание уделяется описанию двух композито-образующих моделей, **раздельнооформленных** и **цельнооформленных**, в орбиту которых попадают несколько подтипов с определённым набором «лекал» для словообразования. В статье анализируются композитные конструкции и варианты их перевода, которые выполнены автором статьи.

Одна из главных задач исследования — показать, что функциональный стиль английской научной прозы охотно заимствует продуктивные модели образования композитов, что не мешает, однако, последним с течением времени менять тип формирования. Можно с определённой уверенностью сказать, что подобная смена образования композита зависит от интенсивности его тиражирования, например: ***Fork-lift*** / ***Forklift*** *truck* —

автопогрузчик, определение которого таково: «*Forklift is a powered industrial truck used to* ***lift*** *and move materials over»* («промышленный вилочный грузовик с электроприводом, используемый для подъёма и перемещения материалов»). Тиражирование данного композита в многочисленных промышленных сферах его употребления было настолько широким, что раздельнооформленная модель дефисного написания со временем поменялась на другую, цельнооформленную модель, хотя наличие двух типов образования какое-то время ещё будет сохраняться.

Анализ композитных конструкций представляет интерес и проблему ещё и потому, что большое разнообразие коммуникативных ситуаций не может не влиять на воспроизведение разных «лексико-фразеологических вариантов» слов (в нашем случае сложных слов или композитов — Е. Т.) [13, 171]. Например, цельнооформленный композит ***Blockchain*** *technology* переводится как «децентрализованная цепь (технология распределённых реестров)» в сфере *IT технологий*; его перевод в *банковско-финансовой* области — «распределённая база данных»; однако вариант перевода-кальки (приём транслитерации) «*технология блокчейн*» (или «*блокчейн технология*») постепенно возобладал в силу активнейшего тиражирования этого термина практически во всех отраслях. С другой стороны, можно предположить, что как *новообразование*, этот вариант перевода композита отвечает потребностям не одной-двух информационных сфер, а как универсальный вариант перевода используется в многочисленных научно-технических областях.

Исключение составляет один из подтипов композитов, образующийся на базе раздельнооформленной модели дефисного написания. Это сравнительно немногочисленный и нехарактерный для научной прозы подтип композитных конструкций, которые можно описать как устойчивые слабо идиоматические словосочетания, обладающие (или не обладающие) внутренней формой. Приведём пример, который заимствован из области медицины, а именно, производства фармацевтических препаратов:

«Right now, the leading ***over-the-counter pills*** are only able to block one of the two enzymes, COX or LOX, while ***VeraFlex*** contains an ultra-high dose of a patented plant extract which has been clinically shown to block both enzymes». [11, 2A]. «*Сегодня* ***безрецептурные***

***таблетки**, лидеры рынка, способны блокировать только один из двух ферментов, КОКС или ЛОКС (COX or LOX), тогда как **VeraFlex** со сверхвысокой дозой запатентованного растительного экстракта блокирует оба фермента, как показали клинические эксперименты*».

Русский описательный перевод английского композита «*лекарство, которое можно купить прямо в аптеке без посещения врача и выписки у него рецепта*», со слабо выраженным идиоматическим значением, не мешает ни данной конструкции, ни другим композитам, образованным по указанной модели, вписываться в рамки приводимых нами типов и подтипов выделения рекуррентных композитных конструкций. Или, заимствуя выражение Н. М. Разинкиной, поступить «в соответствии с коммуникативными задачами того или иного функционального стиля» [17, 24].

2. Рекуррентные композитные и не композитные конструкции: определения

В своей работе мы предлагаем следующее определение **рекуррентных конструкций**. Под последними понимаются «коллокации или устойчивые слабо идиоматические словосочетания, порождённые конкретным политическим событием и не допускающие на первом этапе своего появления серийного воспроизводства» [19, 25]. Впоследствии эти конструкции начинают регулярно тиражироваться событийно или жанрово-отнесённым дискурсом. Они могут, например, восприниматься и как свободные словосочетания, не будучи связанными с конкретным событием и не обслуживая его. Однако, попадая в насыщенный событиями дискурс, свободные словосочетания часто утрачивают свою «свободу», событийность текста «связывает» их, превращая в конструкции, которые впоследствии тиражируются многочисленными изданиями СМИ.

В отличие от рекуррентных конструкций, ***рекуррентные композитные конструкции*** или ***рекуррентные композиты***, хотя и соотносятся с текстами научной прозы, обслуживают их, но при этом они не меняют своей терминологической направленности: будучи единожды ориентированными на свои сегменты научно-технических текстов, эти композиты остаются жёстко связанными с ними. *Рекуррентными* данные конструкции

становятся в силу интенсивного употребления в коммуникативных научных ситуациях или в контексте научных текстов.

Постольку ресурсной базой нашего исследования выступают иногда многоэлементные научно-технические словосочетания, уместно привести также определение ***терминологического сложного слова***, ***билексемы*** (термин Р. И. Хашимова, [20, 30]) или ***композита*** (применяемый нами термин). По выражению О. С. Ахмановой: «Слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и пр. — Е.Т.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов… ***Терминологические словосочетания*** (выделено нами — Е.Т.), раздельнооформленные члены которого разносторонне раскрывают данное сложное научное понятие» [1, 474]. В своей работе мы используем принятый нами термин ***композитная конструкция*** или ***композит***.

Ниже заимствованные из научной литературы примеры рассматриваются, анализируются, переводятся и, если это возможно, сравниваются с рекуррентными конструкциями, функционирующими в массмедийных политических текстах, чтобы убедиться в том, что даже табуированные для любого другого функционального стиля речи кроме технических текстов, терминологически употребляемые композиты могут утрачивать «несвободу термина», иными словами, однозначность своего функционирования. Тем самым рекуррентный композит приобретает условную «свободу» слабовыраженного идиоматического словосочетания, которое, в свою очередь, также может обладать определённой инновационностью и коммуникативно-функциональной временной отнесенностью к актуальному событию в закреплённом за ним сегменте научной речи. Нам хотелось бы подчеркнуть важность учёта коммуникативно-функционального подхода в процессе анализа и перевода композитов, под которым понимается следующее: «…любой акт перевода осуществляется и изучается исключительно в определенном контексте и конкретной среде, то есть, когда он помещён в коммуникативную ситуацию, и должен рассматриваться, оцениваться и изучаться только с учетом характеристик конкретной ситуации». [21, 2].

В прошлом композиты также привлекали внимание учёных, но в основном в плане лексико-грамматических, систематизирующих и классификационных особенностей (см. например, [20]), хотя терминосистемы или отдельные их сегменты, которые активно обслуживались композитными конструкциями, никогда не рассматривались в свете коммуникативно-функционального подхода, эта тема до сих пор не получила должного внимания исследователей. Сегодня, как и в прошлом, композитные новообразования широко представлены в научной прозе. Они не только в состоянии номинировать различные понятия языка науки, техники и производства, но также иногда могут выступать как яркое даже образное средство передачи аксиологической оценки научного текста в силу своего неузуального, нестандартного речевого статуса, который может лежать в основе внутренней экспрессивности термина — композита.

Появление композитных новообразований обусловлено необходимостью именования соответствующих понятий, которые либо отсутствовали в языке научной прозы, либо уже имеющийся понятийный аппарат потребовал изменений, которые вызвали к жизни новообразование. Появление таких конструкций есть практически непрерывный процесс, и многие композиты при этом выбирают уже имеющиеся продуктивные словообразовательные типы и модели. Если они обладают новизной и свежестью восприятия, рекуррентные композитные конструкции могут также в определённой степени характеризоваться экспрессивностью, идиоматичностью, а также аксиологией, хотя следует отметить, что эти последние свойства характеризуют композиты, функционирующие в области политических и гуманитарных наук и в СМИ.

Изучение наиболее распространённых в научной речи типов композитных конструкций и моделей их образования позволяет нам утверждать, что при объединении в целостную лексическую единицу или композит «работают» всё те же модели: (а) ***словосложение***, например, ***Van-carrier***, перевод: *портальный контейнеровоз*; лексическое значение композита — «автоматизированное средство для перевозки 20- и 40-футовых контейнеров»; (б) ***основосложение***, например, ***Frienemies***, перевод — *заклятые друзья*;

модель образования — сложение двух основ слов ***fri**ends* + ***enemies***; лексико-семантическое значение композитной структуры таково: «эти парни могут быть плохими, но они лояльны нам» или «враги и друзья в одном флаконе».

3. Раздельнооформленные композитные конструкции

(а) Композиты дефисного написания

Если рассмотреть закономерность постепенного превращения свободных слов в композиты, то *раздельнооформленный композит дефисного написания*, созданный по такой модели, есть самый первый шаг на пути образования композитных конструкций. Примеры композитов дефисного написания, образованных путём сложения двух или более слов, в количественном плане составляют большинство анализируемых конструкций; в качественном плане они также очень репрезентативны. В данной работе композиты дефисного написания рассматриваются на примерах *соединения двух и более слов или основ разных слов путём введения дефиса,* что может придавать новообразованной конструкции иное значение или повышенную экспрессивность.

Проанализируем и выполним перевод композитов в свете коммуникативно-функционального подхода.

(1) ***One-stop-shop*** и ***Single-window service***. Первый пример представлен двумя композитными конструкциями с одинаковым переводом: «*Обслуживание клиентов в «режиме единого (одного) окна*». Они обе рекуррентные, поскольку с завидной регулярностью воссоздаются и тиражируются в деловом функциональном стиле; и созданы на базе одной модели, раздельнооформленной композитной конструкции дефисного написания.

(2) Анализ второго примера композитов включает три конструкции, ***Press-scrum***, ***Media-scrum*** и ***Press-conference***, где лексическое значение первых двух композитов с именным ядерным элементом ***scrum*** обусловило различное понимание и, соответственно, перевод относительно третьего примера. Это позволило нам перевести две первые конструкции с именным ядром ***scrum как*** «***импровизированные*** *мини-пресс-конференции*», в то время как перевод третьей прост — «пресс-конференция». Причина различного пере-

вода композитов легко объяснима. Значение именных ядерных элементов ***scrum* vs *conference*** указывает на разнохарактерные события с точки зрения коммуникации, каждое из которых определяется своим ядерным элементом.

Лексическое значение слова «***scrum***» — это «*толкотня, толкучка, свалка, драка за мяч/место в регби* etc.», т.е. оно стилистически нагружено в отличие от слова «***conference***». Первые два композита характеризуются слабовыраженной идиоматической «свободой», эмоциональностью, которые позволяет определить их как новообразования с определённой степенью инновационности, о чём упоминалось выше. Тем не менее, все три РК «скроены» по одним и тем же «лекалам» / модели: все они есть раздельнооформленные рекуррентные композитные конструкции дефисного написания.

(3) Третий, как и первый пример, также представляют две рекуррентные композитные конструкции. Модель образования обеих аналогична — раздельнооформленные композиты дефисного написания. Однако на этом их сходство заканчивается, поскольку ядерные элементы у них разные. Первый композит характеризуется именным, второй — глагольным ядром. Перевод первого: ***From farm-to-table system*** — «*Система «от поля до прилавка*» или «*от поля до покупателя*»; толкование и перевод второго — ***From wean-to-finish***, будет непростым: «*Размещение поросят после отлучения от свиноматок на доращивание в том же помещении*». Глагольное ядро второго композита не вписалось в рамки модели образования по аналогии с первым композитом в процессе поиска адекватного эквивалента передачи его содержания на русский язык. Переводчик был вынужден прибегнуть к предпереводческим преобразованиям, чтобы передать характерное для понятийной сферы промышленного сельского хозяйства лексическое значение термина «***to wean***» и сделать соответствующий описательный перевод: «*Технология комбинирования участка доращивания с участком откорма*».

(4) Четвёртый пример представлен одной, но интересной композитной структурой ***Feed-to-food conversion***. И снова прибегаем к предпереводческому анализу, чтобы сделать адекватный перевод, исходя из коммуникативной задачи предложения с компози-

том. Если воспользоваться стратегией дескриптивного перевода, он будет таков: «*Переход протеина кормов*, *потребляемых животными* (***feed***), *в пищевые продукты (**food**)*». На поверхностном уровне, возможно, он передаёт актуальное значение композита, не самый удачный приём перевода, но надёжный, если трудно подобрать (при устном переводе вспомнить) релевантное устойчивое словосочетание, как более желательный вариант перевода, которым является устойчивое идиоматическое выражение «***Кормить на убой***». Рассмотрим подробнее, каким образом можно прийти к пониманию коммуникативной ситуации и последующему переводу композита с помощью идиоматического выражения.

Некоторые композитные новообразования, как упоминалось выше, могут характеризоваться наличием определённой *внутренней формы*, в том числе и термин. Приводимое ниже определение Анны А. Зализняк, помогает нам выделить характерную черту внутренней формы сложного слова, которая «…несёт в себе след того процесса, при помощи которого языком было создано это слово (в нашем случае композит, Е.Т.) и сохраняет в себе отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент его возникновения… от другого слова по некоторой живой словообразовательной модели» [15, 48].

Модель образования композита ***Feed-to-food***, живая и производная, служит основой раздельнооформленной дефисной композитной конструкции с именным ядром. Однако главная трудность возникает при попытках получить адекватный перевод этой устойчивой конструкции с определённой внутренней формой. Мы полагаем, она «…представляет возможность мотивации актуального значения идиомы структурой знаний (переводчика — Е.Т.), которая стоит за образом, лежащим в основе внутренней формы идиомы» [16, 223]. Иными словами, если мы сформулируем для себя, что в общих случаях идиоматичность означает осложнённость способа передачи содержания в смысле *нетривиальности* и *нестандартности* его понимания, тем больше смысловых слоёв, заключённых в плане содержания композита, придётся удалить переводчику, чтобы передать актуальное значение сложного слова. В поисках этих образов, перекликающихся с анализируемым композитом, он обращается к своим знаниям (когниции).

Анализ композита ***Feed-to-food*** демонстрирует два активных компонента: ПОЕДАНИЕ/КОРМ и ПИЩА/ЕДА. Они оба — концепты и вызывают у нас определённые метафорические образы. Применительно к животноводческим отраслям, направленным на разведение и откорм животных, в конкретном случае — свиней, они могут быть следующими: «поедать много»; «корм/кормить от пуза»; «превращение отнятых от свиноматок сосунков в откормленных свиней»; пока, наконец, они сами не превратятся в «свинину» или «пищу для еды», чтобы попасть на наш с вами стол. Примерно так происходит осмысление процесса, приводящего (мысленно) к появлению мясного продукта, попадающего на стол человека. Такова стратегия предпереводческого анализа, которой воспользовался переводчик и получил в результате второй идиоматический вариант перевода: «***Кормить (как) на убой***». В его основе лежит образ, внутренняя форма которого допускает сравнение, на что указывает союз «как».

(5). В пятом примере рассматриваются две композитные структуры, написание которых сразу же выдаёт в них «иностранцев»; они заимствованы из французского языка, и в них сохраняется оригинальное французское написание: ***Croque-monsieur*** и ***Croque-madam***. Предпереводческий анализ этих композитов позволяет использовать две стратегии и получить два варианта перевода, соответственно. Первая из них, транслитерация, позволяет получить перевод «*Крок-месьё*» и «*Крок-мадам*»; с помощью второй, дескриптивного описания, получаем следующий перевод: «французский бутерброд с колбасой и сыром» и «французский бутерброд с яйцом сверху вместо сыра, как в Крок-месьё».

История появления этих двух терминов, как и самих блюд французской кухни, которые они называют, уходит корнями в начало прошлого века, когда впервые в 1910 году «Крок-месье» появился в меню парижского кафе. Можно предположить, что название блюду дал французский глагол «*croquer*» и обращение к мужчине, «*monsieur*», с предложением «похрустеть» свежеподжаренным тостом.

Дамский вариант этого же композита, но только с поджаренным яйцом сверху вместо сыра, получил название «*Крок-мадам*». Этимология данных терминов из области

пищевой промышленности и кулинарии в состоянии объяснить появление этих французских заимствований. Дамы и господа, которые могли лакомиться подобными закусками, не нуждались в переводе названий блюд на русский язык: они прекрасно понимали французский.

Однако здесь возникает один важный момент. Длительное время эти сложные слова практически не употреблялись: готовить и подавать блюда перестали, забыли и номинирующие их сложные слова. Несколько десятилетий спустя упомянутые закуски и их названия-композиты вновь стали широко употребляться, что позволило нам назвать это явление *вторичной рекуррентностью*, однако, к инновационным композитам их трудно причислить.

6) Рассмотрим ещё один пример рекуррентной композитной конструкции. ***Silo-hay trench***, композит с именным ядром, образован по модели дефисного написания, особенность которого заключается в том, что его первым компонентом не является слово ***Silage***, а лишь его основа ***Silo***, слияние которой со вторым компонентом, словом, образует наш рекуррентный композит. Перевод: «*Силосно-сенажная траншея*». Слово-термин ***Silage***, перевод которого как «*stand-by* / *stand alone*», «отдельно употребляемый термин», имеет следующие кодифицированные в словаре варианты: *силос*; *заготавливать силос*; *силосование*; *хранение в силосе* и пр., не столь интересен, как функционирование его основы в составе композита. Эта основа, ***Silo***, как первый элемент рекуррентного композита, очень и очень многофункциональна, что нашло применение в различных терминосегментах научной прозы, как-то: (1) *сельское хозяйство* — ***силосная яма или башня***; (2) *военно-ракетная область*: ШПУ — ***шахтно-пусковая установка***; (3) *дипломатия* — ***стартовая шахта (для ракет***); (4) *железнодорожный транспорт; военно-техническая; горная; буровая; металлургическая области* — ***бункер***. Можно предположить, что подобная модель образования композита, ***основа + слово***, позволяет ему быть полисемантичным и, таким образом, находить своё применение в самых различных областях научной литературы.

(7). Анализ примера ***cut-to-fit*** акцентирует внимание на синтаксисе научной речи. Необходимость придерживаться принципа структурной полноты предложения вынуждает автора отдавать предпочтение *цельнооформленной* модели *дефисного написания*, что обусловило выбор данной композитную конструкции. Областями функционирования композитов такого типа служат строительство, лёгкая промышленность, кройка и шитьё. Перевод композита: «*вытёсывать, вырезать, подгонять точно по размеру*». Приведём пример из области *строительства*:

«Masters of this technique, called ashlar, in which blocks of stone are ***cut-to-fit*** together tightly without mortar». [12, 1W]. «*Мастера этой техники, называемой ашлар, в которой каменные блоки плотно подгоняют друг к другу без раствора*».

В политических, гуманитарных и прикладных областях наук и знаний при использовании этого же композита предпочтение отдаётся иному типу. Здесь модель создания композита часто бывает *раздельнооформленная*. Можно лишь высказать предположение, почему один и тот же композит функционирует по-разному. В области точных наук композиту дефисного написания необходимо сохранять жёсткую понятийную связь всех компонентов сложного слова. Отдельные компоненты такой композитной конструкции формируют синтаксическую дефисную «спайку» или единство, что способствует достижению поставленной цели.

В политическом и иных контекстах или конситуациях далеко не всегда нужен такой тип связи компонентов сложного слова между собой, что, впрочем, не влияет на выбор варианта перевода. Рассмотрим пример из области *высокой моды*:

«*A pencil skirt is a slim-fitting skirt with a narrow* ***cut.*** *The hem, generally, falls* ***to****, or just below, the knee and is tailored for a close* ***fit*****»** [12, 3]. Перевод: «Юбка-карандаш — это облегающая юбка с узким ***разрезом***. Подол юбки, как правило, опускается ***до*** колена или чуть ниже его и выкраивается так, чтобы она ***плотно прилегала***». В этом примере демонстрируется не просто раздельнооформленная модель создания композита, но совсем иной синтаксис предложений, который «развёл» все дефисно-оформленные компоненты одного и того же композита по разным предложениям.

(8) И последний пример двух композитных конструкций в одном предложении, которые заимствованы нами из политического дискурса для сравнения с композитами, обслуживающими научные тексты: «*We reserve the right for* ***tit-for-tat*** *measures but we won't stoop to* ***kitchen' diplomacy***» Vladimir Putin [8, YouTube]. «Мы оставляем за собой право применения «***зеркальных мер»***, но при этом мы не будем опускаться до «***кухонных сплетен***» В. В. Путин (Russia Today).

Рассмотрим первую из них, ***Tit-for-tat measures***, перевод которой в сегодняшние СМИ допускается только в таком виде: «***зеркальные» меры***. Однако, переводчик не может не знать, что это — рекуррентная композитная конструкция, которая заимствована из Библии, что это идиома с ярко выраженной внутренней формой и переносным значением, «***око за око, зуб за зуб***», суть которой заключается в неминуемом и, как правило, по-библейски скором и очень страшном возмездии за содеянное. Она несёт в себе мощный эмоциональный заряд, который может свести на нет все усилия дипломатов наладить и без того почти тупиковые отношения между Россией и США, если её постоянно употреблять в оригинальном воинствующем значении массмедийными изданиями. Аксиологическая оценка композитной конструкции отрицательная.

Эта композитная конструкция очень широко растиражирована в СМИ. Следовательно, для поиска соответствующего адекватного перевода следует помнить о событийной отнесенности, в какой конкретной сфере функционирует данная идиоматическая композитная конструкция. В каждом случае предпереводческий анализ может подсказать стратегию выбора адекватного перевода. В контексте *дипломатии* может быть использован осторожный, но *адекватный* перевод «*зеркальные меры*». В ярком *политическом выступлении* оратор может пренебречь осторожностью, ему захочется блеснуть знанием Библии и процитировать идиому-библеизм в оригинале: «*око за око, зуб за зуб*». Ответственность за применение такого варианта может наступить очень быстро: автора призовут к ответу за разжигание ненависти или войны, возложив вину на автора или, как часто бывает, переводчика. Но здесь мы уже выходим за рамки коммуникативной ситуации.

Небезынтересна и вторая композитная конструкция, «***кухонная дипломатия***». Для любого русского человека привычно и комфортно обсуждать политику и не только её с друзьями, дома на кухне, за накрытым столом. Аксиология композита нейтральная. На кухне нет закрытых тем, дипломатических или лингвистических изысков: все вещи называют своими именами, часто ненормативными. Любому русскому человеку понятно, что означает «*кухонная дипломатия*», но не иностранцу, поэтому перевод-калька не поможет ему понять, о чём идёт речь. Можно привести аналогию с высказанной в прошлом с трибуны ООН Н. С. Хрущёвым идиомы «*показать всем Кузькину мать*». Сегодня происходит приблизительно такое же понимание употреблённого В. В. Путиным устойчивого выражения: он не намерен заниматься «*кухонной» дипломатией* (*kitchen diplomacy*).

Однако речь идёт о другом. И снова предпереводческий анализ, здравый смысл, владение коммуникативной ситуацией подсказывают, что композиты «*зеркальные меры*» и «*заниматься сплетнями на кухне*» более-менее помогут адекватно донести смысл оригинальных конструкций в переводе на русский и английский языки, соответственно. Хотелось бы отметить, что сегодня термин «адекватный перевод» в большинстве работ соответствует понятию «хороший, качественный перевод», хотя некоторые переводоведы трактуют его несколько иначе. Так, Гидеон Тури считает, что адекватность перевода определяется степенью сохранения норм языка оригинала, а приемлемость перевода - степенью соблюдения норм языка перевода [22, 56]. А норму перевода Г. Тури рассматривает как баланс между адекватностью и приемлемостью. Мы склонны поддержать оценку качества перевода, предложенную Гидеоном Тури, поскольку она отвечает требованиям и свойствам композитов, призванных обслуживать тексты английской научной прозы.

(б) Композиты, образованные стяжением основ и слов

Приведём несколько примеров образования композитов, в основе которых лежит одна модель — стяжение, но два различных её типа: (1) ***стяжение основ слов*** и (2) ***стяжение отдельных слов***.

(1) Два раздельных компонента: (а) свободное словосочетание ***global system*** и (б) слово ***location*** в процессе стяжения основ двух слов образуют новый термин, композит, характеризующийся некоторым сужением референции, которая закрепляется за единичным, вновь сформировавшимся денотатом, «***glocalization***». Сегодня переводчики всё чаще задействуют одну стратегия перевода, транслитерацию: «**глокализация**», часто забывая о наличии дескриптивного варианта перевода композита: «**местонахождение в глобальной системе**». Базовым критерием отнесенности рассматриваемой композитной конструкции к устойчивым выражениям является референциальная переинтерпретация. Как уже было отмечено, этот критерий референциальной переинтерпретации характерен для процесса *образования терминов* [14, 37—38].

Можно привести ещё один очень тиражируемый пример композита, который образован по модели стяжения основ: «***Евровидение***», «***Eurovision***». Его компонентами выступают две основы: ***Euro***pe + tele***vision***.

(2) В группу примеров композитных терминов, образованных путём стяжения, можно также включить рекуррентную композитную конструкцию «***webinar***», предпочтительный вариант перевода которой закрепился как транслитерированный перевод, «***вебинар***». Эта композитная конструкция образована из двух отдельных слов ***web*** + ***seminar***.

У всех приведённых выше композитов в параграфе (б) аксиология нейтральная.

(в) Образование композитов с использованием антропонимов и топонимов

Мы посчитали целесообразным отдельно проанализировать примеры композитных конструкций, в которых в качестве основного компонента функционируют (а) ***антропоним*** и (б) ***топоним*** в рамках конкретных моделей образования. Характерной чертой английского языка в наше время является усиление личностного начала, что не может не отражаться на образовании сложных слов и терминов-композитов. В качестве базовых основ, проявляя тесную связь с главными событиями дня, сегодня можно наблюдать как активное использование имен собственных многих наших современников, так и географических названий. Чаще всего используются фамилии политических и общественных

деятелей страны или регионы, хотя могут встречаться и другие имена, что расширяет разнообразие моделей образования рекуррентных композитных конструкций, например:

(а) «*Why* ***Trumponomics*** *won't make America great again? The impulsiveness and shallowness of America's president threaten the economy as well as the rule of law*» [9, 1A]. Перевод: «*Почему* ***Трампономика*** (***Trumponomics***) *не сделает Америку снова великой? Импульсивность и поверхностность американского президента угрожают экономике и верховенству закона*».

Приведённая здесь модель используется для создания композитной конструкции, первым компонентом которой выступает антропоним, имя собственное президента США Дональда Трампа: ***Trump*** + ***nomics***, основа от слова *economics*. Как и в других вышеприведённых примерах, при переводе композитной конструкции использована стратегия транслитерации, поскольку этот приём уже был использован в прошлом и зарекомендовал себя как адекватный вариант передачи смысла (ср. с композитом ***Обаманомика — Obamanomics***). Следует обратить внимание на один факт: аксиология подобных композитов может меняться, то есть, выступать как под знаком минус, так и плюс в зависимости от «привязки» к конкретным политико-экономическим событиям, с которыми связаны деяния личностей, подаривших свои имена композитным конструкциям в качестве одного, но главного семантического компонента. В заимствованном нами тексте из журнала «Economist» аксиология композита *Трампономика* отрицательная, *Обаманомика* для многих американцев принесла много положительного в областях страховой медицины, отсюда этот композит имеет положительную аксиологию.

(б) Композитные конструкции, первый элемент которых топоним, ***Ruxit*** (Russia + exit — Е. Т.) и ***Brexit*** (Britain + exit), перевод: «Выход России из Совета Европы» и «Выход Британии из ЕС», образованы по одной и той же модели. Приведём пример:

«*Bring Russia back in from the cold*», says Council of Europe chief Thorbjørn Jagland. «*I think many people are not able to imagine what a shock this can be for Europe if we simultaneously receive both* ***Brexit*** *and* ***Ruxit****. But it may happen soon*». [13, 1-5A]. Перевод: «*Турбьерн Ягланд, Генсек Совета Европы, придумал новый способ и термин относительно воз-*

врата России из холода в Совет Европы. Он заявил: «я думаю, многие не в состоянии представить, каким потрясением это может быть для Европы, если мы одновременно получим и ***Брекзит****, и* ***Ракзит****. Но это может скоро произойти»».*

Модель построения обоих композитов примера (б) одинакова. В качестве первых компонентов выступают топонимы, и оба являются главным компонентом композита. Вторые компоненты разнятся: у композита «Ru***xit***» в качестве первого компонента используется топоним, а у второго композита основой выступает слово «e***xit***». Можно с большой долей достоверности утверждать, что основную смысловую нагрузку несут в обоих примерах синкопированные основы первых компонентов, названия стран «***Ро***ссия» и «***Бр***итания». Этим можно объяснить и большой эмоциональный заряд, характеризующий оба примера. Все понимают, уровень отношений между двумя странами находится на очень низком уровне, Россия болезненно реагирует на бездоказательность обвинений Британии.

Рассматриваемый пример небезынтересен своей ссылкой-цитирование названия известной книги английского писателя Джона Лё Карре, «**Шпион, который вернулся с холода**», «**A spy who came in from the cold**». Стратегия цитирования подчёркивает и усиливает экспрессивность всего текста, в котором чётко просматривается аллюзия на библейскую тему возвращения блудного сына. Генсек Совета Европы использует и цитирование, и сравнение в своих собственных интересах. Следуя библейскому примеру, он протягивает руку помощи и прощения России, пытаясь вернуть нашу страну, как библейского блудного сына, из «холода заблуждений и неверно, с точки зрения Европы, избранного пути» в лоно ЕС с уплатой приостановленных членских взносов. Однако в контексте рассматриваемой коммуникативной ситуации, цитирование библейского текста в политическом контексте приобретает прямо противоположную эмоциональную коннотацию.

Мы привели этот пример с одной целью: показать, насколько экспрессивно сильными могут быть композиты. Такие композитные конструкции не могут быть использованы в научно-технической области. Предпереводческий анализ и перевод закрепляют за

ними исключительно политическую и ораторско-дискуссионную сферу функционирования.

4. Цельнооформленные композитные конструкции

Композиты, образованные стяжением основ

(а) Модель образования композитов: слово + *gate*

Последними мы хотели бы проанализировать два подтипа цельнооформленных композитов, образованных по моделям: (а) ***основа* + *gate*** и (б) ***основа* + *основа***. Рассмотрим первую группу примеров:

«***Amid «Russiagate» Hysteria***, *What Are the Facts*? *We must end this Russophobic hysteria*» [7, 1A].

«Russiagate», цельнооформленный композит, образованный по модели, **основа + gate**. Россия как государство никакого отношения к созданию данного новояза не имела; композит «***Russiagate***», ни в одном словаре не кодифицирован — это новообразование. Перевод можно сделать только путём транслитерации, «***Рашагейт***». Подобные сложные слова часто требуют значительных усилий, сравнений и культурно-лингвистической подготовленности читателя к аргументации и правильному восприятию как значения слова, так и понимания всей статьи [18, 44], поскольку в качестве первого компонента использован топоним, название нашей страны.

Готовить читателя / слушателя к пониманию этого композита, несомненно, нужно начиная с происхождения уникальной модели их образования. Ни одно другое здание в мире не внесло такой вклад в политику и лингвистику как здание гостиницы «Уотергейт» (***Watergate***) в Вашингтоне. В 1972 году в ней располагался штаб Демократической партии во время проведения президентских выборов; сторонники партии республиканцев установили в этой гостинице прослушивающую аппаратуру.

В результате политический ландшафт пополнился очередным скандалом, но лингвистическое пространство обогатилось новой рекуррентной композитной конструкцией, «Уотергейтский скандал», «***the Watergate* scandal**», за названием которого удобно можно было скрыть все неблаговидные детали столь громкого тогда политического дела.

С тех пор слово «***gate***» оказалось очень востребованным при назывании нового, вводимого в оборот композита, вторым компонентом которого оно неизменно выступало. Аксиология таких композитных конструкций всегда отрицательная: об этом позаботилось лексико-семантическое значение «-***gate***» (любой политический скандал, связанный с определённым лицом или местом).

Модель образования «***gate***»-содержащих композитов весьма продуктивна, а СМИ охотно и с большой долей изобретательности используют подобные конструкции как в англоговорящих стран, так и в России. Например, СМИ США широко использовали в своё время такие композитные конструкции как «***Irangate***» («***Ирангейт***» — скандал, связанный с незаконной торговлей оружия), «***Hollywoodgate***» («***Голливудгейт***» — скандал, связанный с обвинением режиссёра Д. Бергмана в присвоении 100 000 долларов), «***Monica-gate***» («Моника-гейт», секс-скандал, связанный с Моникой Левински и президентом США Биллом Клинтоном) и другие.

В наши дни запад инициировал новый композит — «***Russiagate***» («***Рашагейт***», (модель образования ***топоним + gate***), хотя Россия как государство не имела никакого отношения к этому новоязу. В не столь далёком прошлом и также по следам шумной отставки мэра Москвы Ю. М. Лужкова и по модели «Уотергейм», в России тоже возникали аналогичные композиты: «***кепка-гейт***» (аллюзия на любимый головной убор экс-мэра) и Лужков-гейт, однако, они не задержались надолго.

(б) <u>Модель образования композитов: основа + слово</u> и <u>основа + основа</u>

И последними мы рассмотрим и переведём цельнооформленные композитные конструкции, образованные по второй модели (б) либо как ***слово + слово***, либо ***основа + основа***, область употребления которых чисто терминологическая в отличие от первой группы (а). С этой целью остановимся на выборке из нескольких примеров, которые относятся к техническим областям:

(1). ***<u>An autopilot</u>*** (***automatic + pilot***) as a system is used to control the trajectory of an aircraft without constant ‘hands-on’ control by a human operator being required. Autopilots do

not replace human operators, but instead they assist them in controlling the aircraft [12]. Перевод: «***Автопилот*** как система (*модель* образования о***снова + слово***) *используется для управления траекторией воздушного судна без необходимости постоянного ручного управления человеком-оператором. Автопилот не заменяет людей-операторов, а лишь помогает им управлять самолетом*».

(2). ***Avionics*** (***aviation + electronics***) are the electronic systems used on ***aircraft***, artificial satellites, and ***spacecraft***. They include communications, navigation, the display, management of multiple systems, and the hundreds of systems that are fitted to aircraft to perform individual functions. These can be as simple as a searchlight or as complicated as an ***airborn*** early warning platform [12]. Перевод: «***Авионика*** (модель образования ***основа + основа***) — это электронные системы, используемые на самолетах, искусственных спутниках и космических кораблях. Они включают в себя связь, навигацию, отображение, управление несколькими системами и сотни систем, которые установлены на самолете для выполнения отдельных функций. Они могут быть и простыми, как прожектор, и сложными, как платформа дальнего радиолокационного обнаружения».

И два вне контекста рассматриваемых композита: (а) ***positron*** (***positive + electron***); модель образования композита (***основа + основа***). Перевод: 1) Переводческая стратегия при переводе — транслитерация: «***позитрон***»; 2) Дескриптивная переводческая стратегия: «***античастица электрона***» или «***положительный» электрон***»; (б) ***bionics*** (**biology + electronics**); модель образования композита (***основа + основа***). Перевод — «***бионика***».

Композитные конструкции последней группы являются типичными репрезентативными терминами, которые обслуживают тексты научной прозы. Характеризуются нейтральной аксиологией.

5. Выводы

В статье были рассмотрены типы и модели образования рекуррентных композитных конструкций, функционирующих в английских научных текстах различной направленности: общественно-политические и дипломатические **vs** научно-технические. Были

предложены рабочие определения рекуррентных композитных и не композитных конструкций, проведён анализ и подчёркнуты различия между раздельнооформленными/цельнооформленными композитами, как специально выделяемыми единицами языка научной прозы с положительной, отрицательной и нейтральной аксиологией. Подчёркнута важность предпереводческого анализа как средства вычленения двух основных типов и нескольких подтипов образования композитов, в частности, словосложения и основосложения. Была подчёркнута важность коммуникативно-функционального подхода, стремление вновь образуемых композитов «встроиться» в определённую композитоформирующую модель по аналогии с уже существующими. И, наконец, был сделан авторский перевод всех приведённых в статье примеров с целью выявить возможность передавать экспрессию и/или эмоциональные чувства рекуррентными композитными конструкциями, функционирующими в текстах научной прозы, относящихся к различным областям науки.

Источники, корпусы текстов и словари

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. М.: Либроком, 2010.
2. Financial Times. April 8. 2019.
3. Patrick Armstrong Analysis, Canada. Russia Observer.
4. https://patrickarmstrong.ca/2019/04/11/russian-federation-sitrep—11—april—2019.
5. https://www.thenation.com/article/the-real-costs-of-russiagate.
6. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_116368.htm.
7. Russophobic hysteria. By Jack F. Matlock Jr. “The Nation” June 1, 2018.
8. Russia Today (RT). YouTube, 2019.
9. The Economist. (a) May 13, 2017; (b) Dec. 22nd 2018 — Jan. 4th 2019.
10. The Wall Street Journal. January 3, No. 2, 2019.
11. USA Today. January 3, 2019.

12. Wikipedia. 2019.

Литература

13. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. Серия: «Лингвистическое наследие XX века». М.: Либроком, 2009.

14. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

15. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

16. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянских культур, 2004.

17. Разинкина Н. М. Стилистика английского научного текста. М.: URSS, 2015.

18. Рябцева Н. К. Научная речь на английском языке (новый словарь-справочник активного типа). М.: Флинта/Наука, 2008.

19. Терехова Е. В. Критерии выделения и особенности функционирования рекуррентных конструкций в английском политическом и дипломатическом дискурсе. // Вестник НГУ, Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация». Т. 9, Вып. 1, 2011.

20. Хашимов Р. И. Билексема как особая единица языка // Вопросы филологии. № 4, 2008.

21. Sdobnikov Vadim V. Translation Strategy Revised: The Communicative-Functional Approach. // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Science, № 4 (10), 2011.

22. Toury Gideon. The Nature and Role of Norms in Translation // Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam; Philadelphia, 1995.

А. В. Шаров (Институт языкознания РАН)

A. V. Sharov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Об этимологии и особенностях употребления слов со значением ‘надежда’ в венгерском языке [1]

On etymology and peculiarities of use of Hungarian words meaning ‘hope’

Аннотация

В статье рассматриваются лексические единицы венгерского языка со значением ‘надежда’, прежде всего — глагол *remélni* и родственные слова. Дается информация об этимологии и особенностях употребления.

The paper deals with Hungarian words meaning ‘hope’, including but not limited to *remélni* and its cognates, and gives an outline of their etymology and peculiarities of use.

Ключевые слова

Лексика, этимология, эмоции, венгерский язык.

Lexicon, etymology, emotions, Hungarian language

В современном венгерском языке выражение надежды передаётся, в первую очередь, глаголом *remélni* — ‘надеяться’ и связанными с ним однокоренными лексемами. Рассмотрим случаи инокорневых (отличных от *remél-*) слов, помещённые в словарные статьи рассматриваемых лексикографических источников:

bízǁni II *vkiben, vmiben* ‘надеяться *на кого-л.*, *на что-л.*, верить *кому-л.*, верить *во что-л.*’

bízik az erejében ‘он надеется на себя; он уверен в собственных силах’

(при *bízǁni* I 1) *vkire vmit* ‘доверять, поручать *кому-л.*’ <...>;

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №18-012-00736а) в Институте языкознания РАН.

2) *vkire bízni magát* (о 3-ем лице) ‘положиться *на кого-л.*’) [3, 85].

bízni [2] ‘1. надеяться, не терять надежды; 2. *vkiben/vmiben* надеяться *на кого/что*, верить *в кого/что*, быть уверенным *в ком/в чём*’

Примеры к *bízni* [2]: *bízni a sikerben* ‘надеяться на успех, верить в успех’;

bízhatsz benne ‘можешь на него положиться’;

bízzal bennem ! ‘положись на меня !’;

vakon bízni vkiben ‘слепо верить (или доверять) *кому*’;

bízni az erejében ‘быть уверенным в своих силах, надеяться на себя’.

(При *bízni* [1]: 1. *vkit/vmit vkire/vmire* ‘доверять/доверить, поручать/поручить *кого/что кому* <...>; 2. *vkire bízni magát* ‘полагаться/положиться *на кого*’). [1, 95].

bízik vkiben, *vmiben* ‘надеяться 2. на кого/что’; *bízni lehet benne* ‘на него можно надеяться’ [2, 423].

el|várni vmit vkitől ‘ожидать *чего-л. от кого-л.*; претендовать *на что-л.*’ [3, 167].

elvárni 1. *vmit* (*vkitől*) ‘ждать, ожидать *чего* (*от кого*) (*как само собой разумеющееся*); (*megkövetelni*) ‘по праву ожидать, по праву требовать *чего* (*от кого*);

minden dolgozótól elvárjuk a becsületes munkát ‘от каждого трудящегося мы по праву требуем (*или* вправе требовать) честной работы’;

ezt nem vártam volna el tőle ‘я этого от него не ожидал’;

elvárom, hogy segítségemre legyél ‘я рассчитываю на твою помощь’;

2. *vkit* (*látogatót*) непременно ждать *кого* (*в гости*), твёрдо рассчитывать на приход *кого*;

Holnapra okvetlenül várunk ‘так завтра мы тебя непременно ждём’ [1, 186].

Интересно, что в словаре сегедского койне *elvár* имеет иные значения: 1. ‘ждать до определённого времени’; 2. ‘требовать по праву’ [6, 368]. Ожидание, которое, как мы видим по развитию семантики, тесно связано с надеждой, даёт смысловое наращение в виде *активного требования*, а не *пассивной надежды*.

Обратимся к происхождению глагольных лексем, связанных с надеждой и ожиданием: *remélni*, *reménykedni*; *bízni*; *elvárni* < *várni*.

Этимологический словарь венгерского языка сообщает, что глагол *remél* зафиксирован в памятниках письменности начиная с XV в. и является производным от существительного *remény* — ‘надежда, ожидание’, известного, по меньшей мере, с XII в. В фонетическом отношении основа *remél-* также является вторичной: она представляет собой следствие ассимиляции *nyl* > *ll* (>l) в исходной основе *reményl-* с тем же значением. Вариант *reménykedni*, как и *remélni*, известен с XV в. В нём сохраняется первоначальная основа *remény-* перед формантом *-ked-* [14, 613]. Его значение — ‘быть исполненным надежды’. По грамматической классификации *reménykedni* — так называемый *иковый* глагол, поскольку в форме безобъектного спряжения, настоящего времени, 3-го лица, единственного числа у него присутствует аффикс *-ik* (*reménykedik*) [9, 1249], в современном нам языке не несущий отдельной семантической нагрузки, но позволяющий некоторым грамматистам выделять глаголы с *-ik* и сопутствующими характеристиками в наборе аффиксов в особое *среднее спряжение* [11, 61] Изначальное происхождение обеих лексем, как существительного, так и глагола с его вариантом, точно не установлено. [9, 1249]. Основа *remény-* предполагается родственной глаголу *rimánkodik* — ‘умолять’ [8, 255]. От этого же корня существует и отглагольное существительное — *rimánkodás* — ‘мольбы’ [1, 644].

Этимология глагола *bízni* (*bízik*) также является не до конца выясненной. Была попытка связать её с удмуртской основой *baz-* — ‘надеяться, питать надежду’, адекватной венгерской форме *bizakodik*. [8: 21] Формы этого глагола известны по памятникам письменности с первой половины XII в. [9, 110].

Формы глагола *vár* появляются в памятниках, как минимум, с конца XII в. С XVI в. встречается иковая форма *várakodik* (либо также *várakozik*). С этого же времени известны такие формы, как *várandós* — ‘беременная’ (выраженная семантика ожидания) и *váratlan* — ‘нежданный, внезапный’. Для основы *vár-* удаётся найти соответствия в родственных венгерскому угорских языках. Например, ср.: в одном из мансийских идиомов: *ūr-*, *wūrkat-* — ‘ждать, ожидать’ [8, 332].

Интересны особенности употребления слов с основой *remél-*. Корпусные данные показывают разнообразное употребление лексем, связанных с надеждой и ожиданием:

это и глаголы, используемые в обоих спряжениях (объектном и безобъектном), и инфинитивные конструкции, и имена с различным морфологическим оформлением. Ср. (1a, b).

(1) **a.** *és az álom meg-jön, akkor lehet remélni, hogy a' beteg meg-gyógyúl* ('и сон возвращается, тогда возможно надеяться, что больной поправляется' (Rácz Sámuel: Orvosi praxis. 1., 181; Egyetemi Nyomda, 1801 'Шамуэль Рац: Врачебная практика. Университетская Типография, 1801'). **b.** *Remélhetni, hogy ha Urunk országait egyszer jobb lábra hozhattya és bölts rendeléseit Hazánkban is gyarapithattya*, ... ('Надеяться можно, что если Государь наш свои страны (владения) единожды когда-то на путь истинный выведет и мудрые свои веления в Отчизне нашей преумножит') (1783—1792 Barcsay Ábrahám: Levelei gróf Széchényi Ferenchez; Történelmi Tár, 549; Magyar Történelmi Társulat, Budapest, 1904 'Абрахам Барчаи. Письма графу Ференцу Сечени; Исторический Сборник. Венгерское Историческое Общество, Будапешт, 1904').

В примере (1a) инфинитив (*remélni*) сопровождается наречной формой *lehet* (производной от глагола бытия *lenni* — 'быть, являться') [3, 421, 426]. Здесь мы видим аналитический способ [11, 38—39] выражения возможности надежды. В примере (1a) то же значение выражается синтетически: поэт-просветитель Барчаи использует синтетическую форму с аффиксом возможности *-hat-*, и использует далее эту же форму для других глаголов этой части высказывания (*hozhattya*: букв. 'приводит возможно его', объектное спряжение; *gyarapithattya*: букв. 'умножает, увеличивает возможно его', объектное спряжение).

В обоих случаях семантика сходна: ожидание благоприятного исхода в предстоящем ближайшем или не слишком далёком будущем.

В целом, в литературе XVIII и XIX вв., как и в новейших изданиях и современном языке, обе инфинитивные формы употребимы примерно с одинаковой частотностью: 14 примеров в корпусе на форму *remélhetni* и 13 — на форму *lehet remélni*. Обе формы несут оттенок книжности, «высокого штиля» и вдумчивости восприятия как у адресатов, так и у произносящего или пишущего.

Что касается именных форм, в литературе, помимо широко распространённого *remény*, в памятниках XVI — начала XIX вв. встречается *reménység*. Этот суффикс, являющийся показателем абстрактного значения, широко применяющимся и в современном языке, вероятно, добавляет большей отвлечённости от действия и приносит больше *описательности* в мыслительный процесс. Ср. (2):

(2) **a.** *Reménségem nincs már nékem...* 'Теперь нет у меня моей надежды…' [5, 15]. **b.** a' *vágyódás, únalom, reménység* — 'ностальгия, скука, надежда' [13, 7].

В (2a), отрывке из произведения поэта Балинта Балашши (1554—1594), использована притяжательная форма 1-го лица ед. ч., оформленная аффиксом -(*e*)*m*. В примере (2b), отрывке из перевода трудов протестантского богослова Юста Липсия на венгерский, изданного в 1808 г., также употреблена форма с аффиксом -*ség*. Любопытно, что в современных диалектах эта форма (*reménység*) сохранилась и переводится на литературный язык, как *remény*. В Сегедском словаре приведено устойчивое сочетание *Jó reménység fejibe* (букв. 'хорошая надежда в голове'), являющееся аналогом формы *reménykedve* — 'надеясь, с надеждой, в надежде на…' [7, 359].

Нормативные словари дают также форму *reménykedés* — 'ожидание', с семантикой, сдвинутой к основному значению глагола *várni* — 'ждать, ожидать', тогда как глагол *reménykedni* имеет значение 'надеяться, питать надежду *на что-л.*' [3, 593]

Формы глагола *bízni* распространены чрезвычайно широко, что отражено и в истории литературы [2].

(3) *<...> De bízik a jövőben, ezt se' bánja, // Reménye kész, könnyen fordul iránya. <...>* ('<...> Но надеется на будущее, и не сожалеет, // Надежда его переполняет (*или*: Надежда его крепка), легко повернётся направление его. (Arany László, 1872: A délibábok hőse; Összes művei. 1. Költeményei, 67; Franklin Társulat, Budapest, 1900 'Ласло Арань, 1872. Герой мечты; Полное собрание. 1. Стихотворные произведения, с. 67; Общество Франклин, Будапешт, 1900').

[2] Примеры (3) и (4) взяты из Исторического корпуса венгерского языка [12].

У Араня видим и существительное *remény* — ‘надежда’ с притяжательным аффиксом 3-го лица, единственного числа *reménye* — ‘его надежда’.

Bízni нередко встречается в императиве, см., например: *Bízzál, de nézd meg, kiben.* ‘Доверяй, но смотри кому’ [10, 69] (распространенный перевод лат. *fide sed cui vide*); *Hagyjad az Urra*[3] *a’ te útaidat és bízzál ö benne és Ö meg-tselekeszi* [4, 5] ‘Предай Господу пути твои и *уповай* на Него, и Он свершит’ (здесь в переводе мы передали *bizzál* как *уповай* в соответствии с характером цитируемого произведения издания и использованных в нём библейских цитат).

В сегедском койне глагол *bízik* также развил два основных значения: 1. ‘иметь уверенность, иметь (выказывать) доверие’ и 2. ‘быть исполненным надежды’. В словаре даются отсылки на префиксальные формы: *megbízik* и *rábizik.* Форма с *rá-* обозначает бо́льшую силу действия в направленности на кого или что-либо. В словаре также приведена пословица *Aki Istenbe bízik, nem csalatkozik* — ‘Кто на Бога полагается, тот не обманется’ [6, 160].

Лексема *elvárni* давно и морфологически разнообразно представляет ожидание положительного результата чего-либо, ср. (4):

(4) <...> Békén *elvárom*, kész vagyok mindenre <...> (‘С покоем [букв. «на покое»] ожидаю, готово всё у тебя’) (Kisfaludy Károly: Ilka, vagy Nándofejérvár bevétele; Minden munkai. 2; Pest(en), Kilian, 1843 ‘Карой Кишфалуди. Илка, или Источник дохода Нандорфейервара; Полное собрание. 2; Пешт, Килиан, 1843’).

Здесь глагол употреблен в объектном спряжении, поскольку за ним следует придаточное изъяснительное предложение, хотя и с опущением союза *hogy*— ‘что’.

Подводя итог, мы можем отметить в современном венгерском языке разнообразие способов выражения *надежды*. Привлечение источников XVI—XIX вв. (т.е. периода, непосредственно предшествующего языковому пуризму XIX в. и становлению современ-

[3] Здесь начертание *UR* (в сублативе, т.е. верхнеприблизительном падеже *URra* ‘на Господа’) перекликается с начертанием *GOtt*, принятым в наборе Библии Лютера или *GOD* и *LORD* в Библии короля Иакова.

ной языковой нормы), а также словаря городского койне Сегеда показывает значительную устойчивость семантики трёх основных основ — *remény-*/*remél-*, *bíz-* и *(el)vár-*. Наибольший интерес для изучения эволюции семантики представляет судьба родственной основы *rimán-* — ‘умолять, упрашивать’ и семантический переход приставочной формы *elvár-* — ‘ожидание положительного результата’ > ‘справедливое требование’ в сегедском койне.

В дальнейшем мы планируем углубленное изучение значения и употребления эмоциональной лексики венгерского языка с точки зрения семантики на корпусном материале, сопоставление этих единиц в неродственных, но территориально близких языках (например, венгерском и словацком).

Литература

1. Венгерско-русский словарь: 40 000 слов. 2-е изд., стереотип. / Под общей ред. Л. Гальди. М. — Будапешт: Русский язык, Издательство Академии наук Венгрии, 1987.

2. Гальди Л. Русско-венгерский словарь. Седьмое издание. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987.

3. Кахана М. Г. Венгерско-русский словарь. Издание третье, переработанное и дополненное под редакцией проф. К. Е. Майтинской; 35 000 слов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959.

4. *Az Isten Gondviselésnek Hegye...* — Beregszászi Móyzes. Kolosváratt: Nyomt. Páldi István által, 1761.

5. Balassi Bálint összes költeményei (1554—1594) // http://mek.oszk.hu /00600/00609/00609.

6. Bálint 1957-I — Szegedi Szótár I. / Bálint Sándor (et al.). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1957.

7. Bálint 1957-II — Szegedi Szótár II. / Bálint Sándor (et al.). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1957.

8. Bárczi 1941 — Magyar Szófejtő Szótár. / Bárczi Géza. Budapest: Királyi Magyar Egyetemi Nyomda, 1941.

9. Benkő 1993 — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Band I. / Benkő L. et al. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.

10. Jakab A. Zs. Ez a kő tétetett... Az emlékezet helyei Kolozsváron (1440—2012). Adattár. Kolozsvár: Kriza János Néprajzi Társaság Nemzeti Kisebbségkutató Intézet, 2012.

11. Hall, R. A., Jr. An Analytical Grammar of the Hungarian Language // Language (Apr.—Jun., 1938). Vol. 14, No. 2, Language Monograph No. 18. Pp. 9—113.

12. Historical Dictionary Corpus, Hungarian Academy of Sciences // http://www.nytud.hu/hhc.

13. Lipsiusnak Az Álhalatatosságrul Két Könyvei; Forditotta Egyházas-Rádóczi Boda Joseph; T.N. Baranya Vármegyének Fő-Szolga - Birája. Pesten: Nyomtattattot Trattner Mátyás', Ts. Kir. Priv. Könyvnyomtatónak Betüivel, 1808.

14. Zaicz G. Etimológiai szótár. Magyar szavak és toldalékok eredete. Budapest: TINTA Könyvkiadó, 2006.

Юе Цюй (Институт языкознания РАН)

Yue Qu (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Проблема межъязыковой неоднозначности при переводе номенклатурных терминов московского городского топонимикона с русского языка на китайский

Translating generic terms of the Moscow toponymicon from Russian into Chinese: the problem of cross-language ambiguity

Аннотация

Номенклатурными терминами в ономастике принято называть имена нарицательные (апеллятивы), определяющие категорию топонимического объекта (*улица*, *проспект*, *бульвар*, *переулок* и др.). На материале номенклатурных терминов, характеризующих топонимикон г. Москвы, рассматривается ситуация межъязыковой неоднозначности при переводе с русского языка на китайский. Выясняются причины возникновения неоднозначности и многоэквивалентности при переводе русских терминов. Проведенный анализ призван помочь снять неоднозначность и выбрать удачный эквивалент при автоматическом переводе; результаты также могут быть использованы при составлении китайской версии карты центра Москвы.

In the science of onomastics, the term *generic terms* used to refer to appellatives (common nouns), which indicate categories of toponymic objects, cf. *street, avenue, boulevard, lane,* etc. On the material of Russian generic terms which characterize the toponymy of Moscow, the article considers the situation of cross-language ambiguity in the translation from Russian into Chinese. The reasons for ambiguity and multi-equivalence of terms are investigated. The analysis is intended to help remove ambiguity in machine translation as well as in compiling the Chinese version of the Moscow center map.

Ключевые слова

Номенклатурные термины, внутригородская топонимия, московский топонимикон, перевод, межъязыковая неоднозначность, полиэквивалентность

Generic terms in toponymics, urban toponymy, urban toponymicon of Moscow, transla-

tion, cross-language ambiguity, multi-equivalence

В современной ономастике принято различать термины *топонимия* и *топонимика*. Топонимия обозначает совокупность географических названий (топонимов), а топонимика — раздел ономастики, занимающийся изучением топонимов. Начиная со второй половины XX в. топонимика в России развивалась очень интенсивно, привлекая внимание лингвистов, географов, краеведов, историков, культурологов. При сопоставлении языков и культур в сфере географических названий неизбежно возникают проблемы их адекватной передачи на другой язык. Мы столкнулись с такими проблемами при переводе с русского языка на китайский, а также при обучении китайских студентов русскому языку. Проблема состоит, прежде всего, в том, что лексическая неоднозначность исходной русской лексической единицы, отраженная в современном двуязычном переводном словаре, ставит изучающих русский язык студентов перед выбором эквивалента, и их выбор не всегда оказывается правильным. Разъяснение данной проблемы при переводе позволяет снять неоднозначность и выбрать наиболее удачный эквивалент. Наряду с этим, рассмотрение данной проблемы в сфере топонимии поможет составить качественный атлас центра Москвы на китайском языке, а также будет полезным при создании обучающей топонимической базы данных с лингвокультурным компонентом.

В процессе изучения собственных имён китайские студенты преимущественно обращают внимание на правила их писания. В большинстве случаев они считают, что самое большое отличие собственных имён от нарицательных заключается в их правописании, в частности, в сфере ономастики студенты обращают внимание только на словообразование антропонимов (суффиксы фамилий и отчеств). Мало кто из студентов сосредотачивает своё внимание на семантике и культурных коннотациях собственных имён. Вместе с тем программа обучения требует, чтобы студенты с высшим уровнем владения русским языком обладали углубленными знаниями в разных языковых сферах, в том числе и в ономастической. В данной статьи путём рассмотрения и сравнения словарного толкова-

ния номенклатурных терминов, сопровождающих названия московских внутригородских географических объектов, мы попытаемся выяснить причины межъязыковой неоднозначности, складывающейся в процессе перевода с русского на китайский.

Прежде всего, кратко остановимся на самих номенклатурных терминах. Как известно, топонимика, являясь частью ономастики, занимается собственными именами географических объектов. Структуру топонима образуют два компонента: собственное название географического объекта и номенклатурный термин. Китайский лингвист Ли Жулун в своей книге «Очерк по китайской топонимике» [16, 30] отмечает, что номенклатурные термины обозначают категории географических объектов, номенклатурный термин сам по себе не имеет отличия от нарицательных имён, ср. такие китайские номенклатурные термины как 乡 — ‘село, деревня’,镇 — ‘посёлок, слобода’, 街 —‘улица’, 巷 — ‘переулок ,улочка, тупик’ и т. д. Важно, что название географического объекта без номенклатурного термина иногда не является топонимом, например река Янцзы без слова река не является гидронимом. Иногда без номенклатурного термина создаётся нечёткий смысл, например, название географического объекта Шанхай без указания номенклатурного термина может означать город, порт, железнодорожную станцию и др., хотя в речевой коммуникации номенклатурные термины часто пропускаются. Изучение названий географических объектов в Китае нашло отражение в монографиях, научных статьях и других работах, из которых важное место занимает упомянутая выше монография Ли Жулун [16], а также «Основной курс топонимии» профессора Чжу Япин [17] и др. В России исследованию топонимии посвящены работы многих учёных, назовем лишь некоторые из них, на которые мы опирались в своем анализе. Это — «Топонимия и её место в лексической системе языка» Ю. А. Карпенко [6], кандидатская диссертация «Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы» Н. Ю. Забелина [3], «Топонимика и межнациональные отношения» А. М. Мезенко [9], «Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями» А. А. Мартынова [8]. Являясь сопровождающим компонентом топонима, номенклатурный термин употребляется для отражения родовой принадлежности географического объекта. Неслучайно английским

эквивалентом для данной единицы является выражение generic term. Номенклатурный термин (синонимы: географический термин, идентификатор) выполняет когнитивную функцию категоризации, предусматривает определенные пределы для географического объекта. Как подчеркивают многие исследователи топонимии, основной функцией номенклатурных терминов является отражение свойств и признаков географических объектов [15, 29]. В «Административных правилах о топонимах в г. Чунцин» чётко предусмотрены функции номенклатурных терминов: «обозначать совокупность одинаковых или аналогичных географических объектов одним собирательным существительным» [18, пункт 2.4].

Несмотря на наличие научных и научно-практических публикаций по вопросам топонимики, в Китае существует проблема беспорядочного употребления названий географических объектов. Данная проблема, на наш взгляд, связана с явлениями синонимии и омонимии, т.е. один и тот же географический объект может категоризироваться разными близкими по значению словами или может иметь разные означаемые при одинаковом звучании. Например, номенклатурные термины 园 и 苑, оба они означают ‘сад с высаженными деревьями и цветами для прогулки и отдыха’, но многие писатели предпочитают использовать последний вариант, считая его более изящным. Многозначность также является одной из проблем беспорядочного употребления. Приведём в качестве примера иероглиф 湾. В качестве номенклатурного термина он может означать ‘изгиб водного потока’, однако может использоваться и как название посёлка.

Для анализа в данной статье мы взяли шесть номенклатурных терминов из состава названий московских внутригородских географических объектов (*переулок*, *тупик*, *бульвар*, *аллея*, *набережная*, *проезд*). Эти термины в качестве исходных (входных) лексических единиц будут сравниваться с их переводными эквивалентами на китайском языке (выходная единица). С такой целью мы поставили себе задачу проанализировать их толкования в нескольких русских толковых словарях [2; 10; 12], а также рассмотреть переводные эквиваленты данных лексем в «Большом русско-китайском словаре» [13].

1. *Переулок*

Переулок, -лка, м. Небольшая, обычная узкая улица, соединяющая две другие, параллельные улицы [10, 414].

Переулок, м. Небольшая улица, являющаяся обычно поперечным соединением двух других улиц [2, 83].

Переулок*, -лка,* 胡同, 小巷 [13, 1478].

Очевидно, что номенклатурный термин *переулок* в русских словарях толкуется однозначно. В толковании отражены топографическое расположение объекта, его размер и функция. Однако при переводе на китайский язык *переулок* получил два эквивалента. Оба эквивалента имеют общее значение ‘небольшая улица для соединения других улиц’, но набор семантических компонентов в каждом из них обладает своими нюансами. Как пишет Анна А. Зализняк, «сравнение этих наборов выявляет общее и различное в значении синонимов в пределах переводных эквивалентов в разных языках» [5, 16].

Первый переводной эквивалент 胡同 восходит к монгольскому языку. Данный номенклатурный термин является транскрипцией монгольского слова. В 1276 г., после того как династия Юань учредила столицу в Пекине, этот эквивалент сохранился в составе географических названий и имеет более чем 700-летнюю историю. Он несколько раз упоминается в текстах классической китайской драмы (Юаньская драма). В настоящее время данный номенклатурный термин стал важным объектом культурного наследия Старого Пекина, которому уделяется значительное внимание историков, культурологов, географов и лингвистов. Номенклатурный термин 胡同 отражает картины из прошлой жизни старого поколения пекинцев. Его употребление отражает не столько пространство, например, улицу, ведущую к дому, сколько «музей» обычаев и нравов пекинцев. Это связано с тем, что старые пекинские переулки назывались по древним административным органам, храмам и дворцам, мостам, торговым местам, антропонимам, пейзажам и т.д. и поэтому несут в себе большую историческую, культурную и эстетическую ценность.

Второй переводной эквивалент 巷 в качестве единицы дорожной системы зафик-

сирован как номенклатурный термин после династии Сун. Династия Сун была периодом процветания литературы древнего Китая, так что номенклатурный термин 巷 часто возникает в литературных произведениях и является образным выражением для тишины и спокойствия. Признак узкой и длинной формы привел к тому, что это слово в литературных произведениях развило смысл ‘тихий, уединённый’. Так что в набор семантических компонентов второго переводного эквивалента входит дополнительный смысл ‘глубокое, тихое, простое и скромное место’. О таком семантическом явлении написала Анна А. Зализняк: «важным источником поэтической неоднозначности является оживление внутренней формы (в результате чего слово приобретает дополнительный смысл, что создает своеобразный стереоскопический эффект)» [5, 6].

Профессор Е. Ф. Тарасов в беседе с автором сказал, что сознание усваивает образ предмета, который есть в культуре. Эту мысль можно связать с тезисом о том, что «значение языкового выражения может быть представлено в форме его схематического образа (образа-схемы)» [5, 3]. Развивая эту мысль дальше применительно к нашей теме, можно сказать, что восприятие географического объекта, его отражение в языковом сознании, во многом обусловлено разницей не только языков, но и региональных культур. Поэтому исторически люди из разных регионов Китая воспринимали один и тот же географический объект по-разному и, соответственно, предпочитали использовать разные номенклатурные термины для его обозначения.

Если переулки на севере Китая (в основном переводится как 胡同) отражают представление о картинах бытовой жизни старой столицы, то люди с юга Китая предпочитают вкладывать в название географического объекта поэтический колорит. Стоит отметить, что названия географических объектов могут стать предметом исследования внутренней миграции Китая, межрегионального перемещения и смешивания обычаев, диалектных особенностей, поговорок. Например, в городе Ланчжоу, находящемся в северо-западном районе Китая, существует немало номенклатурных терминов, которые сохранили культурный оттенок, присущий этим словам на правобережье реки Янцзы. Так,

многие переулки в г. Ланчжоу наименовались номенклатурным термином 巷. Это связано с тем, что мигранты с правобережья реки Янцзы переехали на северо-запад Китая и занесли названия и элементы диалекта своего родного города в новую среду.

2. *Тупик*

***Тупик**, -а, м.* 1. Улица, не имеющая сквозного прохода и проезда. 2. Железнодорожный станционный или иной путь, сообщающийся с другими путями только одним концом. 3. перен. Безвыходное положение [10, 665].

***Тупик**.* Улица, переулок, не имеющие сквозного прохода или проезда // Железнодорожный станционный или иной путь, сообщающийся с другими путями только одним концом [2, 816].

***Тупик**, -а,* ①死胡同 [13, 2400].

Слово *тупик* на китайский язык буквально переводится как ‘мёртвый переулок’ и означает ‘переулок без прохода’. Для перевода номенклатурных терминов *тупик* и *переулок* важно их сходство, однако *тупик* в своем наборе семантических компонентов несет идею сквозной непроходимости, присущей данной категории городских линейных объектов. Буквальный перевод русского слова *тупик* вообще не употребляется в наименовании китайских географических объектов. Так что для этого чисто русского номенклатурного термина при переводе на китайский язык придётся использовать те же переводные эквиваленты, что у слова *переулок*.

Похожая ситуация наблюдается и при передаче синонимичных русских номенклатурных терминов *бульвар* и *аллея*.

3. *Бульвар*

***Бульвар**, -а, м.* Широкая аллея на городской улице, обычно посредине ее [10, 53].

***Бульвар**, м.* Широкая аллея вдоль улицы (обычно посредине её), берега моря и т.п. [2, 134].

***Бульвар**, -а,* ① 城市中的林荫道 .②（岸边的）林荫道式的街心花园. [13, 137].

Номенклатурный термин *бульвар* при переводе имеет два синонимичных эквива-

лента. Они имеют общее значение (инвариант) ‘дорожка, обсаженная деревьями и кустарниками’. Но если первый эквивалент означает любую обсаженную дорожку, необязательно находящуюся на городской улице, и тем самым носит более широкое значение, то второй переводной эквивалент имеет конкретное значение ‘сад или сквер, расположенный посреди городской улицы’. Так что можно сказать, что оба переводных эквивалента описывают вполне определенный вид внутригородских географических объектов, но с большей или меньшей степенью детализации. При выборе эквивалента при переводе следует, очевидно, принять во внимание, какой из данных эквивалентов лучше учитывает ситуацию. Особенно это существенно при речевой коммуникации, когда значение имеет референция к конкретному объекту.

4. *Аллея*

***Аллея**, -и, ж.* Дорога с рядами деревьев, посаженных по обеим ее сторонам [10, 22].

***Аллея**,* [*алея*]*, и, ж.* Дорога, усаженная по обеим сторонам рядами деревьев [12, 37].

***Аллея**,* 林荫道;（花园或公园的）林荫小径. [13, 26].

Лексема *аллея* в качестве номенклатурного термина синонимична лексеме *бульвар*. Оба эквивалента имеют общее значение ‘дорога, обсаженная по обеим сторонам деревьями или кустарниками’. Отличие состоит в том, что *бульвар* пространственно шире, чем *аллея*. Как номенклатурный термин первый употребляется чаще, поскольку у второго эквивалента актуализируется «негородской» локус, т.е. ‘обсаженная деревьями дорога в лесу, в саду или в парке’.

5. *Набережная*

***Набережная**, ж.* 1. Берег, укрепленный покатой или отвесной стенкой из камня, дерева и т.п. 2. Улица по берегу реки [10, 914].

***Набережная**, -ой, ж.* Берег, укрепленный стенкой из камня, дерева и т.п., а также улица вдоль такого берега [2, 298].

***Набережная**, -ой, ж.* Берег, укрепленный покатой или отвесной стенкой из кам-

ня, дерева и т. п. [12, 454].

Набережная, 堤岸；沿岸街. [13, 1050].

Переводной эквивалент исходной лексической единицы *набережная* не будет удачным при использовании его в китайском языке в качестве номенклатурного термина. Вместо словарного эквивалента применяется словосочетание 滨（江、海……）路 — ‘улица или дорожка по берегу чего-л.’. Данное словосочетание часто встречается в названиях внутригородских географических объектов как модель, требующая конкретного наполнения: оно должно включать в себя конкретное название водного объекта, т.е. при переводе слова *набережная* необходимо конкретное указание ‘берег чего’, т.е. указание на гидроним. Подбор эквивалента для русской лексемы *набережная* осложняется еще и тем, что в китайском языке существуют много названий для водной территории в зависимости от формы, величины и конфигурации водных географических объектов, ср. 溪 — ‘горный ручей’, 涧‘— ‘горный ручей у ущелья’, 江 — ‘река, главным образом, о реках центрального, южного и северо-восточного Китая’, 河 — ‘река, канал’, 湖 — ‘озеро’, 海 — ‘море’. Таким образом, наличие в китайском языке рядов названий водной территории, а также особенности лексической сочетаемости именно в данной модели усложняют подбор эквивалента при переводе номенклатурного термина *набережная.*

6. *Проезд*

Проезд, 1. Действие по знач. глаг.: проезжать, проехать. 2. Место, где можно проехать. 3. Переулок [10, 348].

Проезд, -а, м. 1. см. проехать. 2. (род. -а и -у). Место, где можно проехать. Узкий п. 3. Улица или переулок, соединяющие параллельные улицы [12, 495].

Проезд, -а, ②车马通行的道路，能通车马的地方. ③横巷，（连接两条平行大街的）小胡同. [13, 1811].

При переводе номенклатурного термина *проезд* возникает ситуация, уже описанная нами при анализе лексической единицы *бульвар*. В данном случае оба китайских эквивалента русской лексемы также имеют общее значение (инвариант) ‘дорога, где можно

проехать’, но второй эквивалент обладает большей степенью конкретности, и именно он стал синонимом к номенклатурному термину *переулок*.

Мы рассмотрели примеры, описывающие отношения между исходными русскими номенклатурными терминами *переулок*, *тупик*, *бульвар*, *аллея*, *набережная*, *проезд* и их китайскими переводными эквивалентами. Нетрудно заметить, что эти лексемы в качестве номенклатурных терминов в русских словарях толкуется однозначно, однако при переводе исходный однозначный номенклатурный термин получает несколько эквивалентов, которые различаются нюансами. В рамках нашей статьи мы описываем сложившуюся переводную ситуацию как межъяыковую неоднозначность. Полиэквивалентность, вызывающая межъяыковую неоднозначность при переводе, рассматривается как особый случай соотношения между исходной лексической единицей и её переводными эквивалентами. Особенность полиэквивалентности (многоэквивалентности), возникающей при переводе, в частности, с японского языка на русский, была отмечена А. С. Паниной: «одно из свойств состоит в том, что многоэквивалентность может существовать без какой бы то ни было неоднозначности исходной единицы. Такую ситуацию, многоэквивалентность моносемичной лексической единицы при переводе на тот или иной язык, может устранить искусственно, если прибегнуть к поэквивалентному чтению и приписать исходной единице отдельные лексико-семантические варианты по числу эквивалентов в языке перевода» [11, 108].

Межъяыковая лексическая неоднозначность, которая возникает в процессе перехода от семантической структуры слова в одном языке к семантической структуре слова в другом языка, может быть объяснена следующими причинами.

1. Разная степень конкретности при пересечении значений переводных эквивалентов. Исходная лексема и её переводные эквиваленты имеют общую часть смысла, но исходная лексема имеет более широкое и более неопределенное значение, чем эквиваленты, а сами переводные эквиваленты могут отличаться набором дифференциальных семантических признаков, ср. *набережная*, *проезд*, *переулок*, *тупик*. Анна А. Зализняк характеризует это явление следующим образом: «…степень имплицитности выражения

некоторого смысла в семантической структуре слова является неотъемлемой частью его значения, и в силу этого и переводной эквивалент, в котором степень имплицитности тех же смысловых компонентов иная, и перифраза на каком-либо языке (в том числе семантическом, т. е. толкование), эксплицирующая как все содержащиеся в слове семантические компоненты, так и их коммуникативный статус, — ipso facto искажают значение толкуемого слова» [4, 505].

2. Семантическая сочетаемость (валентность) в языке. Под лексической сочетаемостью понимается способность слова соединяться с другими словами. Семантическая сочетаемость определяется семантическим согласованием внутри словосочетания. Если при выборе номенклатурного термина при наименовании географического объекта для принимающего языка используются разные эквиваленты, то это может быть обусловлено семантической несогласованностью. Описывая различные нарушения сочетаемости лексических единиц в художественном тексте, Е. А. Яшина пишет: «Нарушение лексической сочетаемости может происходить за счет нарушения узуса, под которым понимается общепринятое употребление языковой единицы в устоявшемся сочетании. Наиболее ярко нарушение узуса просматривается во фразеологизмах, где одна из лексических единиц, прочно хранящихся в памяти читателя как часть какого-либо устоявшегося выражения, неожиданно заменяется другой лексической единицей или словосочетанием» [14, 72]. Например, в китайском фразеологизме 街头巷尾 — ‘на всех перекрестках и переулках’ имеются в виду не только переулки, но все улицы, тупики и другие дороги. Фразеологизмом 花街柳巷 — ‘улица публичных домов’ описывается бордель. Для выражения смысла ‘переулок, улица’ употреблялся однослоговой иероглиф, который является одним из переводных эквивалентов номенклатурного термина *переулок*. Во фразеологизме 曲径通幽 — ‘извилистая дорожка к тихому месту’ *дорожка* соответствует второму переводному эквиваленту номенклатурного термина *аллея*.

3. Несоответствия, возникающие при лексической трансформации. Как известно, в теории перевода выделяются два типа трансформаций: грамматическая и лексическая,

имеющие свои разновидности [14]. Как писал Л. С. Бархударов, «не существует двух различных языков, у которых смысловые единицы — морфемы, слова, устойчивые словосочетания — совпадали бы полностью во всем объеме своих референциальных значений. Хотя сами выражаемые значения («понятия») в большинстве своем совпадают, но способы их выражения — их группировка, членение и объединение, их сочетание в пределах одной формальной единицы (или нескольких единиц), как правило, в разных языках расходятся более или менее радикальным образом. Это особенно ярко можно продемонстрировать на материале словарного состава двух различных языков» [1, 73—74]. Соответственно, похожая ситуация наблюдается и в нашем случае при переводе с русского языка на китайский городских номенклатурных терминов, характеризующих топонимы Москвы, когда одному слову исходного языка соответствует не один, а несколько семантических эквивалентов в языке перевода, ср. *аллея*, *бульвар*, *набережная*.

4. Когнитивно-культурный фактор. Как известно, в значении слова в разных языках могут выражаться разные признаки одного и того же явления или понятия, что связывается с отражением картины мира, свойственной данному языку. Однако лингвистам следует проявлять осторожность и избегать прямолинейности суждений при оценке национально-специфического в языке. «Неверно, что отсутствие в языке какого-то слова означает отсутствие соответствующего концепта. Но наличие некоторого слова безусловно указывает на наличие концепта и, более того, на его значимость для данной культуры» [4, 186].

Подведем некоторые итоги. Разъяснение ситуации межъязыковой неоднозначности, возникающей при передаче номенклатурных терминов в составе названий московских внутригородских географических объектов на китайский язык, является важным звеном в преподавании контрастивной лексикологии и теории перевода. Изучение ономастических единиц вместе с сопровождающими их номенклатурными терминами может также внести свой вклад в контрастивную лингвокультурологию и социолингвистику. С точки зрения прикладной лингвистики, проблема снятия неоднозначности при передаче

русских номенклатурных терминов на китайский язык имеет большое значение для автоматического перевода, а также для разработки карты центра Москвы на китайском языке.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975.
2. Ефремова Т. Ф. (ред.) Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. В 2-х т. М.: Русский язык, 2000.
3. Забелин Н. Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы. Дис. … канд. филол. наук. М., 2007.
4. Зализняк Анна. А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013.
5. Зализняк Анна. А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. №2, 2004.
6. Карпенко Ю. А. Топонимика и её место в лексической системе языка. Черновцы, 1962.
7. Лисицына В. О., Арутюнов Э. К. Виды лексических трансформаций при письменном переводе // Международный журнал экспериментального образования. №10, 2014.
8. Мартынов А. А. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М.: Типография Т. Риса, 1881.
9. Мезенко А. М. Топонимика и межнациональные отношения. М., 1991.
10. Ожегов С. И. Современный толковый словарь русского языка М.: Русский язык, 1987.
11. Панина А. С. Проблемы лексической неоднозначности при переводе с японского языка на русский. Дис. … канд. филол. наук. М., 2007.
12. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н.Ушакова. М.: ООО «Издательство Астрель», 2004.
13. Хэйлунцзянский университет, Исследовательский центр русского языка и

литературы, Институт лексикографии: Большой русско-китайский словарь. Бэйцзин: Шаньу иньшугуань, 1985.

14. Яшина Е. А. Особенности нарушения сочетаемости лексических единиц в художественном тексте // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. № 2, 2011.

15. 范今朝,邹吕辉.地名通名的发展演变与当代城市地区地名通名的特点[J].中国地名, 2015(02):29—31. [Фань Цзиньчжао, Цзоу Люйхуэй. Эволюция развития и специфика современных географических номенклатурных терминов в современных городах и регионах // Китайская топонимика / China Place Name, №2, 2015, с.29—31].

16. 李如龙. 汉语地名学论稿[M]. 上海教育出版社, 1998. [Ли Жулун. Очерк по китайской топонимике [Монография]. Изд-во Шанхай Цзяо юй Чубаньшэ, 1998].

17. 褚亚平. 地名学基础教程[M]. 测绘出版社, 2009 [Чжу Япин. Основной курс топонимии [Монография]. Изд-во Цэхуэй Чубаньшэ, 2009].

18. 重庆市大渡口区人民政府.重庆市地名管理条例[EB/OL]，2019-05-29 // https://www.ddk.gov.cn/html/zfxxgk/zfjg/bmdw/zfbm/mzj/zfyj/19/05/57352.html [Народное правительство района Да Дукоу при городе Чунцин. Административные правила о топонимах в г. Чунцин].

Проблемы преподавания языка

Problems of Language Education

Н.М. Разинкина (Институт языкознания РАН)

N. M. Razinkina (Institute of Linguistics,

Russian Academy of Sciences)

Аффиксы: эмоционально-экспрессивный аспект

(учебный материал с вопросами и заданиями)

Affixation: emotive evaluation viewpoint (teaching materials)

Аннотация

Статья посвящена способности аффиксов (суффиксов и префиксов) привносить в слово субъективную эмоционально-оценочную характеристику какого-либо лица (или предмета в широком смысле этого слова), как это имеет место, например, в слове *тётушка*. В статье обращается внимание на, казалось бы, парадоксальное явление, когда значение аффикса вступает в смысловое противоречие со значением корня слова. К примеру, *улыбка* —положительная оценка, напротив, *улыбочка на его лице производила странное впечатление* (суффикс ласкательности) — отрицательная оценка. Это явление названо в статье морфологическим оксюмороном. Основное внимание в статье уделено тем лексическим единицам, которые в тексте художественного произведения вступают в синонимичные отношения со словами, образованными с помощью суффиксов эмоционально-субъективной оценки, тем самым углубляя и расширяя их оценочный экспрессивный потенциал.

The paper deals with affixes (prefixes and suffixes) capable of changing the word meaning by bringing into it an effect of emotive evaluation (e.g. *солнце* — *солнышко*, *лошадь* — *лошадёнка*). This might sometimes result in a clash of meanings when the meaning of a word root disagrees with that of its suffix. See, for example, the suffix of endearment in such words

as *Иудушка*, *кровопивушка*). The fact might well be termed ‘morphological oxymoron’. The paper focus is also on contextual synonyms, which, in a work of fiction, might provide good additional support to the meaning of a word with an evaluative suffix in it.

Ключевые слова

Эмоционально-субъективная оценка, экспрессивность, суффиксы, префиксы, значение слова, сдвиг в значении слова, контекстуальная синонимия, словарная синонимия, вопросы и задания

Emotive evaluation, suffixes, prefixes, word meaning, shift in word meaning,

contextual vs dictionary synonymyty, assignments, and questions.

Общее определение аффикса (лат. *affixus* — ‘прикрепленный’) сводится к тому, что он представляет собой часть слова. Аффикс является обобщающим названием приставок, суффиксов и окончаний, которые в своей совокупности образуют служебные морфемы.

В английской лексикографической практике аффикс (**affix)** определяется следующим образом: “Any element in the morphological structure of a word other than a root. E.g. *unkinder* consists of the root *kind* plus the affixes *un-* and *–er*. Hence **affixation,** for the process of adding an affix. Affixes are traditionally divided into prefixes, suffixes, and infixes, which are inserted within it” [4]. Инфикс представляет собой аффикс, который вставляется внутрь корня при словообразовании или словоизменении. Например, *n* в лат. *findo* — ‘колю’, от *fidere* — ‘колоть’.

Аффиксы способны дать интересный и разнообразный материал для стилистического анализа. Это, в первую очередь, суффиксы субъективной оценки в русском языке. Данные суффиксы служат для образования форм имен существительных, качественных прилагательных и наречий с особой, эмоционально-экспрессивной окраской и выражением отношения говорящего к предмету, качеству, признаку.

Суффиксы субъективной оценки придают словам различные оттенки — ласкательности, сочувствия, пренебрежения, презрения, уничижения, иронии, а также реального уменьшения или увеличения. Например:

Суффиксы имен существительных: ***-ец*** (*братец*, *морозец*), ***-ик*** (*билетик*, *букетик*), ***-чик*** (*карманчик*, *моторчик*), ***-ок*** (*дружок*, *петушок*), ***-иц-а*** (*водица*, *лужица*), ***-к-а*** (*головка*, *ночка*), ***-инк-а*** (*пылинка*, *росинка*), ***-очк-а*** (*звездочка*, *мордочка*), ***-ушк-а*** (***-юшк-а***), ***-ушк-о*** (***юшк-о***) (*дедушка*, *головушка*, *дядюшка*, *волюшка*, *полюшко*), ***-ышк-о*** (*гнездышко*, *стеклышко*), ***-ишк-а,*** (***-еньк-а***) (*березонька*, *дороженька*), ***-онк-а*** (***ёнк-а***) (*книжонка*, *лошаденка*), ***-ц-е***, ***–ц-о***, ***-иц-е***, ***-ец-о*** (*зеркальце*, *словцо*, *платьице*, *письмецо*), ***-ц-а*** (*ленца*), ***--ашк-а*** (*старикашка*, *мордашка*), ***-ин-а*** (*домина*, *уродина*), ***-ищ-е***, ***-ищ-а*** (*голосище*, *бородища*), ***-очек***, ***-ечко***, ***-ушек***, ***-ышек*** (*листочек*, *словечко*, *воробушек*, *колышек*) и др.

Суффиксы имен прилагательных: ***-еньк-ий*** (***-оньк-ий***) (*добренький*, *сладенький*, *легонький*, *плохонький*), ***-ёхоньк-ий*** (***охоньк-ий***), ***-ёшеньк-ий*** (***-ошеньк-ий***) (*смирнехонький*, *горькохонький*, *скорёшенький*, *легошенький*).

В наречиях, соотносительных с именами существительными и именами прилагательными, встречаются образования с соответствующими суффиксами. *Босичком*, *рядышком*, *пешочком*, *шепотком*, *утречком*, *украдочкой*, *вдогоночку*, *вприпрыжечку*, *раненько*, *помаленьку*, *близехонько* и т.д. [3, 247—248].

Основными вопросами, возникшими в ходе рассмотрения приводимого ниже материала, являются следующие:

1) появление оценочного значения в слове под влиянием его аффикса;

2) различного рода контекстуальные приращения к значению слова, обусловленные значением того или иного аффикса;

3) вид смысловых связей между корнем слова и его аффиксом;

4) случаи смыслового несоответствия, возникающего между значением корня слова и его аффиксом (явление, названное здесь морфологическим оксюмороном);

5) варьирование аффикса при сохранении одного и того же корня слова и, наоборот, изменение корня слова при сохранении одного и того же аффикса как специфический прием создания экспрессии поэтического текста;

6) сравнение слов, экспрессивное качество которых зафиксировано в толковых словарях, со словами, которые приобретают данное качество в контексте под влиянием того или иного аффикса;

7) роль аффиксов в создании смысловых контрастов — антитеза;

8) использование синонимичных аффиксов как прием создания экспрессивного качества художественного текста;

9) вклад аффиксальных языковых средств в создание морфологических и лексико-синтаксических кластеров (скоплений), объединенных в тексте единой оценочной характеристикой;

10) случаи двойной экспрессии, создаваемой как корнем слова, так и его аффиксом;

11) контактный повтор слов с одним и тем же аффиксом как прием создания экспрессивного качества художественного текста;

12) явление оценочного «выравнивания», при котором слова, имеющие один и тот же суффикс и функционирующие в рамках одной и той же синтаксической конструкции, приобретают сходные оценочные характеристики.

Обратимся к примерам. Начнем с романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Моральное «оподление» семейства Головлевых наиболее убедительно представлено в лице Порфирия, прозванного Иудушкой. Обратим внимание — не Иудой, а Иудушкой. «В категории людей-хищников он представляет наиболее опасную их разновидность — хищника, доминирующей чертой которого является лицемерие. Особенность Иудушки как социально-психологического типа в том именно и состоит, что это — хищник, предатель, враг, лицемерно прикидывающийся ласковым другом. Его хищные вожделения всегда замаскированы сладеньким пустословием и выражением внешней пре-

данности и почтительности к тем, кого он наметил в качестве своей очередной жертвы» [1, 11].

Само слово *Иудушка*, по-видимому, можно считать морфологическим оксюмороном, поскольку отрицательно-оценочное *Иуда* сочетается с суффиксом ласкательности ***-ушк***, ***-юшк*** **(***ср.:головушка*, *дядюшка*).

Задание:

Познакомьтесь со следующим отрывком из романа «Господа Головлевы» и подумайте над тем, какие слова писателя подготавливают нас к пониманию того, почему персонаж, о котором идет речь, назван Иудушкой.

Особое внимание обратите на следующие единицы:

существительные: *кровопивушка* (еще один морфологический оксюморон), *маменька*, *плечико*, *уголок*, *кротость*, *послушливость*, *преданность*, *заискивание*;

глаголы: *приласкаться*, *поцеловать*;

наречия: *украдкой*, *неслышно*, *кротко*, *бесшумно*;

прилагательные: *ласковый* (*сын*), *откровенный* (*мальчик*).

1. «Порфирий Владимирыч известен был в семействе под тремя именами: Иудушки, кровопивушки и откровенного мальчика, каковые прозвища еще в детстве были ему даны Степкой-балбесом. С младенческих лет любил он приласкаться к милому другу маменьке, украдкой поцеловать ее в плечико, а иногда слегка понаушничать. Неслышно отворит, бывало, дверь маменькиной комнаты, неслышно прокрадется в уголок, сядет и, словно очарованный, не сводит глаз с маменьки, покуда она пишет или возится со счетами. Но Арина Петровна уже и тогда с какою-то подозрительностью относилась к этим сыновним заискиваниям. И тогда этот пристально устремленный на нее взгляд казался ей загадочным, и тогда она не могла определить себе, что именно он источает из себя: яд или сыновью почтительность.

— И сама понять не могу, что у него за глаза такие, — рассуждала она иногда сама с собою, — взглянет — ну, словно вот петлю закидывает. Так вот и подливает ядом, так и подманивает».

А Порфиша продолжал себе сидеть кротко и бесшумно и все смотрел на нее, смотрел до того пристально, что широко раскрытые и неподвижные глаза его подергивались слезою. Он как бы провидел сомнения, шевелившиеся в душе матери, и вел себя с таким расчетом, что самая придирчивая подозрительность — и та должна была признать себя безоружною перед его кротостью. Даже рискуя надоесть матери, он постоянно вертелся у ней на глазах, словно говорил: «Смотри на меня! Я ничего не утаиваю! Я весь послушливость и преданность, и притом послушливость не токмо за страх, но и за совесть». И как ни сильно говорила в ней уверенность, что Порфишка-подлец только хвостом лебезит, а глазами все-таки петлю накидывает, но ввиду такой беззаветности и ее сердце не выдерживало. И невольно рука ее искала лучшего куска на блюде, чтоб передать его ласковому сыну, несмотря на то, что один вид этого сына поднимал в ее сердце смутную тревогу чего-то загадочного, недоброго».

Обдумывая это задание, обратите также внимание на два стилистических приема — антитезу, которая реализуется, в частности, в трезвой оценке, сформулированной Ариной Петровной в словах *яд или сыновья почтительность*, и иронию в прозвище *откровенный мальчик*.

Вопрос:

Какие слова (в приведенном отрывке) можно считать ключевыми, т.е. наиболее выразительными, наиболее экспрессивными в плане отрицательной оценочной характеристики Иудушки? Обоснуйте причину своего выбора, используя данные толковых словарей.

Ряд суффиксов субъективной, эмоционально-экспрессивной оценки находим в следующем фрагменте, заимствованном из романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: Речь идет о персонаже, фамилия которого — Кармазинов. Достоевский представляет его как из-

вестного писателя. Слова с суффиксом субъективной оценки выделены жирным шрифтом.

2. «Когда пошли у нас недавние слухи, что приедет Кармазинов, я, разумеется, ужасно пожелал его увидать и, если возможно, с ним познакомиться… И вдруг я встречаюсь с ним на перекрестке… Это был очень невысокий, чопорный **старичок**, лет, впрочем, не более пятидесяти пяти, с довольно румяным **личиком,** с густыми **седенькими локончиками**, выбившимися из-под круглой цилиндрической шляпы и завивавшимися около **чистеньких**, маленьких **ушков** его. **Чистенькое личико** его было не совсем красиво, с тонкими, длинными хитро сложенными губами, с несколько мясистым носом и с **востренькими**, **у**мными **глазками**… Все **мелкие вещицы** его костюма: **запоночки, воротнички**, **пуговки**, черепаховый лорнет на черной **тоненькой ленточке**, **перстенек** непременно были такие же, как и у людей безукоризненно хорошего тона. Я уверен, что летом он ходит непременно в каких-нибудь прюнелевых **ботиночках** с перламутровыми **пуговками** сбоку… Заметив, что я любопытно смотрю на него, он медовым, хотя несколько крикливым **голоском**, спросил меня:

— Позвольте узнать, как мне ближе выйти на Быкову улицу… А не могли бы вы мне указать, где здесь всего ближе стоят извозчики? – прокричал он мне опять.

Скверный крик; скверный голос!»

Здесь использованы слова со следующими суффиксами субъективной эмоционально-экспрессивной оценки:

суффикс ***–иц*** (*вещицы*);

суффикс ***–ик*** (*личико*);

суффикс ***чик*** (*локончики*);

суффикс ***–к*** **(***пуговки*, *ушки*, *глазки*);

суффикс – ***очк*** (*ленточка*, *ботиночки*, *запоночки*);

суффикс – ***ок***/***ёк*** (*старичок*, *голосок*, *перстенёк*);

суффикс – ***еньк*** (*седенький*, *чистенький*, *востренький*, *тоненький*).

Вопрос:

Отношение Достоевского к писателю Кармазинову выражено четко. Об этом говорят такие слова, как *скверный* (*скверный голос*), *чопорный* (*чопорный старичок*), *хитро* (*хитро сложенные губы*), *востренькие* (*востренькие глазки*), *крикливый* (*крикливый голосок*). Однако, по-видимому, несравненно бóльшую роль, в плане создания отрицательной оценочной характеристики, играют многочисленные слова с уменьшительными суффиксами (*воротнички*, *пуговки*). Почему?

При объяснении этого обстоятельства необходимо иметь в виду, что речь в данном случае идет не о молоденькой девушке, а о профессиональном немолодом писателе.

Далее в том же романе читаем:

«Господин Кармазинов был в какой-то домашней **куцавеечке** на вате, вроде как бы **жакеточки**, с перламутровыми **пуговками**, но слишком уж **коротенькой**, что вовсе и не шло к его довольно **сытенькому брюшку** и к плотно округленным частям начала его ног… Петр Степанович давно уже примечал, что этот тщеславный, избалованный и оскорбительно недоступный для неизбранных господин, этот «почти государственный ум» просто-напросто в нем заискивает, и даже с жадностию».

Вопрос:

Какие слова в приведенном фрагменте можно считать ключевыми для создания убийственной характеристики модного писателя? Сравните такие прилагательные, использованные Достоевским, как *тщеславный*, *избалованный*, *оскорбительно недоступный*; ироническое, взятое в кавычки *государственный ум*; глагол *заискивать* (*с жадностью*), и выделенные в этом и в предыдущем примере слова с различными суффиксами субъективной оценки. Какая оценка (т.е. оценочное слово как таковое, без аффикса, и слово, оценочное свойство которого в контексте целиком зависит от его аффикса), по вашему мнению, способна привнести в текст более интенсивную экспрессию? Ответ на этот вопрос желательно сформулировать в письменном виде.

Использование слов, имеющих в своем составе суффикс субъективной оценки, характерно для иных целей, нежели те, о которых говорилось выше. В данном случае имеется в виду создание автором литературного произведения яркого юмористического

эффекта. Для того, чтобы проиллюстрировать это положение, обратимся к роману И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Глава 37-ая романа, названная «Зеленый мыс», начинается следующим образом (слова с суффиксами субъективной оценки выделены жирным шрифтом):

3. «Инженер Брунс сидел на каменной веранде дачи на Зеленом мысу под большой пальмой, накрахмаленные листья которой бросали острые и узкие тени на бритый затылок инженера, на белую его рубашку и на гамбсовский стул из гарнитура генеральши Поповой, на котором томился инженер, дожидаясь обеда.

Брунс вытянул толстые, наливные **губы трубочкой** и голосом шаловливого карапуза протянул:

— Му-у-усик!

Дача молчала.

Тропическая флора ластилась к инженеру. Кактусы протягивали к нему свои ежовые рукавицы. Драцены гремели листьями. Бананы и саговые пальмы отгоняли мух с лысины инженера. Розы, обвивающие веранду, падали к его сандалиям.

Но все было тщетно. Брунс хотел обедать. Он раздраженно смотрел на перламутровую бухту, на далекий мысик Батума и певуче призывал:

— Му-у-у-усик! Му-у-у-усик!

Во влажном субтропическом воздухе звук быстро замирал.

Ответа не было. Брунс представил себе большого коричневого гуся с шипящей жирной кожей и, не в силах сдерживать себя, завопил:

— Мусик!!! Готов **гусик?!**

— Андрей Михайлович! – закричал женский голос из комнаты. — Не морочь мне голову!

Инженер, свернувший уже привычные **губы в трубочку**, немедленно ответил:

— Мусик! Ты не жалеешь своего маленького **мужика!**

— Пошел вон, обжора! — ответили из комнаты.

Но инженер не покорился. Он собрался было продолжать вызовы **гусика**, которые он безуспешно вел уже два часа, но неожиданный шорох заставил его обернуться».

Вопрос:

Обратите внимание на следующие штрихи к портрету инженера: «Бананы и саговые пальмы отгоняли мух с лысины инженера; Брунс представил себе большого коричневого гуся с шипящей жирной кожей и, не в силах сдерживать себя, завопил…»

Почему глагол *завопил и* словосочетание *не в силах сдерживать себя* образуют нарочитый контраст с *Мусик* и *гусик*? Каким образом этот контраст усилен (как нам известно из романа) полным безразличием Брунса к красотам южной природы: *тропическая флора ластилась к инженеру. Розы, обвивающие веранду, падали к его сандалиям*. Подумайте, почему *к сандалиям*, а не к ногам? Какова стилистическая роль этого, казалась бы незначительного, штриха?

Интересный материал для изучения стилистических возможностей суффиксов субъективной оценки дают поэтические тексты, написанные для детей, и первое имя, которое приходит на ум, это — Корней Иванович Чуковский. Ниже приводится стихотворение «Жил на свете человек». Существительные с суффиксом субъективной эмоционально-экспрессивной оценки выделены жирным шрифтом.

4. «Жил на свете человек —

Скрюченные **ножки**,

И гулял он целый век

По скрюченной **дорожке**.

А за скрюченной рекой

В скрюченном **домишке**

Жили летом и зимой

Скрюченные **мышки**.

И стояли у ворот

Скрюченные елки.

Там гуляли без забот

Скрюченные волки.

И была у них одна

Скрюченная кошка,

И мяукала она,

Сидя у **окошка**».

Вопрос: Прилагательное *скрюченный*, в изолированном виде, несет в себе явную отрицательно-оценочную коннотацию. Толковые словари отмечают, что это слово имеет разговорный характер и употребляется в значении ‘искривленный’, ‘узловатый’, ‘корявый’, ‘загрубелый с выступающими суставами’.

Как вы думаете, почему в стихотворении Чуковского данное слово теряет свой негативный смысл? Какова в этом роль существительных *ножки*, *дорожка*, *мышки*, *окошко*? Почему эти существительные, с их яркой экспрессией уменьшительности и ласкательности, оказываются (в оценочном отношении) «сильнее» прилагательного *скрюченный*, и все стихотворение в целом воспринимается как добрая, забавная зарисовка, заставляющая улыбнуться как детей, так и взрослых?

Еще одно стихотворение (вернее, отрывок из него) К. И. Чуковского:

«Да и какая же мать

Согласится отдать

Своего дорогого ребенка –

Медвежонка, **волчонка**, **слоненка —**

Чтобы несытое чучело

Бедную **крошку** замучило?

Таракан, таракан, **таракашечка**,

Жидконогая **козявочка-букашечка**».

Здесь мы имеем дело с обратной ситуацией по сравнению с той, которая была связана со словом *скрюченный,* а именно: прилагательное *жидконогая* не ослабевает в своей отрицательно-оценочной характеристике, хотя и находится рядом с существительными *букашечка*, *таракашечка*, *козявочка.*

Вопрос и задание:

Почему это происходит? Самый простой ответ звучит так: потому что *таракан* — «персонаж» сугубо отрицательный, и никакое «соседство» эту отрицательность смягчить не может. Но это самое очевидное, самое простое объяснение, которое лежит на поверхности. Вероятно, имеет смысл вдуматься в придуманное поэтом прилагательное *жидконогий*, точнее, в его мощный оценочный потенциал.

Перейдем к стилистическим возможностям аффиксов на материале английского языка. Здесь можно обратиться к словам, использование которых характерно для письменной книжной речи. К примеру, глаголы с суффиксом ***–ize*** характерны для языка научной литературы, в которой они большей частью реализуют значение ‘to become; change into’ (например, *to crystallize*) и значение ‘to affect in a specified way; to subject to’ (например, *to hypnotize*).

Префикс ***a-*** (‘not, without’) тоже имеет книжный характер. Например: *amoral*, *aseptic*, *asymmetry*.

Тот же стилистический признак книжности имеют и приводимые ниже префиксы и суффиксы. В английской лексикографической практике они чаще всего называются word elements или combining forms. Дело в том, что не всегда удается провести то, что называют a hard and fast line между аффиксом как таковым и словообразующим элементом. Иными словами, границы между ними не абсолютны.

ambi- **—** both sided, both ways: *ambivalent*;

-arian **—** concerned with or believed in: *Parliamentarian*, *vegetarian*;

-dox **—** opinion: *orthodox*, *paradox*;

epi- **—** upon, above: *epicenter*;

-gamy **—** marriage*: monogamy*, *bigamy*;

-gen, -genic, -genous **—** producing: *carcinogenic*;

-gon **—** shape with a specific number of angles: *hexagon*, *polygon*, *octagon*;

hetero- **—** other, different: *heterosexual*;

homo- **—** same: *homosexual*;

holo- **—** whole: *holocaust*;

inter- **—** between: *intercity*;

intra- **—** inside, within: *intravenous*;

-logue **—** (US **—** ***-log)*** **—** word, talk: *dialogue*, *monologue*;

mal- **—** bad, faulty: *maltreatmen*t;

nano- **—** thousand millionth, 10^{-9}: *nanosecond*;

olig- **—** few: *oligarchy* (by a small group);

oct- **—** eight: *octave*, *octopus*;

para- **—** resembling, or beside, beyond: *paranormal*;

-phobe, ***-phobia*** **—** *claustrophobia*;

quasi- **—** seemingly but not quite: *quasi-scientific*;

retro- **—** backwards, behind: *retrograde*;

sem- **—** sign, meaning: *semantics*, *semaphore*;

tele- **—** far: *telescope*;

toxi- **—** poison: *toxicology*;

uni- **—** one: *uniform*;

xeno- **—** foreign, other: *xenophobia*.

Задание: Какие из перечисленных выше аффиксов (или word elements, combining forms) вам хорошо знакомы? Приведите на них свои собственные примеры. Обратите внимание на следующие наиболее часто встречающиеся префиксы и словообразующие элементы: *anti-*, *co-, counter-*, *hyper-*, *inter-*, *mis-*, *multi-*, *non-*, *out-*, *over-*, *post-*, *pre-*, *re-*, *self-*, *sub-*, *super-*, *ultra-*, *un-*.

Хотя многие аффиксы образуют слова, имеющие сугубо книжный характер, некоторые из них вошли в наш повседневный обиход и уже не воспринимаются как «составленные» из отдельных элементов. Это относится, например, к словам, имеющим префикс *auto–* (self): *autobiography*; префикс *bi–* (two, double): *bicycle*: *kilo–* (thousand): *kilometer*.

Говоря о стилистических возможностях аффиксов и образованных с их помощью слов книжного характера, нельзя не упомянуть тот факт, что многие из таких слов мы

находим в произведениях научной фантастики. В русском языке к таким аффиксам относятся, в частности, *само- , вне- , сверх- , анти- , ретро- , пара-* . В качестве иллюстрации приведем отрывок (это – диалог) из фантастического романа Станислава Лема «Возвращение со звезд». ДО «Глаголь», 1991, с.90.

5. «Я замолчал, но тишина была невыносима.

— То, что Миря и Аверин сделали с наследием Кантора, вы знаете. Это оперирование **внеконечными, сверхконечными** величинами…

— Это не так бесполезно, как вы думаете, — тихо произнес Рёмер. Значит, он все-таки слушал… — Вы, видимо, не знаете о работах Игалли?

—Нет, а что это такое?

— Теория прерывного **антиполя.**

— Об **антиполе** я ничего не знаю. А что это?

— **Ретронигиляция.** Отсюда появилась **парастатика…** Вы проработали Аппиано и Фроома?

— Да.

— Тогда у вас не должно быть никаких трудностей. Это развертки **метагенов** в N-мерном конфигуративном **дегенерирующем** множестве.

— Что вы говорите? Но ведь Скрябин доказал, что нет никаких **метагенов,** кроме вариационных?

— Да. Очень красивое доказательство. Но это, знаете ли, вне прерывности».

Вопрос и задание:

Как вы полагаете, рассчитывает ли автор научно-фантастического произведения на то, что массовый читатель осведомлен о значении таких слов, как *ретронигиляция*? И если он на это не рассчитывает, то почему такие слова регулярно используются в различных жанрах научной фантастики — романах, рассказах и повестях? Какова их стилистическая роль?

Задания и вопросы, ответы на которые рекомендуется выполнить в письменном виде

6. «На плоском скуластеньком, как у старой татарки, лице Александры Прокофьевны стыла любезная *улыбочка,* а глаза свекрови — маленькие, прозрачно-голубые щелочки — смотрели холодно, без пощады» (Ю. Трифонов).

Суффикс *–очк*, *-ечк* имеет значение уменьшительности. Например: *точка* — *точечка*; *палка* — *палочка*, *банка* — *баночка* и т.д.

Вопрос: Как вы думаете, почему в случае существительного *улыбочка* базовое значение уменьшительности исчезает и на его месте возникает значение субъективной оценки? Как можно это оценочное значение сформулировать? Обратите внимание на прилагательное *скуластенькое* (*лицо*) и существительное *щелочки*, вернее, на суффиксы, с помощью которых эти слова образованы.

7. «Интервью — жанр опасный, потому что автор оказывается в большой зависимости от задающего вопросы. Захочет журналист — и автор выглядит идиотом, а может исхитриться и нарисовать из авторских высказываний фигуру весьма возвышенную. В этом особое мастерство журналиста — вытащить из контекста *фразочку* и создать собственный образ» (Л. Улицкая).

Вопрос:

В этом примере мы находим тот же суффикс уменьшительности *–очк* (*фразочка*), что и в предыдущем примере. Подобно существительному *улыбочка*, в значении слова *фразочка* утрачивается смысловая связь с понятием уменьшительности, и при этом возникает иное, контекстуальное оценочное значение. Какое? Обратите внимание на два глагола — *исхитриться* и *вытащить* (*из контекста*), а также на ироническую антитезу *весьма возвышенная фигура*, *мастерство журналиста* vs *автор выглядит идиотом*.

7. «Бочаров любил Ленинград. Он здесь родился, учился в университете на факультете востоковедения. Потом женился на москвичке, эмигрировал в Москву. Ленинград постепенно из «колыбели революции» превращался в оплот реакции. Тогда многие сбегали в Москву, подальше от нового Романова. Тот — Николай Второй — был *царь*, а этот — *царёк*. Слова похожие, однако разные» (Виктория Токарева).

Суффикс *–ёк* (*-ок*) имеет значение уменьшительности. Ср.: *огонь* — *огонёк*, *конь* — *конёк* (*конёк-горбунок*).

Вопрос: Какое значение приобретает слово *царь*, когда оно употреблено с суффиксом *–ёк*?

8. «Как бы она (героиня повести Ольга Васильевна — Н. Р.) ценила старуху (свекровь — Н. Р.), если бы та жила где-нибудь далеко! Но в этих *комнатках,* в этом *коридорчике,* где прожитые годы стояли тесно, один к другому впритык, открыто и без стеснения, как стоит стоптанная домашняя обувь в деревянном ящике под вешалкой, сколоченном Сережей, здесь, в этой тесноте и гуще, не было места для жалости» (Ю.Трифонов).

Существительные *комнатки* и *коридорчик* имеют, благодаря суффиксам, значение уменьшительности.

Вопрос:

Каким дополнительным значением «обрастают» эти два слова благодаря: а) наречиям *тесно*, *впритык*; б) стилистическому приему сравнения *как стоит стоптанная домашняя обувь…*; в) метафоре *прожитые годы стояли открыто и без стеснения*?

9. «В цветочном магазине работала очень красивая продавщица *с гладеньким нарисованным личиком.* [Я сказала:]

— Мне вон тот, *красненький…*

Горшочек был самый маленький, *цветочек самый простенький,* похожий на *капельку огня*» (Виктория Токарева).

Вопрос:

В этом примере мы находим три прилагательных с суффиксом *–еньк*: *гладенький*, *красненький*, *простенький*. Какую экспрессию вносит данный суффикс в первое прилагательное? Сравните: *гладкое лицо* и *гладенькое лицо*. В чем вы видите смысловую разницу? Какова роль существительного *личико* и причастия *нарисованное* в создании особого экспрессивного смысла?

Какую экспрессию (в смысловом отношении) создаёт суффикс *–еньк* в прилагательных *красненький* и *простенький*? Какова в данном случае роль существительных *горшочек*, *цветочек*, *капелька*?

10. *Пере*шагни, *пере*скочи,

*Пере*лети, *пере* – что хочешь —

Но вырвись камнем из пращи,

Звездой, сорвавшейся в ночи…

Сам затерял — теперь ищи…

Бог знает, что себе бормочешь,

Ища пенсне или ключи.

(Владислав Ходасевич)

Первые две строки стихотворения образуют стилистическую фигуру нарастания (градации). В смысловом отношении глаголы *перешагни*, *перескочи*, *перелети* расположены в порядке постепенного возрастания *интенсивности* обозначаемого ими действия, связанного с перемещением через какую-либо преграду.

Читатель, склонный к тому, чтобы в собственном воображении рисовать те или иные картины, сначала видит человека, степенно переступающего через преграду (*перешагни*), затем того же человека, прикладывающего к этому «процессу» определенные усилия (*перескочи*), и, наконец, его полёт (*перелети*). Градационный ряд завершается обобщающим словосочетанием *что хочешь*.

Первые четыре строки стихотворения это поэтическое кредо поэта, зовущего, несмотря ни на что, всегда идти вперед в своем творчестве. «Вырвись камнем из пращи» и «звездой, сорвавшейся в ночи» нередко цитируются, когда речь заходит о неустанном поэтическом труде.

Вопрос:

Строки *ища пенсне или ключи* сразу (и весьма резко) переносят нас из сферы высокой поэтической мысли в приземленную каждодневную реальность. Как вы думаете,

почему это сделано? Ослабляют ли поэтический накал (поэтический пафос) первых строк слова об обычных вещах (*пенсне*, *ключи*), которые вечно куда-то исчезают?

11. “It (the anecdote — H.P.) was about a humorous lecturer who flooded an ignorant audience with *the killingest jokes* for an hour and never got a laugh; and then when he was leaving, some gray simpletons wrung him gratefully by the hand and said it had been the funniest thing they had ever heard, and “it was all they could do to keep from laughin’ right out in the meetin’. That anecdote never saw the day that it was worth the telling…” (Mark Twain).

Суффикс превосходной степени прилагательных (*-est*), как правило, не используется со словами типа *killing* (здесь — ‘убийственные шутки’), *monstrous*, *awful*, *frightful*, *terrible* и т.п., поскольку данные прилагательные сами передают предельно высокую степень интенсивности эмоционально-субъективной оценки. Эта оценка не нуждается в дополнительном усилении.

Вопрос:

Будет ли правильным сказать, что в рассматриваемом нами примере превосходная степень, образованная суффиксальным способом, служит созданию стилистического приема иронии (или сарказма)? В чем, по вашему мнению, состоит разница между иронией и сарказмом? Обдумывая ответ на этот вопрос, обратите внимание на такие слова, как *gray simpletons*, *ignorant audience*, *never saw the day that it was worth the telling*.

12. “Just an hour later in Ottawa where, because of a three-hour time difference it was already evening, the early reception guests began arriving at Government House. The reception was a *smallish one:* an annual pre-Christmas affair their Excellencies gave cabinet members and their wives” (Arthur Hailey).

Вопрос:

Каким образом можно перевести на русский язык словосочетание *a smallish reception*, сохранив при этом значение суффикса *–ish*: slightly or fairly (e.g. *a bluish tint*)? Понадобится ли для этого описательный перевод?

13. “… way off alone, out by himself beyond boat and shore, Jonathan Livingstone Seagull was practicing. A hundred feet in the sky he lowered his webbed feet, lifted his beak,

and strained to hold a painful hard twisting curve through his wings. The curve meant that he would fly slowly, and now he slowed until the wind was a whisper in his face, until the ocean stood still beneath him. He narrowed his eyes in fierce concentration, held his breath, forced one… single… more… inch… of… curve…Then his feathers ruffled, he stalled and fell. Seagulls, as you know, never falter, never stall. To stall in the air is for them *disgrace and it is dishonor"* (Richard Bach. Jonathan Livingston Seagull).

Обратите внимание на двучленную конструкцию *disgrace and dishonor*, в которой использован один и тот же префикс *dis-*. Словари определяют *disgrace* и *dishonor* как близкие синонимы, в толкование которых вводится существительное *shame: disgrace* — the state of being out of favor, or esteem, shame; dishonor — a cause of shame.

Задание:

Сочините какую-либо двучленную конструкцию (по аналогии с *disgrace and dishonor*), оба члена которой будут иметь одну и ту же приставку. Сама двучленная конструкция должна передавать отрицательную оценочную характеристику. Например, *unhappy and uncomfortable.*

14. «Смерти отца Ольга почти не заметила…Дура, дура, надо было ехать с Ильей (в Германию — Н. Р.)! Но теперь было всё *испоганено, испакощено, истоптано.* Как раз с этим смириться было труднее всего. Поехала бы тогда, и вся жизнь развивалась бы по-другому.

По мере того, как её бурные жалобы и претензии к бывшему мужу складывались в затвердевшие формулы, живая ярость превращалась в не менее живую ненависть» (Людмила Улицкая).

В этом примере три слова, выделенные курсивом, имеют одну и ту же приставку *ис-* (перед гласными, звонкими и сонорными согласными она имеет форму *из-*, напр., *измучить*). Согласно толковым словарям данные слова являются близкими синонимами. Ср.:

испоганить — осквернить, втоптать в грязь, оскорбить;

испакостить — перен.: опошлить, нравственно изуродовать;

истоптать — испачкать (в метафорическом смысле).

Примечательно, что данные синонимы чаще всего используются для описания чего-то очень хорошего, что было осквернено. В примерах, приведенных ниже (они заимствованы из Национального корпуса русского языка), это ‘очень хорошее’ выражено с помощью таких словосочетаний, как *самый светлый праздник*, *хорошее древнее русское слово*:

«Что еще придумают, читалось на её лице, чтобы *испоганить самый светлый праздник в своей жизни*» (С. Осипов).

«На трех—четырех «газиках» прибывают вооруженные до зубов любители острых ощущений — охотниками нельзя их называть, дабы *не испакостить хорошее древнее русское слово…*» (Виктор Астафьев).

Как же надо было постараться так *испоганить прекрасные кофейные зерна, чтобы из них вышла эдакая дрянь*» (Т. Соломатина).

Резкий контраст отрицательной и положительной оценки создает значительную, по своей выразительности, яркую экспрессию.

Задание:

Сочините несколько предложений по схеме *испоганить* (или *испакостить*, *истоптать*) + нечто высокое, благородное. Желательно, чтобы эти предложения были не изолированными примерами, но частью небольшой описываемой вами ситуации.

15. “Later when he (Eugene — H.P.) saw… the massed houses… it dawned on him that mere humanity in packed numbers makes a kind of *greatness*... There were others, like the prevailing *lowness* of the buildings…, *the narrowness* of the streets in certain areas, *the shabbiness* of brick and stone when they have seen a hundred years of weather, which struck him as curious or depressing. He was easily touched by exterior conditions” (Th. Dreiser).

Этот пример интересен тем, что здесь аффикс играет определенную роль в создании стилистического приема антитезы. Так, мы находим, с одной стороны, существительное ***greatness*** (*of the massed houses*) и, с другой стороны, противопоставляемые ему

контекстуальные антонимы ***lowness*** (*of the buildings*), ***narrowness*** (*of the streets*), ***shabbiness*** (*of brick and stone*). Таким образом с помощью одного и того же суффикса автор осуществляет отбор существительных, которые вместе создают целостную и одновременно противоречивую картину большого города, обобщенно названную писателем *exterior conditions*.

Вопрос:

В рассматриваемом примере, как отмечалось выше, существительному *greatness* противопоставлены антонимы *lowness*, *narrowness* и *shabbiness*. Каким образом можно продолжить этот антонимичный ряд, используя существительные с тем же суффиксом *–ness*?

16. «Лунный свет, пробиваясь сквозь листья и цветы яблони, самыми причудливыми, светлыми *пятнышками* разбегался по лицу и всей фигуре лежавшей навзничь Катерины Львовны; в воздухе стояло тихо, только *лёгонький* теплый *ветерочек* чуть-чуть пошевеливал сонные листья и разносил тонкий аромат цветущих трав и деревьев. Дышалось чем-то томящим, располагающим к лени, к неге и к темным желаниям» (Н. С. Лесков).

В данном фрагменте нас интересуют, прежде всего, два существительных — *пятнышки* и *ветерочек*, а также прилагательное *лёгонький*. Почему писатель использует слово *пятнышки*, а не *пятна*, *лёгонький*, а не *лёгкий*?

Суффикс *–ышк* находим в уменьшительно-ласкательных именах существительных, таких, например, как *вёдрышко*, *горлышко*, *брёвнышко*. Суффикс *–ек* (*ветерочек*) находим, например, в словах *платочек*, *кусочек*, *комочек*.

Что касается прилагательного *лёгонький*, то и оно образовано с помощью суффикса *–оньк*, имеющего уменьшительно-ласкательное значение. Например, *чёрненький* (а не *чёрный* в полную меру), *славненький* (а не *славный*) и проч.

Вопрос:

Как вы думаете, почему слова со значением уменьшительности вписываются в общую картину «лени и неги»? Попробуйте прочесть анализируемый фрагмент, лишив

слова, выделенные курсивом, их уменьшительно-ласкательных суффиксов (получим: *пятна*, *ветер*, *легкий*). Что при этом меняется в общем смысле фрагмента?

Обратите внимание на следующие слова: *тихо* (*в воздухе стояло тихо*), *чуть-чуть* (*чуть-чуть пошевеливал листья*), *сонные* (*листья*), *лень* (*дышалось чем-то располагающим к лени*).

Тихо (по данным толковых словарей) использовано в значении ‘состояние *покоя*, умиротворенности’;

прилагательное *сонный* (применительно к листьям) употреблено в метафорическом значении ‘находящийся в состоянии покоя’;

существительное *лень* использовано в значении ‘отсутствие желания действовать’, т.е., иными словами, желание быть в покое.

Таким образом, мы видим, что значение, формулируемое как ‘покой’, является для рассматриваемых слов основным.

Задание:

В приводимых ниже примерах (они заимствованы из Национального корпуса русского языка) выделите случаи употребления существительного *лень* в значении ‘нежелание что-либо делать’; затем те случаи, в которых *лень* имеет значение ‘состояние покоя, безмятежности и умиротворенности’:

«Я люблю

Ту страну

Где весна

На весну

Где день

Где дон, где *лень*

Где лён»

(Н. В. Чиннов).

«А ему, трактористу, видите ли, *лень было* из кабины вылезать, *лень было* ворота отпирать» (Криминальная хроника).

«К человечеству с прощальным словом

Обратились бы… Да *лень*» (Н. В. Чиннов).

«Сон забудь и спозаранку

Лень и праздность истребив,

Как перчатку – наизнанку

Выворачивай себя»

(Г. А. Глинка).

«И сад открыт. *О лень* на лоне

В июле северной природы!» (Л. Л. Аронзон).

17. «Лень *приборку* делать, *постирушку*,

Разную и всякую нуду, -

Заведу смышленую игрушку,

Ключиком игрушку заведу»

(А. П. Межиров).

Вопрос:

Обратите внимание на слова с префиксами *при-* (*приборка*) и *по-* (*постирушка*). Сравните их с исходными *уборка* и *стирка*. Какое экспрессивное значение способны привнести в слово данные два префикса? \

Наконец, основной вопрос, требующий неспешного обдумывания: каким образом упомянутые выше три существительных — *приборка*, *постирушка*, *ключик* — соотносятся (в смысловом плане) со словом *игрушка* (*заведу смышлёную игрушку*)?

18. В поэтическом примере, приводимом ниже, обратим внимание на случаи употребления слов с приставкой *полу-*. Для иллюстрации этого аффикса справочники приводят, например, такие слова: *полушутя*, *полулежать*, *полушепотом*, *полусонный*, отмечая при этом, что *полу-* всегда пишется слитно с любой частью речи.

Для удобства анализа строфы стихотворения пронумерованы.

Портрет

1. Любите живопись, поэты!

Лишь ей, единственной, дано

Души изменчивой приметы

Переносить на полотно.

2. Ты помнишь, как из тьмы былого,

Едва закутана в атлас,

С портрета Рокотова снова

Смотрела Струйская на нас?

3. Её глаза – как два тумана,

Полуулыбка, полуплач,

Её глаза – как два обмана,

Покрытых мглою неудач.

4. Соединенье двух загадок,

Полувосторг, полуиспуг,

Безумной нежности припадок,

Предвосхищенье смертных мук.

5. Когда потемки наступают

И приближается гроза,

Со дна души моей мерцают

Её прекрасные глаза.

(Николай Заболоцкий, 1953)

Примечание: Федор Степанович Рокотов (1735—1808) — художник-портретист. Сохранилась легенда о любви художника к своей модели. Портрет был создан в 1772 г. (Госуд. Третьяковская галерея), когда модели было 17 лет.

Обычно говорят о ключевых словах текста или его фрагмента. Представляется, что в случае рассматриваемого нами стихотворения можно говорить о ключевой роли *полу-,* части слова, которую иногда называют приставкой, а иногда просто первой частью сложного слова. Как бы то ни было, значением *полу-,* реализуемом в стихотворении «Портрет», является ‘не в полной мере’, ‘не вполне’, ‘почти’.

Это значение (с большей или меньшей степенью отчетливости) просматривается в целом ряде слов, принадлежащих различным частям речи. Так, в первой строфе находим прилагательное *изменчивый* (*души изменчивой приметы*), которое, согласно толковым словарям, означает ‘непостоянный, легко и часто меняющийся’. Попутно отметим, что значение непостоянства, изменчивости отчетливо прослеживается, например, в слове *полушепотом,* т.е. иногда шепотом, иногда в полный голос; шепот, переходящий в отчетливо звучащий голос и наоборот.

Во второй строфе читаем «*едва* закутана в атлас». Одним из значений *едва* является указание на неполноту, приблизительность. Это значение приблизительности реализуется во всех четырех словах стихотворения, образованных с помощью приставки *полу-*: *полуулыбка*, *полуплач*, *полувосторг*, *полуиспуг*.

В третьей строфе использовано существительное *туман* (*её глаза — как два тумана*). Словари отмечают, что данное слово может употребляться в тех случаях, когда говорят о состоянии неясности, неопределенности, скрытности. Приведем примеры (они заимствованы из Национального корпуса русского языка):

«И вот — я не Иван,

тем паче — не Царевич.

Отныне *я* — *Туман*

по кличке Вечеревич.

Скрываю белый свет

и *скрадываю* звуки

и ни дороги нет,

ни встречи, ни разлуки».

(Г. С. Семенов)

«В мире многообразном

Есть *ясность и туман».*

(Давид Самойлов)

«Вдохнув со сверстниками вместе

Философический туман,

Уже извел листов он двести,

Чтоб доказать, что дело чести —

Освобождение крестьян».

(Всеволод Рождественский)

Задание:

В последнем примере существительное *туман* вместе с прилагательным *философический* создают стилистический прием иронии. Используя эту модель, образуйте несколько подобных ироничных словосочетаний. Например: «Статья изобиловала непонятными читателю терминами, что производило впечатление *научного тумана*».

Приведем еще один пример возможной вовлеченности прилагательного с приставкой *полу-* в разнообразные контекстуальные синонимичные отношения. Примечательно, что эти отношения создаются словами, которые принадлежат различным частям речи:

«Помнишь ты, Ирина, осень

В дальнем бедном городке?

Было пасмурно, как будто

Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный

Словно сетью заволок

Весь в грязи, в глубоких лужах

Потонувший городок

Был наш дом угрюм и тесен,

Крыша старая текла,

Пол качался под ногами.

Из разбитого стекла.

Веял холод, гнулось набок

Полусгнившее крыльцо.

Хоть бы раз слова упрека

Ты мне бросила в лицо!

(Федор Сологуб)

В данном фрагменте *полусгнивший* попадает в один смысловой ряд со словами *угрюмый* (*дом*), *пасмурно* (*было пасмурно*), *хмурилось* (*небо хмурилось в тоске*), *мелкий и упорный дождик*, *в грязи, в глубоких лужах* (*потонувший городок*), *крыша старая текла*, *веял холод*. Прилагательное *полусгнивший* еще раз напоминает читателю о том, что дощатое крыльцо подвержено гниению, как правило, в дождливую, холодную и сырую погоду.

Упомянутый ряд слов, образованный прилагательными, существительными и наречиями, создает единую картину мрачного отсутствия света и солнца. При этом ключевым словом ряда, по-видимому, является существительное *тоска* в значении ‘уныние’, ‘тягостная грусть’ (*небо хмурилось в тоске*).

С точки зрения морфологической структуры слов, образованных с помощью того или иного аффикса, в контексте поэтического произведения данные слова могут иметь один и тот же аффикс и различные корни (как это имеет место в случае рассматриваемого нами *полу*-) или же, напротив, один и тот же корень и различные приставки (включая их значимое отсутствие). Например:

«Темный, прямой и взыскательный взгляд,

Взгляд к обороне готовый.

Юные женщины так не глядят.

Юная бабушка, кто вы?

Сколько *возможностей* вы унесли,

И *невозможностей* сколько?

В ненасытимую прорву земли,

Двалцатилетняя полька!»

(Марина Цветаева)

«Любая юность – воровство,

И в этом жизни волшебство:

Ничто в ней *не уходит,*

А просто *переходит…*»

(Евгений Евтушенко)

Сохранение одной и той же приставки при варьировании корня находим и в прозаическом тексте:

«Although she (Tuppence — Н. Р.) *disliked and distrusted* him (Mr. Whittington — Н. Р.) instinctively, she was inclined to acquit him of the particular motive which she had at first attributed to him (Agatha Christie).

Наконец, в художественном прозаическом тексте выделяется случай использования различных приставок в соединении с разнокорневыми словами, причем и сами слова, и присоединяемые к ним приставки являются близкими синонимами.

В примере, приводимом ниже, этот двойной эффект синонимии усилен прилагательным *free*. Последнее, по своему значению, в равной степени приближено и к прилагательному *unencumbered*, и к прилагательному *disentangled*:

“A bachelor, Felix tried to keep himself free of too many possessions. He enjoyed travel, spent many of his summers in Tuscany… He thought of himself as traveling light through life *unencumbered, disentangled, a free man.* Yet he now saw that he had nonetheless managed to accumulate a great deal” (Joseph Epstein).

Вернемся к стихотворению «Портрет». Небезынтересно сравнить поэтическое описание портрета Александры Струйской с тем, как это делают исследователи-искусствоведы.

«Тени *неуловимо переходят* в свет, пепельно-серые тона *перетекают в голубые,* а розовые — в бледно золотые. *Световые переливы и цветовые градации неощутимы* и создают *легкую дымку*, быть может, *какой-то загадки*» (nearyou.ru/rokotov).

Мерцающие краски,

размытые контуры лица,

загадочный и таинственный портрет,

задумчивые грустные глаза, *едва* замечающие окружающее,

лгкая дымка загадки,

немного грустная, *едва улыбающаяся* Александра Струйская,

умный, *тронутый печалью*, но уверенный взор.

(Примечание. В начале XX века за неразгаданный взгляд искусствоведы стали называть портрет Александры Петровны Струйской русской Джокондой).

Задание:

Обратите внимание на слова, выделенные (в искусствоведческом тексте) курсивом. Какие из них вы считаете близкими (в смысловом отношении) к поэтической лексике Заболоцкого? Используйте данные толковых словарей [1].

Заканчивая этот раздел, посвященный приставке *полу-,* отметим, что прилагательные, образованные с её помощью, имеют тенденцию попадать в контекст, который строится на стилистических приёмах, таких, как, например, антитеза. Обратимся к следующему фрагменту:

«Внешне Вероника нежная женщина похожая на «Весну» Боттичелли, с тем же самым беззащитным *полуизумленным взглядом…* Если пойти от первого впечатления ко второму и углубиться в третье, то перед вами — танк, усыпанный цветами» (Виктория Токарева).

Если показать схематически представленную здесь антитезу, получим:

нежная беззащитная женщина

vs

танк

Существительное *танк* выполняет в данном случае две функции: оно не только создает антитезу, но и является метафорой, реализующей следующее значение: ‘человек,

[1] Смысловая структура стихотворения «Портрет» с точки зрения соположения обобщенного и конкретизированного содержания рассматривается также [2, 117—119).

идущий на всё, даже на весьма сомнительные средства, ради достижения своей цели (так называемый «пробивной» человек)'. Кроме того, существительное *танк* способствует созданию еще одного стилистического приема, а именно, оксюморона — 'танк и цветы, которыми он осыпан'.

Что касается прилагательного *полуизумленный* (*взгляд*), то его экспрессия связана со значением слова *изумленный*. Толковые словари определяют данное значение как *крайнюю степень* удивления. Понятно, что *крайняя степень* несовместима со значением 'не полностью' в приставке *полу-*.

Задание:

Такие прилагательные как, например, *бесподобный*, *чудовищный*, *упоительный*, тоже обозначают крайнюю степень проявления качества. Приведите еще несколько аналогичных прилагательных в русском и английском языках.

19. Для удобства анализа строфы приводимого ниже стихотворения пронумерованы.

1. «Водил цыган медведя,

Плясал его медведь,

А зрители-любители

Ему бросали медь.

2. И девочка-*цыганочка,*

Как *вишенки* зрачки,

Ловила в звонкий бубен

Монетки-пятачки.

3. А как она плясала —

Плясала, как жила,

И *ножками* притопывала,

И *плечиком* вела.

4. Пляши, *моя цыганочка,*

Под *дождичком* пляши,

Пляши и для *монетки,,*

А также для души.

5. В существованьи нашем

Есть что-то и твоё.

Ради *монетки* пляшем —

И всё ж не для неё».

(Давид Самойлов)

Активное использование суффиксов в данном стихотворении-метафоре идет по двум смысловым линиям. Первая это сам танец девочки, вторая — вознаграждение, которое она получает от зрителей-любителей.

Для описания маленькой плясуньи поэт использует существительные с суффиксами, имеющими одновременно значение ласкательности и уменьшительности: *цыганочка* (2-ая строфа), *зрачки как вишенки* (2-ая строфа), *ножки* (3-ья строфа), *плечико* (3-ья строфа): *и ножками притопывала*, *и плечиком вела*

Это значение уменьшительности, ласкательности и возникающей в связи с этим нежности (*моя цыганочка* — 4-ая строфа) распространяется поэтом на описание сцены пляски в целом, которая развертывается не *под дождем*, а *под дождичком* (4-ая строфа).

Вторая смысловая линия (из упомянутых выше двух) имеет иное назначение. Она связана с вознаграждением, которое цыган с его медведем и маленькая плясунья получают за свой труд. Читатель понимает, что поэт сравнивает это вознаграждение с тем, которое получают он сам и его товарищи по поэтическому цеху.

На смену нежности и ласкательности приходит иное настроение — грустное философское обобщение. И здесь основную роль играют существительные, являющиеся синонимом слова *деньги*. Так, в первой строфе находим существительное *медь*. Прочтя последнюю строфу стихотворения (*ради монетки пляшем*), мы начитаем понимать, что *зрители-любители* (первая строфа) это, по-видимому, те читатели поэтических текстов,

которые далеки от их понимания. Грусть и сарказм усилены глаголом *бросать* (а зрители-любители ему бросали медь).

Обратим также внимание на цепочку *медь* (1-ая строфа) — *монетка* (5-ая строфа) — *монетки-пятачки* (2-ая строфа)'. Значение уменьшительности, создаваемое суффиксом *–к* (*ради монетки пляшем*), использовано, как отмечалось выше, для формулировки невесёлого авторского обобщения относительно того, какое «вознаграждение» может ожидать поэта.

Задание: В 4-ой строфе находим антитезу *монетка* vs *душа*. Известно, что в рамках антитезы образующие ее слова и словосочетания реализуют то значение (словарное или контекстуальное), которое наилучшим образом «работает» на контраст, на противопоставление, на непохожесть. Как вы думаете, какое значение в данном случае реализует существительное *душа*? Сравните свои предположения с данными толковых словарей.

20. Constanze, Felix's sister, worrying about his having further angina attacks, insisted that he buy a cellular telephone, so that should he have another attack or even fall in his apartment, he would have the phone ready at all times to call her or at least to dial 911. This all sounded reasonable enough, except that Felix kept *misplacing* the new phone; being portable, it was also *misplaceable* (Joseph Epstein. Felix Emeritus).

Этот пример интересен тем, что он демонстрирует повторное использование одного и того же корня слова (*place*) с одной и той же приставкой *mis-*, но с разными суффиксами, что меняет принадлежность слова к определенной части речи. Ср.: глагольное *misplacing* (*kept misplacing the phone*) и прилагательное *misplaceable* (*it was misplaceable*).

Данный прием используется автором художественного текста для создания двойной иронии: мобильный телефон обладает свойством оказаться в ненужном месте (*it is misplaceable*), а сам хозяин мобильника (особенно, если он стар и не совсем здоров) вечно кладет его не туда, куда надо (he keeps misplacing the phone).

Задание:

Переведите следующие предложения на русский язык, обращая особое внимание на многообразие возможных переводческих эквивалентов, связанных с глаголом to misplace. Каким образом в вашем переводе сохраняется оценочное значение приставки *mis-* формулируемое как ‘mistaken’, ‘wrong’, ‘wrongly’, ‘incorrectly’, ‘negatively’?

1. *One misplaced foot could cripple a little thing like you.*

2. *The verse must be regarded as a misplaced fragment.*

3. *Then he describes the Loves of the Plants according to the Linnaean system by means of a most ingenious but misplaced and amusing personification of each plant, and often of the parts of the plant.*

4. *They would have been wise to accept the agreement, but with obstinate and misplaced courage they refused to acknowledge Charles as king of France, or to give up to him the Capital.*

5. *This incident is one of the most remarkable instances of misplaced faith recorded in history.*

Если в рассматриваемом нами примере префикс (*mis-*) использован для создания *иронично* окрашенного контекста, то в приводимых ниже поэтических строках существительное *полчасика* с уменьшительным суффиксом *–ик* (ср.: *нож* — *ножик*; *дом* — *домик*) попадает в острый *сатирический* контекст (речь идет о похоронах Бориса Пастернака):

«Разобрали венки на веники,
На полчасика погрустнели…
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!
И терзали Шопена лабухи,
И торжественно шло прощанье…
Он не мылил петли в Елабуге,
И с ума не сходил в Сучане!»
(Александр Галич)

21. Особое использование аффикса в целях создания экспрессивности художественного текста (точнее, его диалогической части) может быть показано на следующем примере:

«Между отцом и дочерью всё время происходил следующий диалог:

— Папа, *мне хочется пить*.

— *Хочется, перехочется, перетерпится*, — флегматично отвечал лорд Гленарван, не отрываясь от морского бинокля.

Девочка капризно топала ногой и в повышенном тоне повторяла:

—*Мне хочется пить*!

— *Хочется, перехочется, перетерпится,* — еще более невозмутимо говорил отец.

Девочка с упрямой яростью твердила:

— Папа, *мне хочется пить!* Папа, *мне хочется пить.*

Слюни кипели на её злых губах. Она нудно тянула голосом, способным у кого угодно вымотать душу.

— Па-а-апа-а-а, *мне-е-е хочетца-а-а пи-и ить!*

На что лорд Гленарван еще равнодушнее говорил, не торопясь и не повышая голоса:

— *Хочется, перехочется, перетерпится.*

(Валентин Катаев. Белеет парус одинокий)

Экспрессивность этого диалога достигается, в основном, за счет использования цепочки из трех глаголов, два из которых имеют приставку *пере-* (*перехочется* — *перетерпится*).

Словари и справочники отмечают, что приставка *пере-* имеет ряд значений, два из которых реализуются в приведенном диалоге, а именно: а) преодоление какой-либо преграды (например, в сознании человека или в его ощущениях, желаниях) и, как результат, б) возврат к прежнему состоянию.

Экспрессивность цепочки *хочется, перехочется*, *перетерпится* усилена тем фактом, что глагол *перехочется*, представляющий собой пример индивидуального (не фиксируемого словарями) словоупотребления, помещен в центр перечислительного ряда. Глаголы *хочется* и *перетерпится*, напротив, нормативны, они фиксируются словарями и, таким образом, создают своеобразную «рамку» для придуманного (и потому подчеркнуто выразительного) глагола *перехочется*.

Приведем несколько примеров (они заимствованы из Национального корпуса русского языка), иллюстрирующих употребление глагола *перетерпеть* в значении преодоления человеком каких-либо из его ощущений, желаний и стремлений:

а) «У него не было ни горечи, ни обиды за всё то, что *пришлось перетерпеть,* за клеветы, за несправедливые удары, за то, что «недодали» (Даниил Гранин. Зубр).

б) «Им казалось, что краткое время, оставшееся до грозного события, *можно перетерпеть*» (Е. Водолазкин).

в) «Но тяжелые времена *удалось перетерпеть,* и теперь у них есть всё: и дом, и достаток, и счастье, которое покой и воля» (Д. Виноградов).

г) «Девятого подул несильный, но ледяной ветер; всё живое попряталось, замерло, с*тараясь переждать*, *перетерпеть* этот ровный поток мертвого воздуха» (Роман Сенчин).

В тексте глагол *перетерпеть* (в значении преодоления), в смысловом отношении, как правило, оказывается связанным с яркой эмоционально-экспрессивной лексикой. Так, в примерах, приведенных выше, находим существительные *горечь*, *обида*, *клевета*, *удары* (несправедливые), прилагательные *грозные* (*события*), *тяжелые* (*времена*), *мертвый* (*воздух*).

Диалог отца с дочерью примечателен тем, что его юмористическая выразительность связана с реализацией стилистического приема антитезы, которую можно обозначить следующим образом:

флегматично, не отрываясь от морского бинокля, невозмутимо, равнодушно, не торопясь, не повышая голоса

vs

капризно, топала ногой, повышенный тон, упрямая ярость, злые губы, вымотать душу.

Задание:

К нескольким выбранным вами глаголам (восьми—десяти) присоедините словообразовательную приставку *пере-* в значении преодоления каких-либо трудностей — как внешних, так и внутренних, связанных с физическим/психическим состоянием человека. Какие из этих глаголов окажутся нормативными, т.е. включенными в толковые словари? Какие глаголы, напротив, окажутся примером индивидуального словотворчества?

22. “Felix… never felt any regard for Wagner, no matter how much so intelligent a man as Thomas Mann may have struggled to come to terms with him. Wagner represented for Felix the worst of Teutonic culture: heavy, vastly *overstated*, grossly *overdone*…” (Joseph Epstein. Felix Emeritus).

В этом примере приставка *over-* (*overstated*, *overdone*) имеет экспрессивно окрашенное оценочное значение формулируемое как ‘over the limit, too much (in a negative sense)’. Например:

I am *much overworked*.

That new restaurant *is overpriced* if you ask me.

I didn’t enjoy the play. It was a student production, and everyone *seemed to be overacting*.

I always *oversimplify matters* when I experience the overpowering feeling of hopelessness.

Причастия *overstated* и *overdone*, использованные в синтаксически симметричной двучленной конструкции, имеют при себе наречные определения *vastly* и *grossly*, которые подчеркивают, усиливают значение отрицательной оценки, присущее в данном случае приставке *over-*. Так, *vastly* реализует значение ‘very much’ (*vastly different*, *vastly im-*

proved). Например: Readers should gain insight into regions of the world that are little understood and *vastly underappreciated.*

Grossly определяется словарями как ‘something that is extreme or excessive’. Например: The economic benefits have been *grossly exaggerated*. The decision was *grossly unfair.*

Итак, в рассматриваемом нами примере используется ряд средств, создающих экспрессивную оценочную характеристику (в данном случае речь идет о музыке Вагнера). Во-первых, это *полная* синтаксическая симметрия, которая, как известно, сама по себе экспрессивна. Во-вторых, это использование усилительных заречий *vastly* и *grossly.* Наконец, в-третьих, это употребление приставки *over-*, которая по своему значению близка упомянутым двум наречиям.

В результате создается комплекс синтаксических, морфологических и лексических средств, которые можно представить как некий кластер, т.е. концентрацию (скопление, совокупность) лексических единиц, объединенных единой оценочной характеристикой.

Вопрос:

В рассмотренном нами примере причастия *overstated* и *overdone* имеют значение отрицательной оценочной характеристики. Могут ли причастия или прилагательные с этой приставкой передавать *положительную* оценочную характеристику? В случае ответа «да, могут» приведите примеры.

23. Адище города

По мостовой

Шумики, шумы и шумищи

Театры,

В авто

Вывескам

Уличное

За женщиной

(В. В. Маяковский. 1913 г.)

Это короткое стихотворение привлекает внимание в связи с двумя обстоятельствами. Первое — использование (в заглавии) суффикса *–ищ*, которое придает слову увеличительное значение. Ср.: *дом* — *домище*, *пыль* — *пылища*, *рук*а — *ручища*. Данный экспрессивный суффикс использован в слове (*ад*), которое само по себе обладает значительной эмоционально-экспрессивной окрашенностью. В результате возникает усиленная, двойная экспрессия.

Второе обстоятельство — это использование увеличительного и уменьшительного суффиксов (*шумик*, ср также *ключик*, *ножик*) в рамках единого перечислительного ряда. Примечательно построение этого ряда. Эмоционально-нейтральное *шум* оказывается как бы «взятым в тиски» двумя словами, обладающими суффиксальной экспрессией. В данном случае суффиксы (как увеличительный, так и уменьшительный) оказываются своего рода квантификаторами, указывающими на уровень усиления или ослабления городского шума.

24. «Вскрыла жилы: *неостановимо*,

Невосстановимо хлещет жизнь.

Подставляйте миски и тарелки!

Всякая тарелка будет — мелкой,

Миска — плоской.

Через край — и мимо

В землю черную, питать тростник.

Невозвратно, неостановимо,

Невосстановимо хлещет стих.

(Марина Цветаева)

Представляется, что этот пример интересен тем, что *отрицательная* приставка *не-* (*неостановимо*, *невосстановимо*, невозвратно) употреблена для придания значения *утвердительности* — случай, последовательно отмечаемый в справочниках, посвященных семантическим свойствам приставки *не-* в русском языке.

Вопрос:

В первом четверостишии находим *хлещет жизнь,* во втором — *хлещет стих.* Как вы думаете, какое значение объединяет глагол *хлещет* и наречия с отрицательной приставкой *не-* (*неостановимо* и *невозвратно*)? Как вы сформулируете это значение?

Приведем еще один пример использования (в поэтическом тексте) слов с отрицательной приставкой *не-*. Для удобства отсылок строфы пронумерованы:

«Стол накрыт на шестерых…»

Первая строка стихотворения А.Тарковского.

1. «Всё повторяю первый стих

И всё переправляю слово:

«Я стол накрыл на шестерых…»

Ты одного забыл – седьмого.

2. *Невесело* вам вшестером.

На лицах — дождевые струи…

Как мог ты за таким столом

Седьмого позабыть — седьмую…

3. *Невесело* твоим гостям,

Бездействует графин хрустальный.

Печально — им, печален — сам,

Непозванная — всех печальней.

4. *Невесело и несветло.*

Ах! Не едите и не пьете.

— Как мог ты позабыть число?

Как мог ты ошибиться в счете?

5. Как мог, как смел ты не понять,

Что шестеро (два брата, третий —

Ты сам — с женой, отец и мать)

Есть семеро — раз я на свете!

6. Ты стол накрыл на шестерых,

Но шестерыми мир не вымер.

Чем пугалом среди живых —

Быть призраком хочу — с твоими.

7. Робкая, как вор,

О, — ни души не задевая! —

За *непоставленный* прибор

Сажусь *незваная,* седьмая.

8. Раз! — опрокинула стакан!

И всё, что жаждало пролиться. —

Вся соль из глаз, вся кровь из ран —

Со скатерти — на половицы.

9. И — гроба нет! Разлуки — нет!

Стол расколдован, дом разбужен.

Как смерть — на свадебный обед,

Я жизнь — пришедшая на ужин.

10. Никто: не брат, не сын, не муж,

Не друг —и всё же укоряю:

— Ты, стол накрывший на шесть — душ,

Меня не посадивший — с краю.

(Марина Цветаева)

В этом стихотворении мы находим несколько способов реализации отрицания. Что касается приставки *не-*, то мы обнаруживаем ее в словах разных частей речи:

невесело (*невесело вам вшестером*, 2-ая строфа; *невесело твоим гостям*, 3-ья строфа),

несветло (*невесело и несветло*, 4-ая строфа);

непозванная (*непозванная — всех печальней*, 3-ья строфа),

непоставленный непоставленный прибор, 7-ая строфа);

незваная (*сажусь незваная*, 7-ая строфа).

Помимо приставки *не-* отрицание создается также *частицей не* с глаголами, существительными, причастием и деепричастием:

Ах! Не едите и не пьете (4-ая строфа);

Как смел ты не понять (5-ая строфа);

Шестерыми мир не вымер (6-ая строфа);

Ни души не задевая (7-ая строфа);

Не брат, не сын, не муж, не друг (10-ая строфа):

Меня не посадивший с краю (10-ая строфа).

Упомянем также отрицание *нет* (*И — гроба нет! Разлуки — нет!* 9-ая строфа), а также местоимение *никто* (10-ая строфа).

Все эти слова представляют собой открытый, т.е. явно заявленный способ выражения отрицания. Не меньшую, а возможно, бóльшую роль играют такие слова, которые при самой простой трансформации приобретают отрицательную частицу *не.* Например: *забыл* (*ты одного забыл — седьмого*) означает ‘не вспомнил’. *Бездействует* (*графин хрустальный*) значит ‘не действует’.

Вопрос:

Рассматриваемое нами стихотворение состоит из десяти строф. Какая из них представляется вам наиболее выразительной (экспрессивной)? Желательно, чтобы ваш ответ был аргументированным и развернутым.

В приводимом ниже прозаическом примере мы также находим отрицательную приставку (англ. *un*-), однако её экспрессивная роль иная, нежели в стихотворении Марины Цветаевой «Вскрыла жилы…» (см. пример № 24).

“My school days! The silent gliding on of my existence – *the unseen, unfelt progress* of my life – from childhood up to youth! Let me think, as I look back upon that flowing water, now a dry channel overgrown with leaves, whether there are any marks along its course, by which I can remember how it ran” (Ch. Dickens).

В данном фрагменте причастия с отрицательной приставкой *un*- (*unseen*, *unfelt*) попадают в контекст, экспрессию которого можно обозначить как грустно-мечтательную или меланхолическую. Элегический настрой воспоминаний создается здесь рядом лексических средств. Это прилагательное *silent* (*existence*), отглагольное существительное *gliding on* (*to glide* means ‘to move with a *smooth, quiet continuous motion*’), оборот *let me think*, глагол *to look back*, метафоры *flowing water* и *dry channel overgrown with leaves*, синонимичные глагольные средства: *to glide* и *to flow*.

Внимание читателя привлечено к причастиям *unseen* и *unfelt* благодаря двум обстоятельствам: ритмико-грамматическому фактору (оба слова — односложные, оба — причастия) и повтору одной и той же приставки. Известно, что в художественном тексте *контактный* повтор слова или какой-либо одной его части (морфологический повтор) всегда имеет экспрессивную составляющую.

Возвращаясь к стихотворению Марины Цветаевой «Вскрыла жилы…», отметим, что этот поэтический текст с его страстной образностью и фрагмент из романа Диккенса «Давид Копперфильд» с его грустно-мечтательной, спокойно-задумчивой меланхоличностью находятся на двух полярно противоположных точках экспрессивной шкалы художественного текста. По-видимому, тем интереснее обратить внимание на роль аффикса (бóльшая/меньшая) в создании этой полярности.

25. “… you might fancy it was I who was sneering at the practice of devotion, which Miss Sharp finds so ridiculous, that it was I who laughed good-humouredly at the reeling old Silenus of a baronet – whereas the laughter comes from one who has no reverence except for

prosperity, and no eye for anything beyond success. Such people there are living and flourishing in the world – *Faithless, Hopeless, Charityless;* let us have at them, dear friends, with might and main. Some there are, and very successful too, mere quacks and fools: and it was to combat and expose such as those, no doubt, that Laughter was made (W. M. Thackeray).

Не будет преувеличением сказать, что суффикс *–less* (в словах, выделенных курсивом) играет значительную роль в создании общей выразительности (экспрессивности) фрагмента, заимствованного из романа «Ярмарка тщеславия». Это объясняется тем, что значение данного суффикса, формулируемое как 'without', связывается с существительными (*faith*, *hope*, *charity*), смысл которых можно определить (в общем плане) как качества высокого нравственного свойства.

Прилагательное *faithless* в данном контексте реализует одновременно два значения:

1. having no religious belief;

2. without trust or confidence in someone or something; синонимы — *false*, *false-hearted*, *not able to be trusted*, *capable of betrayal and treason*.

Прилагательное *hopeless* реализует значение, формулируемое в толковых словарях как 'very bad'.

Наконец, прилагательное *charityless* — это производное от существительного *charity*. Последнее имеет значение определяемое словарями как 'the quality of being kind to people who are ill, poor, or have no home'.

В приведенном фрагменте данные прилагательные отрицательной оценки находят свое подтверждение, смысловое расширение и уточнение, что, естественным образом, способствует насыщению экспрессивного качества текста.

Так, мы находим следующее контекстуальное расширение слова *faithless*. Оказывается, что 'without trust or confidence in someone' включает также насмешку над благородным чувством преданности и постоянства: "…the practice of devotion which Miss Sharp finds so ridiculous".

Прилагательное *hopeless* расширяет свое значение благодаря конкретизации некоторых качеств баронета Кроули, имеющего пристрастие к спиртному. Для описания этого человека романист использует глагол *to reel*, реализующий в данном случае два значения: 1) to walk, moving from side to side, looking like you are going to fall; 2) if your mind or brain reels, you feel unable to act. Эта характеристика дополняется аллюзией на персонаж из греческой мифологии: Silenius – in Greek mythology was a companion and tutor to the *wine god* Dionysis.

Общая характеристика тех, кто характеризуется как charityless, дополняется следующим образом:

no reverence except for prosperity;

no eye for anything beyond success.

И, наконец, убийственная характеристика в словах *mere quacks* (*a quack* — 'шарлатан') and fools.

Знание автора романа о «достоинствах» некоторой части аристократии, его глубокое неравнодушное сожаление по поводу того, что "some of them are very successful, living and flourishing in the world", подготавливают читателя к другой, эмоционально напряженной части фрагмента, а именно, к предлагаемому автором романа способу разоблачения упомянутых аристократических quacks and fools.

Здесь мы находим:

а) оборот *to have at someone* (let us have at them, dear friends), имеющий значение 'to attack someone';

б) уточнение того, как следует нападать на *quacks and fools* –— *with might and main*, т.е. strenuously, vigorously, with as much effort as possible;

в) глаголы *to combat* и *to expose*. Первый использован в значении 'to take action to reduce or prevent *something bad*'. Второй — в значении 'to reveal *the true objectionable nature of someone*' (обратим внимание на прилагательные *bad* и *objectionable*).

Вопрос:

В рассмотренном фрагменте автор прибегает к использованию графических средств создания экспрессии, а именно, слова *Faithless*, *Hopeless*, *Charityless* и *Laughter* выделены им прописной (заглавной) буквой. Как вы думаете, почему? И почему именно эти слова? Развернутый ответ на данный вопрос желательно сформулировать в письменном виде.

26. “He (Sir Pitt Crawley — H. P.) was never known to give away a shilling or to do a good action, but was of a pleasant, sly, laughing mood, and would cut his joke and drink his glass with a tenant and sell him up the next day… In a word, *the whole baronetage, peerage, commonage* of England, did not contain a more cunning, mean, selfish, foolish, disreputable old man. That blood-red hand of Sir Pitt Crawley’s would be in anybody’s pocket except his own, and it is with grief and pain, that, as admirers of the British aristocracy, we find ourselves obliged to admit the existence of so many ill qualities in a person whose name is in Debrett (Debrett’s *Peerage & Baronetage* is a reference guide to the United Kingdom’s titled families: the hereditary peers, life peers and peeresses, and baronets and their descendants — H. P.)” (W. M. Thackeray) (https://debretts.com).

Элементы перечислительного ряда, выделенного курсивом, представляют собой единое целое благодаря повторяющемуся суффиксу *–age*. Толковые словари определяют значение данного суффикса как ‘forming nouns with the sense of collection’.

В контексте приведенного выше фрагмента каждое из трех существительных (*baronetage*, *peerage*, *commonage*) реализует одновременно два значения. Это — indication of a place (например, *commonage* имеет значение формулируемое как ‘a piece of land subject to common use, a public common area’), и обозначение лиц, имеющих определенный социальный статус. Например, для существительного *commonage* этот статус определяется как ‘without special rank or position; the public at large; characterized by a lack of privilege or special status’. *Peerage* имеет значение, формулируемое как ‘landed gentry’, ‘aristocracy’, ‘nobility’ (‘знать’).

В перечислительном ряду (*baronetage*, *peerage*, *commonage*) все три слова «выравниваются» с точки зрения оценки качеств сэра Пита Кроули. Иными словами, у всех (как

у простых людей, так и у знати), как считает писатель, эта оценка может быть только одна, сугубо отрицательная. Данное оценочное выравнивание создается двумя обстоятельствами: упомянутым морфологическим способом (повторяющийся суффикс *–age*) и синтаксическим способом (нахождение в рамках одной и той же перечислительной синтаксической конструкции).

Что касается самой оценки, то она носит развернутый характер. Мы находим здесь прилагательные эмоциональной отрицательной оценки: *sly*, *cunning*, *mean*, *selfish*, *foolish*, *disreputable* (‘постыдный, низкий, подлый, хитрый’). Примечательно, что этим прилагательным предшествует и после них следует описание конкретных ситуаций, подтверждающих справедливость отрицательной оценки.

Так, мы узнаём об отношении сэра Пита к своим арендаторам (*he would cut his joke and drink his glass with a tenant and sell him up the next day*) и о его готовности совершить любое подлое дело (*That blood-red hand of Sir Pitt Crawley’s would be in anybody’s pocket except his own*). Писатель усиливает значение фразеологической единицы *to catch someone red-handed* — ‘застать кого-либо за выполнением чего-то плохого, незаконного, застать врасплох’, — заменяя *red-handed* на *blood-red hand*).

Вопрос:

Еще раз обратите внимание на ряд прилагательных отрицательной оценки, использованных в рассматриваемом нами фрагменте — *sly*, *cunning*, *mean*, *selfish*, *foolish*, *disreputable* — а также на обобщающее словосочетание *ill qualities*. Каким образом можно передать это обобщение в переводе словосочетания *ill qualities* на русский язык?

Рассмотренный выше материал, как представляется, позволяет сказать следующее: слова, образованные с помощью аффиксов эмоционально-субъективной экспрессивной оценки, используются в текстах, которые принадлежат различным жанровым разновидностям художественного произведения (роман, очерк, рассказ, поэтическое произведение, стихи для детей).

Однако независимо от жанровой принадлежности текста эти слова демонстрируют одну общую тенденцию: в тексте их употребление не носит единичный, изолированный характер, но чаще всего совмещается с использованием контекстуальных синонимичных средств языка. В результате образуется эмоционально-экспрессивный текстовой «блок», основную роль в котором играет слово, образованное с помощью аффикса субъективной оценки, в то время как его контекстуальные синонимы эту оценку различным образом дополняют и (или) углубляют.

Литература

1. Бушмин А. М. Е. Салтыков-Щедрин (1826—1889) // М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы. М.: Художественная литература», 11).

2. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика. Дубна: Феникс+, 2015.

3. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение», 1985.

4. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford University Press, 2005.

Г. А. Широкова (Институт языкознания РАН)

G. A. Shirokova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Приемы обучения аспирантов устному реферированию научно-популярных текстов на английском языке

Teaching Techniques for Popular Science Texts Oral Abstracting in English (in a Post-Graduate Course)

Аннотация

Данная статья посвящена описанию методики обучения аспирантов устному реферированию текста на английском языке в рамках программы подготовки к кандидатскому экзамену. Приводится последовательный учебный алгоритм поэтапного формирования и развития речевых навыков и умений в монологической речи.

The paper focuses on the description of oral abstracting teaching techniques used in the post graduates preparation course for the English language exam. A sequential algorithm for gradual formation and development of monologic utterance skills and abilities in English is proposed.

Ключевые слова

Методы обучения, аспиранты, устное реферирование, учебный алгоритм, поэтапное формирование и развитие навыков и умений

Teaching techniques, post-graduate students, oral abstracting, learning algorithm, gradual formation and development of skills and abilities

Практика преподавания английского языка на кандидатском семестре показывает, что развитию навыков устной речи, и, в частности, обучению устному реферированию текста на английском языке не всегда уделяется должного внимания. Это объясняется тем, что основной упор в подготовке аспирантов к кандидатскому экзамену делается на обучение чтению и переводу научного текста: аспиранту необходимо прочитать и пере-

вести литературу по специальности в объеме трехсот тысяч печатных знаков. Кроме того, уровень языковой подготовки обучаемых зачастую неоднороден: некоторые аспиранты хорошо владеют разговорной речью, а некоторые утратили или вообще не имеют навыков говорения на английском языке.

Совершенно очевидно, что в создавшихся условиях возникает необходимость применения не только дифференцированного подхода к обучаемым с учетом их подготовленности и возможностей, но и разных учебных материалов. Обучение аспирантов с хорошей языковой подготовкой дает, как правило, преподавателю относительную свободу выбора видов работы и учебных пособий. При подготовке «слабых» учащихся преподаватель сталкивается с определенными трудностями, преодолеть которые помогает использование такой методики, в которой основная доля работы приходится на самостоятельную учебную деятельность обучаемых. Кроме того, оптимизации процесса обучения аспирантов устной речи также способствует наличие эффективного дидактического материала.

С этой целью автором данной статьи подготовлено учебно-методическое пособие «Учимся реферировать научно-популярный текст на английском языке» (в печати), которое призвано помочь аспирантам приобрести навыки неподготовленной монологической речи в кратчайшие сроки и создать прочную основу для их дальнейшего развития. Пособие состоит из трех разделов, соответствующих трем этапам работы.

На первом этапе аспирантам предлагается использовать готовый вариант изложения текста, на втором — подготовить высказывание самостоятельно. На третьем этапе происходит переход к монологической речи на уровне неподготовленного высказывания.

Пособие предваряет статья «Основные принципы устного реферирования текста». Она является своего рода памяткой или инструкцией для тех, кто приступает к этому виду деятельности. Обучаемые должны понимать, что устное реферирование текста — это не просто передача краткого содержания, его пересказ или смысловая компрессия, а особый вид речевой деятельности. Устное реферирование — творческая работа, в процессе

которой совершенно недопустимо заучивание текста, а стремление практически дословно его воспроизвести является основной ошибкой.

В статье объясняется, что под устным реферированием текста понимается умение: 1) охарактеризовать прочитанный текст с точки зрения его тематики; 2) выделить главную мысль, выразить ее в четкой и сжатой форме; 3) кратко изложить содержание текста, опуская детали; 4) высказать свое отношение к прочитанному.

Для приобретения навыка устного реферирования обучаемым необходимо знать, что для такого типа высказывания характерна четкая структура: вступление, основная часть, заключение и выражение собственного отношения к прочитанному. Каждая часть имеет свою последовательность изложения и набор стандартных фраз и оборотов, которые даются в разделе Пособия «Приложение».

Кроме того, важно научиться производить преобразование письменного текста со сложными грамматическими структурами и формами, сложной лексикой в устное изложение. Этого можно достичь за счет упрощения грамматики и использования знакомой лексики, опускания деталей. Длинные предложения заменяются короткими, весь рассказ выдерживается в одной временной форме.

Уяснив цели и задачи предстоящей деятельности, аспирант приступает к ознакомлению с представленной в первом разделе Пособия методикой работы, которая дана в виде учебного алгоритма. Опыт показывает, что при обучении устному реферированию текста на английском языке целесообразно предложить учащимся определенный алгоритм, помогающий перейти от рецептивного коммуникативного умения (чтения) к продуктивному (говорению).

Учебный алгоритм, который дается в первом разделе Пособия, состоит из последовательного выполнения заданий к текстам. В этом разделе приводятся микротексты, состоящие из нескольких предложений. Важными элементами такого алгоритма являются: развитие языковой догадки (задание 1), закрепление навыков работы со словарем (задание 2), развитие навыков перевода (задание 3), умение определить тему прочитанного текста (задание 4), умение понять главную мысль и замысел автора с использованием те-

стового задания множественного выбора (задание 5), понимание прочитанного и закрепление грамматических знаний (задание 6), работа над фонетической правильностью речи (задание 7), отработка и закрепление полученного результата (задание 8).

Приводим описание этого алгоритма и рекомендации по выполнению заданий.

Задание 1. Прочитайте текст без словаря и постарайтесь понять его содержание.

Задание 2. Прочитайте текст еще раз, на этот раз со словарем. Выпишите все незнакомые слова и их перевод. Выписывайте не все значения подряд или первое из них, а только то, в котором это слово употреблено в данном контексте. Не забывайте также о том, что значение слова часто зависит от того, какой частью речи оно является.

Задание 3. Выполните письменный перевод текста на русский язык.

Задание 4. Определите тематику текста. Вы можете использовать, например, такие предложения: *This text is about ….* / *This text deals with…..*

Задание 5. Выделите главную мысль текста. Для этого ответьте на вопрос: *What is the main/central idea/theme of the text?* Вам предлагается выбрать один из четырех вариантов ответа: (A), (B), (C) или (D). Ответ на вопрос можно начать с такого предложения: *The main idea of the text is the following…..*

Задание 6. Напишите 2—3 коротких предложения по содержанию текста. Помните о том, что вы его реферируете и не выписывайте предложения из текста. Старайтесь «упростить» использованную в тексте сложную грамматику и лексику, характерную для письменной речи, употребляйте простые предложения. Не забывайте о том, что в английском языке соблюдается жесткий порядок слов: подлежащее, сказуемое, дополнение и т.д.

Задание 7. Запишите полностью текст реферирования и проверьте по словарю произношение всех слов. На занятии преподаватель проверит правильность их произношения.

Задание 8. Прочитайте составленный вами текст несколько раз вслух и выучите его наизусть.

Ознакомившись таким образом с алгоритмом предстоящей работы и получив своего рода инструкцию к действию, учащийся приступает к работе с текстами. На этом этапе обучаемому даются ответы к заданиям и вариант изложения текста.

На примере одного из текстов этого раздела Пособия покажем, как выполняются задания на практике, приведем примерные ответы и возможный вариант изложения текста.

Lavoisier, the 18th century scientist, became more influential and famous than most of his contemporaries in his field because he discovered and isolated many of the chemical elements. He also gave them names which described the element in terms of its power and function and which came to be accepted by other scientists in subsequent generations.

Выполните задание 1. Прочитайте текст без словаря.

Выполните задание 2. Выпишите из текста незнакомые слова.

Выполните задание 3. Переведите текст на русский язык.

Выполните задание 4. Определите тематику текста.

В тексте говорится об ученом 18-го века Лавуазье.

This text is about Lavoisier, the 18th century scientist. /This text deals with Lavoisier, the 18th century scientist.

Выполните задание 5. Ответьте на вопрос: *What is the main/central idea/theme of the text?*

Для ответа выберите один из четырех вариантов:

(A) *Lavoisier wanted fame and influence.*

(B) *All elements found in the 18th century were named after Lavoisier.*

(C) *Lavoisier discovered many chemical elements.*

(D) *Lavoisier was the most famous scientist of his time.*

Правильным вариантом является (C).

Ответить можно так: *The main idea of the text is the following. Lavoisier discovered many chemical elements.*

Выполните задание 6. Напишите 2—3 коротких предложения по содержанию текста. Например: *Lavoisier described these elements and their properties. He gave them names. They were accepted by other scientists*.

Выполните задание 7. Запишите подготовленный текст реферирования и проверьте по словарю произношение всех слов. В итоге получилось следующее.

This text is about Lavoisier /This text deals with Lavoisier. The main idea of the text is the following. Lavoisier discovered many chemical elements. He described these elements and their properties. He gave them names. They were accepted by other scientists.

Выполните задание 8. Выучите составленный текст наизусть (выполняется после того, как преподаватель осуществит проверку правильности произношения всех слов).

Для контроля преподаватель использует индивидуальную форму, на его осуществление не требуется больших затрат учебного времени, так как основная работа проделана обучаемым при подготовке к занятию. Контроль имеет не только корректировочную функцию, а также функцию стимулирования и мотивации усилий учащихся, способствует преодолению у обучаемого неуверенности в своих силах и способностях, а также психологического барьера «боязни» говорения на английском языке, часто возникающего в процессе изучения иностранного языка.

Проработав таким образом тексты из первого раздела Пособия, учащийся переходит к следующему этапу обучения.

Во втором разделе Пособия приводятся бо́льшие по объему тексты (1000—1300 печатных знаков) и новый учебный алгоритм. Он состоит из меньшего количества заданий. В основном они нацелены на поиск и выделение наиболее важной информации. Алгоритм ответов и возможный вариант изложения на данном этапе обучения не приводится. Мы посчитали важным сохранить использование в учебном алгоритме тестового задания *multiple choice* для определения главной мысли текста, когда обучаемому предлагается (на этот раз самому) выбрать один из четырех ответов. Это связано с тем, что в процессе работы над формированием навыков составления собственного высказывания обу-

чаемый сталкивается с определенными трудностями, а выполнение такого рода задания ненавязчиво готовит его к самостоятельному высказыванию.

На этом этапе вводятся дополнительные фразы и обороты, характерные для устного реферирования текста. Так, для ответа на вопрос *What is the main idea of the text?* предлагается использовать такие фразы:

The subject matter of the text is…

The text touches upon …

The author discusses/considers some problems of…

The aim of the text is to give the reader some information on…

The text is devoted to… и т.п.

При изложении содержания прочитанного используются выражения:

The text is addressed to…

The text begins with…

The author says/writes/stresses/outlines/points out that…

The author describes/discusses some problems of…

The author gives a detailed description of… и т.п.

В заключении содержатся выводы:

In conclusion the author says that…

The author comes to the conclusion that…

Summing up I would like to say that… и т.п.

Большое внимание необходимо уделять такой части изложения, как выражение своего мнения относительно реферируемого текста. Желательно использовать, например, такие обороты и предложения:

In my opinion/view…

To my mind…

I guess…

Generally speaking…

The text gives us/provides us with/ some interesting/useful information

I completely/strongly agree/disagree with…

I find the text interesting/important/useful/helpful/dull/useless и т.п.

Важно отметить, что в процессе самостоятельной работы по подготовке устного реферирования текста обучаемый сам коррегирует свои действия, у него постепенно происходит процесс становления речевых умений и навыков на уровне самостоятельно подготовленного высказывания без помощи алгоритма ответов.

На этом этапе контроль также проводится индивидуально. Проверяется правильность понимания прочитанного, грамматического построения предложений и произношения. Преподавателю необходимо сопровождать свою оценку поощрением, рекомендацией. Функция контроля носит управленческий характер и направлена на ориентирование обучаемого на позитивную установку.

На третьем этапе работы предлагаются тексты для самостоятельной подготовки устного реферирования с применением усвоенной методики. Основная цель — формирование навыка неподготовленной монологической речи. В этом разделе пособия сначала приводятся небольшие тексты (примерно 500 тысяч знаков), затем тексты б*о*льшего объема (2000 знаков), причем к каждому дается список незнакомых слов с переводом на русский язык.

Пособие имеет приложение, в котором приводится структура изложения устного реферирования текста, состоящая из четырех частей: *introduction*, *main points*, *conclusion*, *your opinion of the text.* К каждой части даются речевые клише и обороты, что значительно облегчает построение высказываний.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в рамках существующей сетки часов эффективность работы преподавателя по обучению аспирантов устной речи зависит в первую очередь от использования рациональных приемов обучения и наличия соответствующего учебно-методического пособия.

Описанные в данной статье приемы обучения устному реферированию текста на английском языке успешно используются автором данной статьи в процессе подготовки аспирантов к кандидатскому экзамену по английскому языку. Практика показала, что

представленная методика позволяет поэтапно формировать навыки монологической речи: сначала на уровне использования подготовленного высказывания, затем самостоятельно подготовленного и, наконец, неподготовленного. При этом последовательность (поэтапность) работы по предложенному Пособию может быть смещена в зависимости от уровня языковой подготовки обучаемых и особенностей группы.

К достоинствам этой методики можно отнести то, что она повышает уровень мотивации изучения английского языка и способствует развитию способностей к самообучению.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что последовательная самостоятельная работа учащихся в соответствии с предлагаемой в данной статье методикой под руководством и контролем со стороны преподавателя — один из путей оптимизации обучения аспирантов на кандидатском семестре.

Обзоры. Рецензии

Book Reviews and Common References

Н. М. Разинкина (Институт языкознания РАН)

N. M. Razinkina (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Рецензия на книгу О. В. Сиполс. Русско-английский словарь устойчивых словосочетаний. Общенаучная лексика (около 1300 словарных статей). М.: Изд-во URSS, 2018, 299 с.

В связи с глобализацией научного знания всё чаще появляется необходимость изложить результаты своих исследований на английском языке (в научных статьях, докладах, аннотациях или тезисах). При этом часто возникают серьёзные трудности, особенно, если ученый старается перевести на английский текст, уже написанный им на русском языке.

Вследствие культурных и серьёзных языковых различий перевод с русского языка становится весьма проблематичным, и даже грамматически правильно составленное предложение может оказаться непонятным для английского читателя. Поэтому самый верный путь — научиться писать научный текст на английском языке. В помощь ученому — «Словарь устойчивых словосочетаний».

Представленный в словаре материал облегчает составление английского предложения с помощью точно подобранных словосочетаний. Автор отступает от традиционного перевода слова во всех его значениях. Вместо этого автор показывает его употребление в конкретных контекстах. Последние включают также служебные слова, что имеет немаловажное значение для тех, кто думает, говорит и пишет на русском языке.

Словарь содержит как целые законченные предложения, так и отдельные словосочетания. Например, «осуществлению планов» соответствует словосочетание

“implementation of plans”, «осуществлению надежд» — “realization of one’s hopes”, «осуществлению полномочий» — “exercise of power”, а предложению «осуществление проекта было затруднено из-за недостаточного финансирования» будет соответствовать английское “the project was hampered by lack of funds”, т.е. само слово ‘осуществление’ здесь вообще переводить не следует.

Ко многим словам приводятся синонимы (как в русской, так и в английской частях словаря). При этом автор постоянно имеет в виду, что лексика научного изложения обладает своими специфическими особенностями, и нередко знакомое нам слово, как оказывается, в научном тексте имеет нестандартные соответствия.

Рецензируемый словарь является результатом многолетней работы автора с аспирантами и научными сотрудниками Российской академии наук (Институт языкознания РАН, Кафедра иностранных языков). Напомню, что О. В. Сиполс является автором еще трёх словарей. Это «Англо-русский учебный словарь с синонимами и антонимами. Общенаучная лексика» (М.: Изд-во «Флинта», «Наука», 2003, 606 с.), «Англо-русский словарь начинающего переводчика» (М.: Изд-во «Флинта», «Наука», 2005 (в соавторстве с Г. А. Широковой)), а также «Новый англо-русский словарь-справочник. Экономика» (М.: «Флинта», «Наука», 2011).

В заключение считаю необходимым остановиться на следующих трех моментах.

Во-первых, основой для создания рецензируемого Словаря послужила новейшая русская и английская научная литература во всех её жанровых разновидностях. Это — монографии, научные статьи, рецензии, материалы конференций, литература справочного характера.

Во-вторых, автор внимательно следил за тем, чтобы использованный им материал был создан учеными, для которых английский язык является родным.

В-третьих, представленный в Словаре материал характерен как для естественнонаучной, так и для гуманитарной научной прозы.

Словарь О. В. Сиполс уже завоевал признание многих научных сотрудников как весьма полезный помощник при написании ими статей на английском языке.

Содержание

Проблемы описания языка

Абакарова Н. М. (Институт языкознания РАН)
О сюжетной реализации смысловой вариативности в художественном тексте … 3
Барулин А. Н. (Институт языкознания РАН)
Проект создания толково-комбинаторного словаря морфем…….…….…..……. 11
Барулин А. Н., Шведова А. А. (Институт языкознания РАН)
О корне глагола ИДТИ…….…..……. 58
Гулыга О. А. (Институт языкознания РАН)
О лингвистической полифонии в семантике (на материале русского и французского языков)…….…..……. 102
Дронов П. С. (Институт языкознания РАН)
Движение от экспериенцера: об одной ориентационной метафоре
в славянской, германской и кельтской фразеологии …….…… 110
Дьячков В. В. (Институт языкознания РАН)
К вопросу о параметризации прилагательных в типологически
ориентированных базах данных ……. 122
Зотова А. К. (Институт языкознания РАН)
Терминосистема базы данных «Языки мира»: полисемия и синонимия сквозь призму перевода (на материале проекта синонимического терминологического русско-английского указателя к базе данных «Языки мира» ИЯз РАН)…… 133
Иоанесян Е. Р. (Институт языкознания РАН)
Слова со значением высокой степени при эмоциональных предикатах…….. 146
Руссо М. М. (Полит.ру)
О направлении семантических переходов…….……. 181
Рябцева Н. К. (Институт языкознания РАН)
Названия научных публикаций на английском языке: дидактический и методологический аспект…….....…… 191
Терехова Е. В. (Национальный научный центр морской биологии им. А.В. Жирмунского, Дальневосточное отделение РАН)
Рекуррентные композитные конструкции в английской научной прозе: функционирование и перевод……..……..…....… 203
Шаров А. В. (Институт языкознания РАН)
Об этимологии и особенностях употребления слов со значением ‘надежда’
в венгерском языке…… 225
Юе Цюй (Институт языкознания РАН)
Проблема межъязыковой неоднозначности при переводе номенклатурных терминов московского городского топонимикона с русского языка на китайский……... 234

Проблемы преподавания языка

Разинкина Н. М. (Институт языкознания РАН)
Учебный подход к понятию «экспрессивность текста»
(с вопросами, заданиями и примерами на русском и английском языках)....… 247
Широкова Г. А. (Институт языкознания РАН)
Из опыта обучения аспирантов грамматике английского языка……. 294

Обзоры. Рецензии

Разинкина Н. М. (Институт языкознания РАН)
Рецензия на книгу О. В. Сиполс. Русско-английский словарь устойчивых словосочетаний. Общенаучная лексика (около 1300 словарных статей).
М.: Изд-во URSS, 2018, 299 с……..……... 303

Об авторах

Абакарова Наида Мурадбековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: naika72@mail.ru.

Барулин Александр Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора компаративистики Института языкознания РАН; e-mail: barulin@iling-ran.ru.

Васильева Наталия Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru.

Гулыга Ольга Арсеньевна, идат филологических наук, старший научный сотрудник сектора романских языков? Институт языкознания РАН; e-mail: ogulyga@yandex.ru.

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова (НОЦ ТиПК), Институт языкознания РАН; e-mail: pavel.dronov@iling-ran.ru.

Дьячков Вадим Викторович, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: hyppocentaurus@mail.ru.

Зотова Анастасия Кирилловна, младший научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: zotova90990@gmail.com

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ioanevg@mail.ru.

Разинкина Нина Марковна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Института языкознания РАН; e-mail: n.razinkina@list.ru.

Руссо Максим Михайлович, редактор отдела науки, интернет-портала «Полит.ру», Москва; e-mail: maks.rousseau@gmail.com.

Рябцева Надежда Константиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: nadia_riabceva@mail.ru.

Терехова Евгения Викторовна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Национального научного центра морской биологии им. А. В. Жирмунского, Дальневосточное отделение РАН (ННЦМБ ДВО РАН), г. Владивосток, РФ; e-mail: evgeniavlad@gmail.com.

Шаров Александр Владимирович, аспирант сектора урало-алтайского языкознания Института языкознания РАН (научный руководитель д.ф.н. А. В. Дыбо); e-mail: ghauasha@gmail.com.

Шведова Анна Андреевна, аспирант сектора компаративистики Института языкознания РАН (научный руководитель к.ф.н. А. Н. Барулин); e-mail: yara108@yandex.ru.

Широкова Галина Алексеевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: Shirokov_Vladimir_A@cat.com.

Юе Цюй, аспирантка сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН (научный руководитель д.ф.н. Н. В. Васильева); e-mail: yuequ0726@yandex.com.